
THE EIGHTH STORY.
NINETEEN YEARS LATER.
HARRY POTTER
and the CURSED CHILD
PARTS I & II

Гарри Поттер и испорченный ребёнок

Джоан К. Роулинг

Аннотация
Джоан К. Роулинг. ИСПОРЧЕННЫЙ РЕБЕНОК
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АКТ ПЕРВЫЙ,
АКТ ВТОРОЙ,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
АКТ ТРЕТИЙ,
АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ,

Аннотация

Перевод пьесы Роулинг "Harry Potter and the Cursed Child"

Джоан К. Роулинг
ИСПОРЧЕННЫЙ РЕБЕНОК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АКТ ПЕРВЫЙ,

СЦЕНА ПЕРВАЯ
ВОКЗАЛ КИНГС-КРОСС

Оживленная и многолюдная станция. Множество куда–то спешащих людей. В этой давке и сутолоке движутся две битком набитые тележки, на каждой — большая дребезжащая клетка на самом верху. Тележки толкают два мальчика, ДЖЕЙМС ПОТТЕР и АЛЬБУС ПОТТЕР, за ними идет их мать ДЖИННИ. У ГАРРИ, которому уже стукнуло тридцать семь, на плечах сидит дочка ЛИЛИ.

АЛЬБУС: Па, он все равно это говорит!

ГАРРИ: Джеймс, уймись.

ДЖЕЙМС: Я только сказал, что он может попасть в Слизерин. Он ведь и вправду может… *(натыкается на пристальный взгляд отца.)* Ладно.

АЛЬБУС *(поднимает глаза на маму)*: Ты же будешь мне писать, правда?

ДЖИННИ: Если захочешь — хоть каждый день будем писать.

АЛЬБУС: Нет, каждый день не надо. Джеймс

говорит, что большинство получает письма из дома где–то раз в месяц. Мне бы не хотелось…

ГАРРИ: В прошлом году мы писали твоему брату три раза в неделю.

АЛЬБУС: Чего?! Джеймс!

АЛЬБУС смотрит на ДЖЕЙМСА осуждающе.

ДЖИННИ: Именно так. Тебе лучше не верить всему, что он тебе рассказывает о Хогвартсе. Твой братец любит поприкалываться.

ДЖЕЙМС *(с усмешкой)*: Можно мы пойдём?

АЛЬБУС смотрит на отца, затем на маму.

ДЖИННИ: Вам надо просто идти прямо на стену между девятой и десятой платформами.

ЛИЛИ: Ой, я так волнуюсь!

ГАРРИ: Не останавливайся и не бойся, что врежешься в неё: это очень важно помнить. Если нервничаешь — лучше сделай это на бегу.

АЛЬБУС: Я готов.

ГАРРИ и ЛИЛИ кладут руки на тележку АЛЬБУСА, ДЖИННИ хватается за тележку ДЖЕЙМСА — и вся семья дружно устремляется бегом к барьеру.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ВТОРАЯ

ПЛАТФОРМА

НОМЕР ДЕВЯТЬ И ТРИ ЧЕТВЕРТИ

Полускрытая толстым слоем белого пара,

который извергает ХОГВАРТСКИЙ ЭКСПРЕСС.

На ней тоже толкучка, но вместо людей в нарочито модных нарядах, спешащих по своим делам, повсюду волшебники и волшебницы в мантиях; в основном они пытаются придумать какие–нибудь слова на прощанье для своих любимых отпрысков.

АЛЬБУС: Ну, вот и порядок.

ЛИЛИ: Ух ты!

АЛЬБУС: Платформа номер девять и три четверти…

ЛИЛИ: А где остальные? Они здесь? Они, наверное, еще не пришли, да?

ГАРРИ показывает на РОНА, ГЕРМИОНУ и их дочь РОЗУ. ЛИЛИ со всех ног бежит к ним.

Дядя Рон! Дядя Рон!

РОН поворачивается и подхватывает на руки несущуюся к нему ЛИЛИ.

РОН: Моя самая любимая из Поттеров!

ЛИЛИ: Ты для меня фокус приготовил?

РОН: А знаешь ли ты патентованное заклинание великих мудрецов Уизли «Свистни нос»?

РОЗА: Мам! А папа опять дурью мается!

ГЕРМИОНА: Ты говоришь — дурь, он говорит — шедевр, я говорю… ну, что–то среднее.

РОН: Сначала набираем в рот этот, как его…

ах да, воздух. Теперь осталось самое простое… Извини, если будет немного пахнуть чесноком…

Он наклоняется и легонько свистит ей в лицо. ЛИЛИ хихикает.

ЛИЛИ: Ты пахнешь кашей.

РОН: Бим–бам–бом! Теперь, барышня, вы больше никогда не сможете нюхать…

Отрывает у неё нос.

ЛИЛИ: Где мой нос?

РОН: Та–дам!

В руке у него ничего нет. Фокус действительно отстойный. Все с этим согласны.

ЛИЛИ: Ты глупый!

АЛЬБУС: Все опять на нас смотрят.

РОН: Это из–за меня! Я ужасно знаменитый. Мои эксперименты с носом уже вошли в легенды!

ГЕРМИОНА: О да, это что–то…

ГАРРИ: Припарковались нормально?

РОН: Ага. Гермиона не верила, что я могу сдать на магглские права, представляешь? Она думала, мне придется наложить на экзаменатора Конфундус.

ГЕРМИОНА: Ничего такого я не думала, я в тебя полностью верила.

РОЗА: А я полностью верила в то, что он наложит на экзаменатора Конфундус.

РОН: Нет, ну вы слышали?!

АЛЬБУС: Пап…

АЛЬБУС дёргает ГАРРИ за край мантии. ГАРРИ переводит на него взгляд.

А как ты думаешь, что будет, если я… если меня распределят в Слизерин?

ГАРРИ: Ну и что в этом такого?

АЛЬБУС: Слизерин — это змеиный колледж, это колледж Тёмной магии! И уж точно не колледж храбрых волшебников.

ГАРРИ: Альбус Северус, тебя назвали в честь двух директоров Хогвартса. Один из них был слизеринцем и, к тому же, пожалуй, одним из самых храбрых людей из всех, кого я знал.

АЛЬБУС: Нет, ну ты ответь!

ГАРРИ: Если это действительно важно для тебя — *именно для тебя!* — Сортировочная Шляпа не останется глухой к твоим чувствам.

АЛЬБУС: Правда?

ГАРРИ: Я знаю это по собственному опыту.

Гарри вдруг осознаёт, что об этом он никогда никому не говорил.

Альбус, Хогвартс станет для тебя тем, что́ ты сам из него сделаешь. Ручаюсь, тебе там нечего бояться.

ДЖЕЙМС: Кроме фестралов. Будь осторожнее с

фестралами!

АЛЬБУС: Я думал, они невидимые!

ГАРРИ: Слушай своих профессоров, *не слушай* Джеймса и радуйся жизни. А теперь, если не хочешь, чтобы этот поезд ушел без тебя, садись в вагон…

ЛИЛИ: Я сейчас буду прогонять поезд!

ДЖИННИ: Лили, не сутулься.

ГЕРМИОНА: Роза, не забудь передать от нас привет Невиллу.

РОЗА: Ма, ну вот как я это сделаю?

РОЗА идет к поезду. АЛЬБУС поворачивается к ДЖИННИ и ГАРРИ, обнимает их напоследок и бежит за Розой.

АЛЬБУС: Ладно, всё, пока!

Альбус взбирается на ступеньку вагона. ГЕРМИОНА, ДЖИННИ, РОН и ГАРРИ стоят, глядя в сторону поезда: свист паровоза уже разносится по платформе.

ДЖИННИ: С ними всё будет в порядке, правда?

ГЕРМИОНА: Хогвартс большой…

РОН: Большой. Чудесный. Набитый едой. Всё бы отдал, чтобы туда вернуться.

ГАРРИ: Странно, Ал беспокоится, чтобы его не распределили в Слизерин.

ГЕРМИОНА: Это еще что — Роза беспокоится,

что не сможет выбить новый рекордный счет в квиддиче в первом или втором классе. И еще её заботит, в каком возрасте она сможет сдать С. О.В. ы.

РОН: Даже не представляю, откуда она набралась этих амбиций…

ДЖИННИ: Гарри, а вот что бы ты почувствовал, если бы Ала… если бы его и вправду?..

РОН: Знаешь, Джин, а ведь мы всегда думали, что тебя могли распределить в Слизерин.

ДЖИННИ: Чего?!

РОН: Честно. Фред и Джордж даже ставки принимали.

ГЕРМИОНА: Мы можем идти? На нас уже люди смотрят, знаете ли.

ДЖИННИ: Люди всегда смотрят, когда вы трое собираетесь вместе. Да и по отдельности. Люди просто всегда на вас смотрят.

Уизли уходят. ДЖИННИ останавливает ГАРРИ.

Гарри… С ним же все будет в порядке, правда?

ГАРРИ: Ну конечно.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ХОГВАРТСКИЙ ЭКСПРЕСС

АЛЬБУС и РОЗА идут по вагону.

К ним приближается ВЕДЬМА С ТЕЛЕЖКОЙ,

толкая тележку перед собой.

ВЕДЬМА С ТЕЛЕЖКОЙ: Ребятки, хотите купить что–нибудь на этой тележке? Тыквенный пирог? Шоколадную лягушку? Котелковый кекс?

РОЗА *(заметив, каким влюбленным взглядом АЛЬБУС уставился на Шоколадных лягушек)*: Ал, мы должны очень хорошо подумать.

АЛЬБУС: О чем?

РОЗА: О том, с кем будем дружить. Как ты знаешь, мои мама и папа в первый раз встретились с твоими мамой и папой в Хогвартском экспрессе…

АЛЬБУС: То есть нам прямо сейчас надо решить, с кем дружить всю жизнь? Мне даже страшно от такой мысли…

РОЗА: Наоборот, это здо́рово! Я — Грейнджер — Уизли, ты — Поттер; с нами каждый захочет подружиться, а мы сможем выбрать кого захотим.

АЛЬБУС: А как мы решим, в какое купе садиться?

РОЗА: Мы каждого оценим и затем примем решение.

АЛЬБУС открывает дверь — и встречается взглядом с одиноко сидящим светловолосым мальчиком — СКОРПИУСОМ. Кроме него, в купе никого нет. АЛЬБУС улыбается. СКОРПИУС улы-

бается в ответ.

АЛЬБУС: Привет! Тут свободно?

СКОРПИУС: Свободно. Здесь только я.

АЛЬБУС: Отлично. Тогда мы… мы зайдем… ну так, на минутку… хорошо?

СКОРПИУС: Конечно. Привет.

АЛЬБУС: Альбус. Ал. Я… меня зовут Альбус…

СКОРПИУС: Привет, Скорпиус. То есть это меня зовут Скорпиус. Ты Альбус. Я Скорпиус. А ты, наверное…

Лицо РОЗЫ с каждым мгновением приобретает всё более холодное выражение.

РОЗА: Роза.

СКОРПИУС: Привет, Роза. Хочешь угощу Жужжащими Волшепчёлами?

РОЗА: Спасибо, я как раз позавтракала.

СКОРПИУС: У меня ещё есть Шок — Оладьи, Перечные Чёртики и немножко Мармеладных Слизняков. Это мамина идея — она говорит *(поёт):* «Сладости — новым друзьям для радости…». *(Понемногу осознаёт, что песня как–то не к месту).* Дурацкая идея, наверное.

АЛЬБУС: Я немножко возьму — мама не разрешает мне брать с собой сладкое. С чего начнём?

РОЗА толкает АЛЬБУСА в бок, следя, чтобы СКОРПИУС не заметил.

СКОРПИУС: Да легко. Я всегда думал, что Перечный Чёртик — это король конфетного набора. В Чёртиков кладут мяту, и от них дым идёт через уши.

АЛЬБУС: Отлично, тогда с них и… *(РОЗА опять толкает его.)* Роза, ты можешь не толкаться?

РОЗА: Я и не толкаюсь.

АЛЬБУС: Ты *толкаешься*, и мне больно.

У СКОРПИУСА вытягивается лицо.

СКОРПИУС: Она толкается из–за меня.

АЛЬБУС: Что?

СКОРПИУС: Послушай, я знаю, кто вы, поэтому будет честно, если ты узнаешь, кто я.

АЛЬБУС: Ты знаешь, кто я? Что ты имеешь в виду?

СКОРПИУС: Ты — Альбус Поттер. Она — Роза Грейнджер — Уизли. А я — Скорпиус Малфой. Мои родители — Астория и Драко Малфой. Наши родители никогда не ладили между собой.

РОЗА: И это мягко говоря! Твои мама и папа — Пожиратели смерти!

СКОРПИУС *(оскорблённо)*: Папа был Пожирателем — но мама не была!

РОЗА смотрит в сторону, и СКОРПИУС знает, почему она отвернулась.

Я знаю, о чём ходят слухи, но это враньё.

АЛЬБУС переводит взгляд с недовольной РОЗЫ на СКОРПИУСА.

АЛЬБУС: Слухи? О чём?

СКОРПИУС: *Слухи* говорят, что мои родители не могли иметь детей. Что мои папа и дедушка так мечтали о блестящем наследнике, который продолжил бы род Малфоев, что они… что они использовали Маховик времени, чтобы вернуть мою маму в то время…

АЛЬБУС: Вернуть её в какое время?

РОЗА: Альбус, слухи говорят о том, что он — сын Волан–де–Морта.

Настаёт ужасная напряжённая тишина.

Это наверняка чушь. То есть… слушай, но у тебя же есть нос — не то что у Волан–де–Морта!

Напряжение немного разрядилось. СКОРПИУС смеётся с облегчением и благодарностью.

СКОРПИУС: И он совсем как у моего отца! У меня его нос, его волосы и его фамилия. Не то чтобы всем этим можно было особо гордиться… Ну, в смысле, тем общим, что бывает у сына с отцом, у нас с этим всё в порядке. Но вообще я бы скорее хотел быть Малфоем, чем сыном Тёмного лорда.

СКОРПИУС и АЛЬБУС смотрят друг на друга и ощущают, что между ними устанавливается какая–то связь.

РОЗА: Ну ладно, мы, наверное, выберем себе какие–нибудь другие места. Идём, Альбус.

АЛЬБУС напряжённо размышляет.

АЛЬБУС: Не-а. *(избегая взгляда РОЗЫ.)* Мне и тут хорошо. Ты иди…

РОЗА: Альбус, я ждать не буду.

АЛЬБУС: Да и не надо, я так и думал, что ты уйдёшь. А я остаюсь.

РОЗА какое–то мгновение смотрит на него и затем выходит из купе.

РОЗА: Ну и хорошо!

СКОРПИУС и АЛЬБУС смотрят друг на друга с неуверенностью.

СКОРПИУС: Спасибо.

АЛЬБУС: Да нет. Ты неправильно понял. Я… я не ради тебя остался. На самом деле я остался ради твоих лакомств.

СКОРПИУС: Она бывает такой резкой в разговоре…

АЛЬБУС: Да. Извини.

СКОРПИУС: Да ничего. Мне понравилось. Как ты хочешь, чтобы к тебе обращались: Альбус или Ал?

Улыбается и запихивает две конфеты в рот.

АЛЬБУС *(подумав)*: Альбус.

СКОРПИУС *(из ушей у него идет дым)*: СПАСИБО,

ЧТО ОСТАЛСЯ РАДИ МОИХ ЛАКОМСТВ, АЛЬБУС!

АЛЬБУС *(смеясь)*: Офигеть.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРЕХОДНАЯ СЦЕНА

А теперь мы попадаем в никогда не существовавший мир изменённого времени. И эта сцена вся *посвящена магии. Когда мы перепрыгиваем из одного мира в другой, изменения совершаются мгновенно. Нет отдельных сцен — одни лишь фрагменты, осколки, в которых зафиксирована временна́я последовательность событий.*

Сначала мы переносимся в Хогвартс, в Большой зал; все танцуют вокруг АЛЬБУСА.

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Альбус Поттер!

КАРЛ ДЖЕНКИНС: Из семейства Поттеров! Как раз в наш год!

ЯН ФРЕДЕРИКС: И причёска, как у того самого! У него волосы зачёсаны, как у того Поттера…

РОЗА: И он мой двоюродный брат. *(Все поворачиваются.)* Роза Грейнджер — Уизли. Рада встрече.

Сортировочный Шляп проходит между студентами, которые быстро расходятся по своим колледжам. Становится ясно, что он идет к РОЗЕ, ждущей своей судьбы и напряженной, как струна.

СОРТИРОВОЧНЫЙ ШЛЯП:

Веками даю образцовый совет;
Мне мысли подвластны в любой голове,
Я честно измерю душевный масштаб:
Учти: справедлив Сортировочный шляп!
Одни попадают к учебной элите,
Другие к плебеям — потом не скулите;
И я неподкупен — не нужно интриг;
Свой колледж узнаешь при всех через миг!
Роза Грейнджер — Уизли…
Кладет свою шляпу на голову РОЗЫ.
ГРИФФИНДОР!
Гриффиндорцы приветствуют направляющуюся к ним РОЗУ одобрительными возгласами и аплодисментами.
РОЗА: Спасибо Дамблдору.
СКОРПИУС спешит занять место РОЗЫ под внимательным взглядом Сортировочного Шляпа.
СОРТИРОВОЧНЫЙ ШЛЯП: Скорпиус Малфой…
Кладет свою шляпу на голову СКОРПИУСА.
СЛИЗЕРИН!
СКОРПИУС ожидал этого, он кивает и неуверенно улыбается. Слизеринцы приветствуют направляющегося к ним СКОРПИУСА одобрительными возгласами и аплодисментами.
ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Ну а что, это логично.
АЛЬБУС быстро выходит на передний край

сцены.

СОРТИРОВОЧНЫЙ ШЛЯП: Альбус Поттер…

Кладет свою шляпу на голову АЛЬБУСА — и на этот раз медлит: можно даже заподозрить, что он слегка смущён.

СЛИЗЕРИН!

Воцаряется тишина.

Полная, абсолютная тишина.

Нахлобученная по самые уши, немного не в себе и с изъяном внутри.

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Слизерин?!

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Ух ты! Один из Поттеров — и чтобы в Слизерин?!

АЛЬБУС неуверенно оглядывается. Счастливый СКОРПИУС улыбается и кричит ему через весь зал:

СКОРПИУС: Можешь стать рядом со мной!

АЛЬБУС *(порядком ошарашенный)*: Ага. Точно.

ЯН ФРЕДЕРИКС: Пожалуй, причёски у них чуть отличаются…

РОЗА: Альбус! Но это же неправильно, Альбус! Так не должно было случиться!

Внезапно обстановка меняется на урок полётов с МАДАМ ХУЧ.

МАДАМ ХУЧ: Ну и чего мы ждём? Все стали рядом с мётлами! Вперёд, быстрее!

Все дети спешат занять места рядом со своими мётлами.

Протяните руку над метлой и скажите «Ап!».

ВСЕ: Ап!

Мётлы РОЗЫ и ЯНА подлетают вверх и ложатся в руки своих хозяев.

РОЗА и ЯН: Ура!

МАДАМ ХУЧ: Ну же, давайте, у меня нет времени возиться с сачками. Говорите «АП!». «АП!» — вы же знаете, что это значит.

ВСЕ *(кроме РОЗЫ и ЯНА)*: АП!

Мётлы, в том числе и метла СКОРПИУСА, взмывают вверх. На полу остаётся лишь метла АЛЬБУСА.

ВСЕ *(кроме РОЗЫ, ЯНА и АЛЬБУСА)*: УРА!

АЛЬБУС: Ап! АП! АП!!!

Его метла остаётся неподвижной. Не сдвигается ни на миллиметр. Альбус глядит на неё с неверием и отчаяньем. Со стороны остальных учеников слышны смешки.

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Клянусь бородой Мерлина, это просто лузер какой–то! Куда ему до его отца, правда, ребята?

КАРЛ ДЖЕНКИНС: Альбус Поттер, сквиб из Слизерина!

МАДАМ ХУЧ: Ладно, дети. Теперь — время ле-

тать.

По всей сцене начинает расползаться дым, а рядом с АЛЬБУСОМ неожиданно появляется ГАРРИ. Мы опять находимся на платформе девять и три четверти, и часы безжалостно отсчитывают секунды. АЛЬБУС теперь на год старше (как и ГАРРИ, но с тем это не так заметно).

АЛЬБУС: Пап, ну я только хотел попросить тебя… пожалуйста, стань от меня чуть дальше.

ГАРРИ *(позабавленный)*: Второклашки не любят, когда их видят рядом с отцами, я правильно понял?

Какой–то ЧЕРЕСЧУР ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК начинает описывать вокруг них круги.

АЛЬБУС: Да нет. Просто… ты — это *ты*, а я… а я — это я, и…

ГАРРИ: Просто потому, что люди смотрят? Да, люди смотрят. На меня, а не на тебя.

ЧЕРЕСЧУР ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК что–то протягивает ГАРРИ для автографа, и тот расписывается.

АЛЬБУС: На Гарри Поттера и его сына–неудачника.

ГАРРИ: Ты чего?!

АЛЬБУС: На Гарри Поттера и его сына–слизе-

ринца.

ДЖЕЙМС спешит мимо них, держа в руках сумку.

ДЖЕЙМС: Слизеринчик, не бузи, вон туда скорей ползи, пора в поезд садиться.

ГАРРИ: Не надо, Джеймс.

ДЖЕЙМС *(исчезая)*: Увидимся на Рождество, пап.

ГАРРИ озабоченно смотрит на АЛЬБУСА.

ГАРРИ: Ал…

АЛЬБУС: Меня зовут Альбус, а не Ал.

ГАРРИ: Другие ребята плохо к тебе относятся? В этом дело? Может, ты постараешься завести ещё хоть пару друзей? Лично я без Гермионы и Рона не выжил бы в Хогвартсе, да и вообще…

АЛЬБУС: Но мне не нужны Рон и Гермиона. У меня… у меня есть друг, Скорпиус, и я знаю, что он тебе не нравится, но он — это всё, что мне нужно.

ГАРРИ: Лишь бы ты был счастлив, остальное для меня неважно.

АЛЬБУС: Зря ты решил проводить меня на станцию, папа.

АЛЬБУС берёт чемоданчик и спешит прочь.

ГАРРИ: Да я же *хотел* быть здесь, с тобой!..

Но АЛЬБУС уже ушёл.

Из толпы показывается ДРАКО МАЛФОЙ, в своей безукоризненной мантии, с волосами, аккуратно уложенными в хвост, и подходит к ГАРРИ.

ДРАКО: Мне от тебя нужна одна услуга.

ГАРРИ: Здравствуй, Драко.

ДРАКО: Все эти слухи о… о возможных родителях моего сына, по–моему, и не собираются прекращаться. Другие ученики Хогвартса постоянно дразнят этим Скорпиуса. Вот если бы Министерство выпустило заявление, ещё раз подтверждающее, что все Маховики времени были уничтожены в столкновении в Отделе тайн…

ГАРРИ: Слушай, лучше подожди, пока всё уляжется: они скоро переключатся на что–нибудь другое.

ДРАКО: Мой сын страдает от этого, так что… Астория в последнее время не слишком хорошо себя чувствует, поэтому ему нужна вся возможная поддержка.

ГАРРИ: Отзовёшься на сплетню — раздуешь сплетню. Уже много лет ходят слухи о том, что у Волан–де–Морта был ребёнок; Скорпиус — не первый, кому такое приписывают. Министерству лучше не вмешиваться во всё это — как ради вас, так и ради нас.

ДРАКО в раздражении хмурит брови.

Затем сцена пустеет, и на ней появляются РОЗА и АЛЬБУС; они стоят, держа наготове чемоданы.

АЛЬБУС: Как только поезд тронется, можешь со мной не разговаривать.

РОЗА: Я знаю. Притворяться надо только если рядом взрослые.

Подбегает СКОРПИУС — полный надежд, тащит даже больший по размеру чемодан.

СКОРПИУС *(с надеждой)*: Привет, Роза.

РОЗА *(решительно)*: Пока, Альбус.

СКОРПИУС *(всё ещё с надеждой)*: По–моему, она ведёт себя уже чуть приветливее…

И вдруг мы оказываемся в Большом зале, и профессор МАКГОНАГАЛЛ стоит перед залом с широкой улыбкой на лице.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: …И я рада представить нового члена команды Гриффиндора по квиддичу — нашего… *(тут она понимает, что ей нельзя быть субъективной)* то есть вашего превосходного нового нападающего — Розу Грейнджер — Уизли!

Зал взрывается приветственными криками и аплодисментами. СКОРПИУС аплодирует вместе со всеми.

АЛЬБУС: Ты ей тоже хлопаешь? Мы терпеть не можем квиддич, а она ещё и играет за другой колледж.

СКОРПИУС: Она твоя двоюродная сестра, Альбус.

АЛЬБУС: Думаешь, она бы мне хлопала?

СКОРПИУС: Я думаю, что она потрясающая…

Когда занятия в классе Зелий начинаются, студенты опять окружают АЛЬБУСА.

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Альбус Поттер… Совершенно несущественное существо. Когда он идёт по лестнице, от него даже портреты отворачиваются.

АЛЬБУС склоняется над зельем.

АЛЬБУС: А теперь добавим… это же рог двурога?

КАРЛ ДЖЕНКИНС: Вот честно, на него и на этого выкормыша Волан–де–Морта даже время жалко тратить.

АЛЬБУС: И немножко крови саламандры…

Сосуд с зельем с грохотом взрывается.

СКОРПИУС: Так… И какой тут ингредиент нужно добавить, чтобы подобного не случалось? Что нам надо изменить?

АЛЬБУС: Всё.

После этих слов действие перескакивает на долгое время вперёд — глаза АЛЬБУСА становятся

темнее, лицо приобретает несколько болезненный цвет. Он по–прежнему привлекательно выглядит, но старается это игнорировать.

Внезапно он опять оказывается на платформе девять и три четверти с отцом, который всё ещё старается убедить сына (и себя), что всё в порядке. Оба стали старше на год.

ГАРРИ: Третий год. Важный год. Вот твоё разрешение на посещение Хогсмида.

АЛЬБУС: Ненавижу Хогсмид.

ГАРРИ: Как тебе может не нравиться место, где ты толком ни разу и не был?

АЛЬБУС: Потому что я знаю, что там полным–полно ребят из Хогвартса.

АЛЬБУС комкает лист с разрешением.

ГАРРИ: Просто попробуй, прошу тебя! Это же твой шанс оторваться в «Горшочке с мёдом», чтобы мама не узнала… нет, Альбус, не вздумай!

АЛЬБУС *(направляя палочку на скомканную бумагу)*: Пламенио!

Бумажный комок вспыхивает и летит через сцену.

ГАРРИ: …обо всех этих дурацких выходках!

АЛЬБУС: Смешно, но я не ожидал, что заклинание сработает. Оно у меня почти никогда не получается.

ГАРРИ: Ал… Альбус, я переписываюсь через сов с профессором МакГонагалл — она говорит, что ты замыкаешься в себе, что во время учёбы ты ни с кем не общаешься, всегда в мрачном настроении, и ещё что ты…

АЛЬБУС: И что ты хочешь, чтобы я сделал? Наворожил себе популярность? Колданул себя в новый колледж? Трансфигурировал себя в более успевающего ученика? Па, просто произнеси заклятье и преврати меня в то, что тебе нужно, лады? Так будет лучше для нас обоих. А вообще я должен идти. Успеть на поезд. Найти друга.

АЛЬБУС бежит к СКОРПИУСУ, который сидит на своём чемодане и ничего вокруг себя не слышит. (радостно) Скорпиус!.. *(озабоченно)* Скорпиус, с тобой все в порядке?

СКОРПИУС ничего не отвечает. АЛЬБУС старается прочитать ответ в глазах друга. Твоя мама?.. Ей стало хуже?

СКОРПИУС: Более чем.

АЛЬБУС садится рядом со СКОРПИУСОМ.

АЛЬБУС: Я думал, ты пошлёшь сову…

СКОРПИУС: Я так и не придумал, что сказать.

АЛЬБУС: А теперь я не знаю, что сказать…

СКОРПИУС: Ничего не говори.

АЛЬБУС: Чем я могу?..

СКОРПИУС: Приходи на похороны.

АЛЬБУС: Конечно.

СКОРПИУС: И будь моим хорошим другом.

И тут Сортировочный Шляп вдруг выходит на середину сцены, и мы опять оказываемся в Большом зале.

СОРТИРОВОЧНЫЙ ШЛЯП:

Боишься расстаться с мечтами своими?
Боишься услышать нежданное имя?
Только не Слизерин! Только не Гриффиндор!
Только не Пуффендуй! Только не Когтевран!
Не бойся, дитя: в своём деле я — маг!
Сейчас улыбнёшься, забыв о слезах!
Лили Поттер… ГРИФФИНДОР!

ЛИЛИ: Йес!

АЛЬБУС: Ну, класс…

СКОРПИУС: Ты же не думал всерьёз, что она попадёт к нам? Слизерин — не для Поттеров.

АЛЬБУС: С одним исключением.

Он пытается слиться с фоном, другие ученики смеются. Он обводит их взглядом.

Знаете, а у меня не было выбора. Я не мог выбрать другого отца.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ПЯТАЯ

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, КАБИНЕТ ГАРРИ

Среди беспорядка, царящего в кабинете ГАРРИ,

над грудой бумаг сидит ГЕРМИОНА и неторопливо сортирует их по одной. В кабинет торопливо входит ГАРРИ; из царапины на его щеке идёт кровь.

ГЕРМИОНА: Как всё прошло?

ГАРРИ: Всё так и было, как мы предполагали.

ГЕРМИОНА: Теодор Нотт?

ГАРРИ: Под арестом.

ГЕРМИОНА: А Маховик времени?

ГАРРИ показывает соблазнительно сверкающий Маховик времени.

Он настоящий? Работает? У него завод не только на час — можно и дальше во времени отправиться?

ГАРРИ: Больше пока ничего не знаем. Я хотел испытать его прямо там и тогда, но разные умники навязали своё мнение.

ГЕРМИОНА: В любом случае, теперь он у нас есть.

ГАРРИ: Ты уверена, что хочешь оставить его у себя?

ГЕРМИОНА: Не думаю, что у нас есть выбор. Посмотри на него — он совсем не такой, как тот, что был у меня.

ГАРРИ *(саркастично)*: Определённо волшебство шагнуло вперёд с того времени, как мы были

детьми.

ГЕРМИОНА: У тебя кровь идёт.

ГАРРИ смотрит в зеркало и пытается промокнуть ранку краем мантии.

Не обращай внимания, пойдёт в комплекте со шрамом.

ГАРРИ *(с ухмылкой)*: Что ты делаешь у меня в офисе, Гермиона?

ГЕРМИОНА: С нетерпением ждала новостей о Теодоре Нотте, а ещё… ещё подумала, а не проверить ли мне, сдержал ли ты обещание и разгрёб ли свои бумажные завалы.

ГАРРИ: А. Стало быть, не сдержал.

ГЕРМИОНА: Именно. Не сдержал. Гарри, как ты вообще можешь работать в таком хаосе?

ГАРРИ взмахивает палочкой, и бумаги с книгами укладываются аккуратными кучками. ГАРРИ улыбается.

ГАРРИ: Вот и нет больше хаоса.

ГЕРМИОНА: Но и никакого порядка — как и всегда. Знаешь, а тут попадается кое–что интересное! По Венгрии ездят горные тролли на Крюкорогах, великаны с вытатуированными на спинах крыльями по пути на побережье Греции переходят море пешком, а оборотни ушли в глубокое подполье.

ГАРРИ: Ну и прекрасно, давай туда выберемся. Соберёмся всей командой…

ГЕРМИОНА: Гарри, с тобой всё ясно: бумажная волокита утомляет.

ГАРРИ: Тебя не утомляет.

ГЕРМИОНА: Мне своей по горло хватает. Это люди и звери, которые сражались бок о бок с Волан–де–Мортом в великих войнах волшебников. Это союзники тёмных сил. Всё это — в совокупности с информацией, которую мы извлекли из Теодора Нотта, — может что–то значить. Но если начальник Отдела исполнения магических законов не читает свои материалы…

ГАРРИ: А зачем мне их читать? Я сам нахожусь в гуще событий, слышу обо всём. Теодор Нотт, говоришь… Но ведь именно я раскопал слухи о Маховике времени и именно я принял меры. У тебя нет причин устраивать мне разнос.

ГЕРМИОНА смотрит на ГАРРИ — и в глазах её хитринка.

ГЕРМИОНА: Хочешь ириску? Рону только не говори.

ГАРРИ: Ты меняешь тему.

ГЕРМИОНА: Именно так. Ириску?

ГАРРИ: Не могу себе позволить. Мы сейчас всей семьёй отказались от употребления сахара. *(Па-*

уза.) Ты знаешь, что эта фигня может вызвать привыкание?

ГЕРМИОНА: Ну что я тебе могу сказать… У меня родители — стоматологи, и я в какие–то моменты вынуждена была бунтовать. В сорок как–то поздновато бросать, но… Ты только что добился блестящего результата. Это, конечно же, и не был разнос. Мне просто надо, чтобы ты время от времени хотя бы краешком глаза заглядывал в свои документы — и больше ничего. Считай это… ненавязчивым намёком от *Министра магии*.

ГАРРИ слышит, как выразительно она произносит последние слова, и кивает.

Как там Джинни? Как Альбус?

ГАРРИ: Иногда мне думается, что я так же хорошо исполняю родительские обязанности, как и навожу порядок в документах. А как дела у Розы? И у Хьюго?

ГЕРМИОНА *(с улыбкой)*: Знаешь, Рон говорит, что ему порой кажется, что со своей секретаршей Этель *(кивает куда–то в сторону)* я вижусь чаще, чем с ним. Как ты считаешь, не похоже ли на то, что в какой–то момент мы сделали выбор, кем быть — лучшим родителем года или лучшим сотрудником Министерства в году? Будь же последователен. Иди домой к семье, Гарри,

Хогвартский экспресс уже собирается сослужить нам ежегодную службу; наслаждайся тем временем, которое тебе осталось… а потом вернись сюда и прочти все эти материалы на свежую голову.

ГАРРИ: Ты правда думаешь, что это всё может что–то означать?

ГЕРМИОНА *(с улыбкой)*: Такая вероятность существует. И если наши подозрения будут не напрасны, мы найдём путь к победе, Гарри. Мы всегда его находим.

Она улыбается еще раз, бросает в рот ириску и выходит из кабинета. ГАРРИ остаётся один. Сложив вещи в портфель, он выходит из кабинета и идёт по коридору к выходу. На его плечах — вся тяжесть мира. Усталый, он заходит в телефонную будку и набирает 62442.

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА: Счастливого пути, Гарри Поттер.

ГАРРИ покидает Министерство магии.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ШЕСТАЯ

ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ

АЛЬБУС не может уснуть; он сидит на самом верху лестницы и слушает голоса внизу. Мы слышим голос ГАРРИ ещё до его появления. Старик в инвалидной коляске рядом с ним — АМОС

ДИГГОРИ.

ГАРРИ: Амос, я понимаю, я правда понимаю, но я… я только пришёл домой и…

АМОС: Я попытался записаться на приём в Министерство. Мне сказали: «Разумеется, мистер Диггори, мы можем вас записать, давайте посмотрим, на какой день, ага, через два месяца». И я жду. Очень терпеливо.

ГАРРИ: …и могу вам сказать, что приходить ко мне домой в середине ночи, особенно когда мои дети весь день напролёт готовились к новому школьному году — это… неправильно.

АМОС: Два месяца прошли, и я получил сову: «Мистер Диггори, мне ужасно жаль, но мистер Поттера вызвали по срочному делу, поэтому мы собираемся немного сдвинуть график приёма, будет ли вам удобно прийти к нам, скажем, через два месяца?». И это повторяется снова и снова. Вы явно не хотите меня принять.

ГАРРИ: Да нет же, не в этом дело! Боюсь, всё дело в то, как начальник Отдела исполнения магических законов я, к сожалению, отвечаю…

АМОС: За очень многое.

ГАРРИ: Что вы имеете в виду?

АМОС: Мой сын Седрик — ты же помнишь Седрика, ведь помнишь?

ГАРРИ *(ощущая, как ранит его воспоминание о Седрике)*: Да, я помню вашего сына. Эта утрата…

АМОС: Волан–де–Морт хотел заполучить тебя! А не моего сына! Ты сам мне сообщил, что он произнёс «Убей лишнего». Лишнего! Мой сын, мой прекрасный сын, был лишним!

ГАРРИ: Мистер Диггори, как вы знаете, я полностью разделяю ваши чувства в отношении увековечения памяти Седрика, но…

АМОС: Увековечение? Меня не интересует увековечение… больше не интересует. Я — старик, старый умирающий человек, и я пришёл сюда потребовать от тебя… попросить тебя вернуть его.

ГАРРИ в изумлении смотрит на собеседника.

ГАРРИ: Вернуть его? Амос, это невозможно!

АМОС: Но в Министерстве же есть Маховик времени?

ГАРРИ: Все Маховики времени были уничтожены.

АМОС: Причина, по которой я явился сюда так спешно, это дошедший до меня слух — очень настойчивый слух! — о том, что Министерство изъяло нелегальный Маховик времени у Теодора Нотта и что сейчас Маховик времени находится у работников Министерства. На исследовании. Дай мне возможность воспользоваться этим Ма-

ховиком времени! Позволь мне вернуть сына!

Долгая ужасная пауза, исключительно тяжёлая для ГАРРИ. Мы видим, как АЛЬБУС придвигается ближе, прислушиваясь к беседе.

ГАРРИ: Амос, вы предлагаете играть со временем? Вы же знаете, что мы не можем так поступить.

АМОС: Сколько людей полегло за Мальчика — Который–Выжил? Я ведь прошу спасти лишь одного из них!

Слова Амоса ранят ГАРРИ. Он о чём–то задумывается, на лице застывает безразличное выражение.

ГАРРИ: Что бы вы ни слышали, но рассказ Теодора Нотта — всего лишь вымысел, Амос. Извините.

ДЕЛФИ: Привет!

АЛЬБУС замечает, как в промежуток между ступеньками на него смотрит ДЕЛФИ — женщина лет за двадцать, с целеустремлённым взглядом, — и от неожиданности высоко подпрыгивает на месте.

Ой, прости! Не хотела тебя напугать. Я и сама люблю сидеть на таком месте и подслушивать разговоры. Ждать, пока расскажут что–нибудь ну хоть чуточку интересное.

АЛЬБУС: Вы кто? Вообще–то это вроде как мой дом, и…

ДЕЛФИ: Вор, конечно. Сейчас украду у тебя всё что есть. Отдавай своё золото, свою волшебную палочку и своих Шоколадных лягушек! *(Изображает на лице свирепость, затем улыбается.)* Либо этот вариант, либо я — Делфини Диггори. *(Поднимается по ступенькам и протягивает руку.)* Делфи. Это — Амос, я за ним присматриваю. Ну, пытаюсь, по крайней мере. *(Показывает на Амоса.)* А ты кто?

АЛЬБУС *(с грустной ухмылкой)*: Альбус.

ДЕЛФИ: Ну конечно же! Альбус Поттер! Значит, Гарри — твой отец? Так это же, типа, круто, правда?

АЛЬБУС: На самом деле не совсем.

ДЕЛФИ: О как. Я куда–то не туда влезла со своим любопытством? Именно это про меня говорили в школе: «Делфини Диггори: услышит про секрет — попробуй выкури».

АЛЬБУС: Над моей фамилией тоже изощряются как угодно.

Пауза. Она внимательно смотрит на него.

АМОС: Делфи!

Она делает шаг в сторону Амоса, но тут же останавливается в нерешительности. Затем

улыбается АЛЬБУСУ.

ДЕЛФИ: Мы родичей не выбираем. Амос… он не только мой пациент, он ещё и мой дядя, и это одна из причин, почему я выбрала работу в Аппер Флэгли. Хотя эта же причина её осложнила. Нелегко уживаться с человеком, живущим лишь прошлым, правда?

АМОС: Делфи!

АЛЬБУС: Аппер Флэгли?

ДЕЛФИ: Дом престарелых волшебников и ведьм имени святого Освальда. Приходи к нам как–нибудь, если будет желание.

АМОС: ДЕЛФИ!

Делфи улыбается и легко бежит вниз по ступенькам, затем входит в комнату, где находятся АМОС и ГАРРИ. АЛЬБУС провожает её глазами.

ДЕЛФИ: Да, дядюшка?

АМОС: Знакомься: это — Гарри Поттер: когда–то великий человек, теперь же — просто твердокаменный чиновник из Министерства. Ладно, Я оставлю вас в покое, сэр. Если только покой — подходящее для этого слово. Делфи, моё кресло!

ДЕЛФИ: Хорошо, дядюшка.

Делфи вывозит кресло АМОСА из комнаты. ГАРРИ уходит с несчастным видом. АЛЬБУС наблюдает за ними, что–то напряжённо обду-

мывая.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ, КОМНАТА АЛЬБУСА

АЛЬБУС сидит на кровати, а за дверью жизнь бьёт ключом. Затишье в комнате резко контрастирует с постоянным кавардаком снаружи. Слышен вопль ДЖЕЙМСА (через несколько мгновений обрывается).

ДЖИННИ: Джеймс, прошу тебя, забудь про свои волосы и приберись в этой чёртовой комнате!

ДЖЕЙМС: Да как же забыть?! Они розовые! Мне теперь придётся использовать свой плащ–невидимку!

ДЖЕЙМС появляется в дверях, у него розовые волосы.

ДЖИННИ: Отец давал тебе плащ *не для этого*!

ЛИЛИ: Кто видел мой учебник по Зельям?

ДЖИННИ: Лили Поттер, даже не думай надеть *это* завтра в школу!

В дверях комнаты АЛЬБУСА появляется ЛИЛИ. Крылышки феи у неё за спиной трепещут.

ЛИЛИ: А мне они нравятся. Я могу ими махать.

Убегает. В проёме двери комнаты АЛЬБУСА появляется ГАРРИ. Смотрит сквозь сына, будто не видит его.

ГАРРИ: Привет.

Возникает неловкая пауза. В проёме двери появляется ДЖИННИ. Она видит, что происходит, и задерживается на минутку.

Просто принесла подарок… подарки к началу учёбы в Хогвартсе. Вот это прислал Рон.

АЛЬБУС: Всё в порядке. Любовное зелье. Всё нормально.

ГАРРИ: По–моему, это какой–то прикол… даже не знаю, в чём его суть. Лили получила в подарок пукающих гномов, Джеймс — гребешок, разукрасивший его волосы в розовый цвет. Рон… ну, Рон — это Рон, что с него взять.

ГАРРИ кладёт сосуд с любовным зельем АЛЬБУСА на кровать мальчика.

Я тоже хотел бы… Это от меня.

Достаёт небольшое одеяло. ДЖИННИ смотрит на это одеяло, понимает, что творится на душе у ГАРРИ, и неслышно уходит.

АЛЬБУС: Старое одеяло?

ГАРРИ: Я долго думал, что тебе подарить в этом году. Джеймсу… ну, Джеймс с незапамятных времён мечтал о плаще–невидимке, Лили — я знаю, как она любит крылья. А вот ты… Тебе исполнилось четырнадцать лет, Альбус, и мне хотелось сделать тебе подарок… со значением. Это… это

единственное, что у меня осталось от мамы. Единственное. Меня отдали Дурслям завёрнутым в это одеяло. Я уже думал, что потерял его навсегда, но затем, когда твоя двоюродная бабушка Петунья умерла, оно внезапно нашлось среди её вещей. Дадли нашел его и любезно выслал его мне, и с того времени… в любой момент, когда мне хотелось счастья, я просто дотрагивался до него. И теперь мне хотелось бы знать…

АЛЬБУС: Нет ли у меня желания тоже до него дотронуться? Да ради бога. По рукам. Будем надеяться, что оно поможет мне ощутить счастье. Мне счастье действительно не помешает.

Касается одеяла.

Но будет лучше, если оно останется у тебя.

ГАРРИ: Я думаю… верю, что Петуньи хотелось, чтобы оно было у меня, поэтому она его и хранила, и сейчас я хочу передать его тебе. Я совсем не знал свою маму, но думаю, что она бы это одобрила. И может быть… я увижу тебя с ним в канун дня всех святых. Мне хотелось бы, чтобы оно было с нами в ночь, когда они погибли… и это было бы правильно с нашей стороны…

АЛЬБУС: Слушай, мне много чего ещё осталось собрать в дорогу, а у тебя наверняка работы по делам Министерства просто завались, так что…

ГАРРИ: Альбус, я хочу, чтобы ты взял одеяло.

АЛЬБУС: И что я должен буду с ним делать? Па, крылья феи — это хотя бы осмысленная вещь, плащ–невидимка — тоже понятно, для чего, но это… Нет, ну правда?

ГАРРИ задет. Он смотрит на сына и ощущает отчаяние от невозможности достучаться до него.

ГАРРИ: Тебе помочь? Собираться, я имею в виду. Я всегда любил собираться. Это означало, что я опять могу проститься с Тисовой улицей и вернуться в Хогвартс. Это было… ну, я знаю, что тебе не нравится, когда я… но…

АЛЬБУС: Для тебя он был самым счастливым местом на земле. Я в курсе. Бедный сиротка, которого тиранили его дядя и тётя Дурсли…

ГАРРИ: Альбус, прошу тебя… Неужели мы не можем просто…

АЛЬБУС: …которого мордовал его двоюродный брат Дадли и которого спас Хогвартс. Я это всё знаю, пап. Болтовня и ничего больше.

ГАРРИ: Я не поведусь на твою провокацию, Альбус Поттер.

АЛЬБУС: Бедный сиротка, явившийся, чтобы всех спасти. Так что могу сказать от лица волшебного сообщества, как благодарны мы тебе за

героизм. Тебе поклон или реверанс?

ГАРРИ: Альбус, не надо, пожалуйста… Ты же знаешь, я никогда не искал благодарности.

АЛЬБУС: Но прямо сейчас я просто переполнен ею. Наверняка она вызвана таким щедрым подарком, как это сопревшее одеяло…

ГАРРИ: Сопревшее одеяло?

АЛЬБУС: А что, по–твоему, должно было случиться? Мы должны были обняться? Я должен был тебе сказать, что всегда любил тебя? Что? Что?

ГАРРИ *(в конце концов потеряв терпение)*: Знаешь что? Меня уже во как достало то, что я, оказывается, виновник всех твоих бед. У тебя, в конце концов, есть отец, а у меня не было, ясно тебе?

АЛЬБУС: И ты считаешь это большим несчастьем? Лично я — нет.

ГАРРИ: Хочешь, чтобы я умер?

АЛЬБУС: Нет! Я лишь хотел бы, чтобы ты не был моим отцом.

ГАРРИ *(ослеплённый гневом)*: Ну что ж, иногда и мне хочется, чтобы ты не был моим сыном.

Тишина. АЛЬБУС качает головой. Пауза. До ГАРРИ доходит, что именно он сказал.

Нет, я не это имел в виду!..

АЛЬБУС: Увы. Как раз это.

ГАРРИ: Альбус, ты просто знаешь, как можно задеть меня за живое…

АЛЬБУС: Ты именно это имел в виду, папа. И, честно говоря, я тебя не осуждаю.

Убийственная пауза.

Будет лучше, если ты оставишь меня в покое.

ГАРРИ: Альбус, прошу тебя…

АЛЬБУС хватает одеяло и отбрасывает его в сторону. Одеяло задевает сосуд с любовным зельем РОНА, зелье заливает одеяло и кровать, в воздух поднимается маленький клуб дыма.

АЛЬБУС: Не надо ни счастья мне желать, ни любить меня.

АЛЬБУС выбегает из комнаты. ГАРРИ пытается его догнать.

ГАРРИ: Альбус! Альбус… пожалуйста…

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ВОСЬМАЯ

СОН, ХИЖИНА НА СКАЛЕ

Слышен ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ ГРОХОТ. За ним — ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ ТРЕСК. ДАДЛИ ДУРСЛЬ, ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ и ДЯДЯ ВЕРНОН сидят съёжившись от страха за кроватью.

ДАДЛИ ДУРСЛЬ: Ма, мне это не нравится.

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Я знала, что сюда не следовало соваться. Эх, Вернон, Вернон… Тут и спрятаться–

то негде. Даже маяк слишком далеко отсюда.

Ещё один ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ ГРОХОТ.

ДЯДЯ ВЕРНОН: Ничего, ничего… Что бы это ни было — сюда оно не явится.

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Мы прокляты! Он проклял нас! Этот мальчишка нас проклял! *(Замечает ГАРРИ-ПОДРОСТКА.)* Это всё твоя вина! Убирайся отсюда!

ГАРРИ-ПОДРОСТОК замечает, как ДЯДЯ ВЕРНОН высовывает из–за кровати ружьё, и отшатывается.

ДЯДЯ ВЕРНОН: Кто бы это ни был, предупреждаю — я вооружён!

ХРЯСЬ! Дверь срывается с петель. Посередине дверного проёма стоит ХАГРИД и смотрит на них.

ХАГРИД: Может, заварим чайку? Не так–то просто было досюда добраться.

ДАДЛИ ДУРСЛЬ: Только… посмотрите… на… него…

ДЯДЯ ВЕРНОН: Назад! Назад! Держись за моей спиной, Петунья! И ты, Дадли! Я сейчас прогоню этого бармаглота!

ХАГРИД: Бар… кого?!

Отнимает у ДЯДИ ВЕРНОНА ружьё.

Давненько таких не видел.

Скручивает ствол и завязывает его в узел.

Опаньки!

Отвлекается, замечая ГАРРИ-ПОДРОСТКА.

Гарри Поттер!

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Здравствуйте…

ХАГРИД: В последний раз, когда я тебя видел, ты был ещё дитём. Ну просто вылитый отец, хотя глаза матушкины.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Вы знали моих родителей?

ХАГРИД: А чтоб его, куда ж мои манеры подевались? С днём рожденья тебя! У меня для тебя кой–чего имеется… правда, я тут невзначай сел на него, но на вкус — самое то!

Из внутреннего кармана своего пальто он извлекает слегка сплющенный шоколадный торт с надписью «С Днем Рождения Гарри», выполненной зелёной сахарной глазурью.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: А вы кто?

ХАГРИД *(смеясь)*: Верно, я ж не представился. Рубеус Хагрид, Хранитель Ключей и Угодий Хогвартса. *(Оглядывается.)* А всё–таки, как там насчёт чая? Я бы и от чего покрепче не отказался — ежели у вас есть, конечно.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Хог… чего?

ХАГРИД: Хогвартс. Ну, о Хогвартсе–то ты, конечно, всё знаешь.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Э-э… нет. Извините.

ХАГРИД: «Извините»?! Это им извиняться надо! Я знал, что ты не получаешь своих писем, но я даже подумать не мог, что ты вообще ничего не знаешь о Хогвартсе, это же уму непостижимо! Ты что же, никогда не интересовался, где твои родители всему научились?

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Чему — всему?

ХАГРИД поворачивается к ДЯДЕ ВЕРНОНУ с угрожающим видом.

ХАГРИД: Хочешь сказать, что этот мальчик — этот мальчик! — не знает ничего о… не знает НИ О ЧЁМ?!

ДЯДЯ ВЕРНОН: Я запрещаю вам рассказывать мальчишке что–либо ещё!

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Да что рассказывать?!

ХАГРИД смотрит на ДЯДЮ ВЕРНОНА, затем на ГАРРИ-ПОДРОСТКА.

ХАГРИД: Гарри, ты — волшебник. И благодаря тебе всё изменилось. Ты — самый знаменитый волшебник во всём мире.

И вдруг каждый находящийся в комнате слышит шёпот, который доносится откуда–то из глубины хижины. Эти слова произносит голос, который нельзя спутать ни с одним другим: голос ВОЛАН–ДЕ–МОРТА.

Га–а–арри Пот–т–т-т-тер…

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ, СПАЛЬНЯ

ГАРРИ внезапно просыпается посреди ночи, тяжело дыша. Некоторое время лежит, успокаиваясь, и лишь затем ощущает, как сильно у него болит лоб — в месте шрама. Вокруг ощущается Тёмная магия.

ДЖИННИ: Гарри…

ГАРРИ: Всё хорошо. Спи давай.

ДЖИННИ: Люмос!

Комната наполняется светом, льющимся из её палочки. ГАРРИ смотрит на жену.

Кошмар приснился?

ГАРРИ: Ага.

ДЖИННИ: Какой?

ГАРРИ: Семья Дурслей… ну, по крайней мере началось с них, а потом превратилось во что–то другое.

Пауза. ДЖИННИ смотрит на него, пытаясь определить, о чём он думает.

ДЖИННИ: Может, тебе попробовать Глоток Сна?

ГАРРИ: Нет, со мной будет всё хорошо. Ложись спи.

ДЖИННИ: Мне не кажется, что с тобой всё хо-

рошо.

ГАРРИ ничего не отвечает.

(Видя, как он переживает.) А с ним благополучно и не могло всё пройти — с Амосом Диггори, я имею в виду.

ГАРРИ: Да с гневом я могу справиться; гораздо хуже то, что он прав. Амос потерял сына из–за меня…

ДЖИННИ: Ты не особенно честен по отношению к себе.

ГАРРИ: …и я ничего не могу ему сказать. Ничего из того, что могу ответить любому — разумеется, справедливо ответить…

ДЖИННИ понимает, что — или, скорее, кого — он имеет в виду.

ДЖИННИ: Значит, тебя гложет именно это? Ночь перед отъездом в Хогвартс всегда была трудной, если ехать не хотелось. Насчёт твоего решения отдать Алу одеяло — ты правильно решил.

ГАРРИ: С этого момента всё пошло наперекосяк. Джинни, я ему кое–что сказал…

ДЖИННИ: Я слышала.

ГАРРИ: И после этого ты можешь со мной разговаривать?!

ДЖИННИ: Потому что я знаю, что, когда придёт

время, ты извинишься. Знаю, что ты имел в виду совсем иное. Знаю, что за тем, что ты ему сказал, скрывается… кое–что другое. Ты можешь быть честным с ним, Гарри. Это всё, что ему надо.

ГАРРИ: Я просто хотел бы, чтобы он был больше похож на Джеймса или Лили.

ДЖИННИ *(с иронией)*: Да уж, лучше не до такой степени честным…

ГАРРИ: Да нет же, я бы ни на грамм не изменил своё мнение о нём! Но их я могу понять, а его…

ДЖИННИ: Альбус — другой. И не такой лапочка. И, знаешь ли, когда он видит, как у тебя на передний план выдвигается этот твой внутренний герой Гарри Поттер, то может сказать тебе об этом. Он хочет видеть настоящего тебя.

ГАРРИ: «Правда — это прекрасная и страшная вещь, поэтому она требует большой осторожности в обращении».

ДЖИННИ смотрит на него удивлённо.

Слова Дамблдора.

ДЖИННИ: Странно такое говорить ребёнку.

ГАРРИ: Совсем не странно, если ты считаешь, что ребёнок должен умереть, чтобы спасти мир.

ГАРРИ опять начинает дышать с трудом — и изо всех сил старается не коснуться лба.

ДЖИННИ: Гарри, что такое?

ГАРРИ: Ничего. Со мной всё хорошо. Я всё понял. Я постараюсь.

ДЖИННИ: Шрам болит?

ГАРРИ: Нет, нет. Со мной всё в порядке. Ладно, утро вечера мудренее, давай хоть немного поспим.

ДЖИННИ: Гарри, сколько времени прошло с тех пор, как твой шрам перестал болеть?

ГАРРИ поворачивается к ДЖИННИ, и выражение его лица говорит само за себя.

ГАРРИ: Двадцать два года.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

ХОГВАРТСКИЙ ЭКСПРЕСС

АЛЬБУС быстро идёт по вагону.

РОЗА: Альбус, а я тебя искала.

АЛЬБУС: Меня? Зачем?

РОЗА не знает, как сформулировать то, что должна сказать.

РОЗА: Альбус, это уже будет четвёртый класс, для нас новый год начинается. Я хочу, чтобы мы опять стали друзьями.

АЛЬБУС: Мы никогда не были друзьями.

РОЗА: Ну ты даёшь! Ты же был моим лучшим другом, когда мне было шесть лет!

АЛЬБУС: Это было давным–давно.

Собирается уходить. Она затаскивает его в

пустое купе.

РОЗА: До тебя уже дошли слухи? Несколько дней назад была большая министерская облава. Твой отец вроде бы проявил невероятную храбрость.

АЛЬБУС: И как так получилось, что ты это всё знаешь, а я — нет?

РОЗА: Вроде бы у него — у волшебника, на которого устраивали облаву, его зовут Теодор Нотт, по–моему — были всевозможные артефакты, нарушающие все законы, и среди этих артефактов — незаконный Маховик времени. И при этом какой–то усовершенствованный; они на него до сих пор слюнки пускают.

АЛЬБУС смотрит на РОЗУ; всё становится на свои места.

АЛЬБУС: Маховик времени? Отец нашёл Маховик времени?

РОЗА: Тс–с–с! Да! Я точно знаю. Здо́рово, правда?

АЛЬБУС: Ты уверена?

РОЗА: Абсолютно.

АЛЬБУС: Мне надо срочно найти Скорпиуса.

Идёт по вагону. РОЗА следует за ним, горя желанием закончить рассказ.

РОЗА: Альбус!

АЛЬБУС поворачивается с решительным видом.

АЛЬБУС: Кто тебе сказал, чтобы ты со мной поговорила?

РОЗА *(всплёскивает руками)*: Ну хорошо, может, твоя мама и прислала сову моему папе, но только потому, что волнуется за тебя. А я просто думаю…

АЛЬБУС: Роза, отвяжись.

СКОРПИУС сидит в своём привычном купе. АЛЬБУС входит первым, за ним увязывается РОЗА.

СКОРПИУС: Альбус! О, привет, Роза! Чем это тут запахло?

РОЗА: *Запахло*?!

СКОРПИУС: Нет, я в хорошем смысле! От тебя запах, как от букета из свежих цветов вместе со свежим… свежим хлебом…

РОЗА: Альбус, если что — я здесь, хорошо? Если понадоблюсь — зови.

СКОРПИУС: Я имел в виду прекрасный хлеб, вкусный хлеб, хлеб… Да с хлебом–то что не так?

РОЗА выходит, крутя головой от возмущения.

РОЗА: Что не так с хлебом, видите ли…

АЛЬБУС: Я тебя везде ищу.

СКОРПИУС: Ну вот и нашёл. Та–дам! Я круто

спрятался. Ты же знаешь, как я это люблю — раннее пробуждение, любопытные взгляды, крики, надпись «сын Волан–де–Морта» на своём сундуке… Всегда всё одно и то же. Слушай, неужели я и правда ей не нравлюсь?

АЛЬБУС с жаром обнимает друга; на несколько мгновений они застывают. СКОРПИУС удивлён.

Н-ну, хорошо… Привет… Хм… Разве мы раньше обнимались? Это между нами принято?

Мальчики отстраняются друг от друга, ощущая неловкость.

АЛЬБУС: Просто последние двадцать четыре часа были немного странными.

СКОРПИУС: И что же за эти двадцать четыре часа произошло?

АЛЬБУС: Позже объясню. Нам надо сойти с поезда.

Снаружи доносится свистящий звук. Поезд начинает двигаться.

СКОРПИУС: Слишком поздно — поезд тронулся. Привет, Хогвартс.

АЛЬБУС: Тогда нам надо сойти с тронувшегося поезда.

ВЕДЬМА С ТЕЛЕЖКОЙ: Ребятки, хотите купить что–нибудь на этой тележке?

АЛЬБУС открывает окно и осматривается, ища

возможность выбраться.

СКОРПИУС: С тронувшегося волшебного поезда.

ВЕДЬМА С ТЕЛЕЖКОЙ: Тыквенный пирог? Котелковый кекс?

СКОРПИУС: Альбус Северус Поттер, прекрати смотреть на меня так загадочно!

АЛЬБУС: Вопрос номер один. Что ты знаешь о Турнире Трех Волшебников?

СКОРПИУС *(счастливо)*: Вау–у–у-у-у, викторина! Три школы выдвигают трёх защитников для выполнения трёх заданий, чтобы получить один Кубок. Ну и при чём тут это?

АЛЬБУС: Ты знаешь, что ты — ужасный заучка?

СКОРПИУС: А то.

АЛЬБУС: Вопрос номер два. Почему Турнир Трех Волшебников не проводился более двадцати лет?

СКОРПИУС: В последнем турнире участвовали твой отец и мальчик по имени Седрик Диггори — они решили выиграть вместе. Однако Кубок оказался портключом, и их перенесло к Волан–де–Морту. Седрика убили. Сразу после этого турнир решили больше не проводить.

АЛЬБУС: Хорошо. Вопрос номер три: нужно ли было убивать Седрика? Легкий вопрос — легкий

ответ: нет. Тогда Волан–де–Морт сказал: «Убей лишнего». Лишнего. Седрик погиб только потому, что был с моим отцом, и мой отец не смог его спасти. А вот мы можем. Это была ошибка, и мы собираемся её исправить. Мы собираемся воспользоваться Маховиком времени. Мы собираемся вернуть Седрика.

СКОРПИУС: Альбус, по некоторым понятным причинам я уж точно не большой любитель Маховиков времени…

АЛЬБУС: Когда Амос Диггори попросил у отца Маховик времени, отец ответил, что их вообще не существует. Он соврал старику, который всего лишь хотел вернуть сына. Который просто любил своего сына. А отец соврал, потому что ему это было безразлично. Ему и сейчас безразлично. Все говорят о подвигах, которые совершил отец. Но и ошибки он тоже совершал, причем неслабые. И я хочу исправить одну из этих ошибок. Я хочу, чтобы мы спасли Седрика.

СКОРПИУС: М-да, по–моему, та штука, которая соединяла твои мозги, внезапно порвалась…

АЛЬБУС: Скорпиус, я правда собираюсь это сделать. Мне это нужно. И ты знаешь не хуже меня, что я всё испорчу, если ты не пойдёшь со мной. Давай, решай.

Он улыбается. Затем забирается наверх и исчезает из виду. СКОРПИУС какое–то мгновение колеблется, кривит лицо в гримасе, потом нехотя поднимается и исчезает вслед за АЛЬБУСОМ.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ
КРЫША ХОГВАРТСКОГО ЭКСПРЕССА

Ветер, довольно сильный, свистит в ушах, дует сразу во всех направлениях.

СКОРПИУС: Ну хорошо, вот мы на крыше поезда; он едет быстро, мне даже страшно, и это здо́рово, чувствую, что много чего узнал о себе, кое–что — о тебе, но…

АЛЬБУС: Я рассчитал, что мы скоро будем возле виадука и потом совсем немного пройдём пешком до Дома престарелых волшебников и ведьм имени святого Освальда…

СКОРПИУС: Возле чего? Пешком до чего? Слушай, меня этот самый первый в жизни бунт накручивает так же, как и тебя… ой!.. крыша… забавно… но сейчас… ох…

СКОРПИУС вдруг замечает что–то такое, чего лучше бы и не видеть.

АЛЬБУС: Вода очень пригодится в качестве запасного варианта, если наше Подушечное заклинание не сработает.

СКОРПИУС: Альбус, ведьма с тележкой…

АЛЬБУС: Хочешь перекусить на дорожку?

СКОРПИУС: Да нет же, Альбус! К нам идёт ведьма с тележкой!

АЛЬБУС: Да ну, ты что, мы же на крыше поезда…

СКОРПИУС показывает АЛЬБУСУ, куда смотреть; теперь и АЛЬБУС замечает ВЕДЬМУ С ТЕЛЕЖКОЙ, которая как ни в чём не бывало приближается к ним, толкая перед собой тележку.

ВЕДЬМА С ТЕЛЕЖКОЙ: Ребятки, хотите купить что–нибудь на этой тележке? Тыквенный пирог? Шоколадную лягушку? Котелковый кекс?

АЛЬБУС: Оба–на…

ВЕДЬМА С ТЕЛЕЖКОЙ: Люди мало что обо мне знают. Они покупают мои Котелковые кексы — но по сути никогда меня не замечают. Не помню, когда в последний раз кто–то спрашивал, как меня зовут.

АЛЬБУС: А как вас зовут?

ВЕДЬМА С ТЕЛЕЖКОЙ: Да я уже и сама забыла. Могу сказать лишь то, что Отталин Гэмбол сама предложила мне эту работу, ещё когда Хогвартский экспресс впервые отправился в путь.

СКОРПИУС: Это будет… сто девяносто лет! То есть вы выполняете эту работу уже сто девяносто лет?!

ВЕДЬМА С ТЕЛЕЖКОЙ: Через эти руки прошло шесть миллионов Тыквенных пирогов. Они мне особенно удаются. Но вот чего люди не замечают, так это то, что мои Тыквенные пироги легко могут стать кое–чем другим…

Берёт Тыквенный пирог, бросает его, как гранату, и он взрывается.

И вы даже не поверите, если я скажу, на что способны мои Шоколадные лягушки. Ещё никогда и никому я не позволяла покинуть этот поезд, прежде чем он достигнет места назначения. Некоторые пытались — тот же Сириус Блэк и его последователи Фред и Джордж Уизли. НИ У КОГО НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ. ПОТОМУ ЧТО ЭТОТ ПОЕЗД НЕ ЛЮБИТ, КОГДА С НЕГО СХОДЯТ РАНЬШЕ, ЧЕМ НУЖНО…

Руки ВЕДЬМЫ С ТЕЛЕЖКОЙ трансфигурируются в очень острые шипы. Она улыбается.

Поэтому прошу вас занять свои места и продолжить путешествие.

АЛЬБУС: Ты был прав, Скорпиус. Этот поезд и правда волшебный.

СКОРПИУС: Именно сейчас я не особо рад тому, что прав.

АЛЬБУС: Но я тоже прав — насчёт виадука; там течёт вода, и как раз пора попробовать Подушеч-

ное заклинание.

СКОРПИУС: Альбус, это плохая мысль!

АЛЬБУС: Разве? *(Какое–то мгновение колеблется, затем понимает, что время для колебаний прошло.)* Уже слишком поздно. Три, два, один — Моллиаре!

Одновременно с произнесением заклинания он прыгает.

СКОРПИУС: Альбус! Альбус…

Смотрит в отчаянии в ту сторону, куда прыгнул его друг. Затем переводит взгляд на приближающуюся ВЕДЬМУ С ТЕЛЕЖКОЙ. Волосы ведьмы растрёпаны, шипы выглядят угрожающе.

Ну, чем любоваться такой красотой, так лучше я последую за своим другом…

Зажимает пальцами нос и прыгает вслед за АЛЬБУСОМ, выкрикивая заклинание:

Моллиаре!

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, БОЛЬШОЙ КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ

Зал перед сценой, представляющий собой место действия, битком набит волшебниками и ведьмами; они без умолку болтают и тараторят так, как это могут делать лишь настоящие волшебники и ведьмы. Среди них ДЖИННИ, ДРАКО

и РОН. На сцене — ГЕРМИОНА и ГАРРИ.

ГЕРМИОНА: К порядку! К порядку! Мне что — наколдовать тишину? *(С помощью волшебной палочки накрывает толпу тишиной.)* Так хорошо. Добро пожаловать на внеочередное общее собрание. Мне очень приятно, что вас откликнулось так много. Волшебное сообщество уже давным–давно живёт мирной жизнью. Целых двадцать два года прошло с того времени, как мы победили Волан–де–Морта в битве за Хогвартс, и мне приятно отметить, что выросло новое поколение, которое и не знает толком, что такое вооружённое противостояние. То есть не знало до сих пор. Гарри, тебе слово.

ГАРРИ: Союзники Волан–де–Морта зашевелились несколько месяцев назад. Мы следили за троллями на протяжении всего их пути через Европу, следили за великанами, которые начали переходить моря, а также за оборотнями… увы, мне очень досадно в этом признаться, но мы потеряли их из виду несколько недель назад. Мы не знаем ни куда они идут, ни кто их вынудил отправиться в путь, но нас беспокоит сам факт того, что они снялись с места, и мы переживаем насчёт того, что же это может значить. Поэтому мы спрашиваем вас: может, кто–нибудь что–ни-

будь видел? Или что–нибудь почувствовал? Если вы поднимете свою палочку, мы вас обязательно услышим. Профессор МакГонагалл? Пожалуйста.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Похоже, что прежде всего пострадали хранилища зелий: когда мы вернулись из летнего отпуска, то обнаружили недостачу златоглазок и кожи бумсланга, но пропало лишь небольшое количество, причём недостающие ингредиенты не значились в реестре веществ ограниченного пользования. Мы их списали на Пивза.

ГЕРМИОНА: Спасибо, профессор. Мы проведём расследование. *(Обводит взглядом помещение.)* Кто может ещё что–нибудь добавить? Хорошо. И теперь самое неприятное — такого не было со времени Волан–де–Морта: шрам Гарри опять начинает болеть.

ДРАКО: Волан–де–Морт мёртв, Волан–де–Морта больше нет!

ГЕРМИОНА: Да, Драко, Волан–де–Морт мёртв, но все эти события заставляют нас думать о том, что Волан–де–Морт — или какая–то часть Волан–де–Морта — может вернуться.

Слова ГЕРМИОНЫ вызывают бурную реакцию.

ГАРРИ: Мне нелегко будет сейчас задать этот вопрос, но придётся — чтобы исключить такой

вариант. Те из вас, кто отмечен Чёрной меткой: вы что–нибудь ощущаете? Хотя бы боль?

ДРАКО: Опять это предвзятое отношение к тем, кто носит Чёрную метку, да, Поттер?

ГЕРМИОНА: Нет, Драко. Гарри всего лишь пытается…

ДРАКО: Знаете, для чего всё это? Гарри просто хочет, чтобы его лицо опять красовалось на страницах газет. Слухи о возвращении Волан–де–Морта печатают в «Ежедневном пророке» всё время, минимум раз в год.

ГАРРИ: Я никогда таких слухов не распускал!

ДРАКО: Правда? То есть твоя жена не является редактором «Ежедневного пророка»?

Оскорблённая ДЖИННИ делает шаг к нему.

ДЖИННИ: Я занимаюсь только спортивными страничками!

ГЕРМИОНА: Драко, Гарри обратил внимание Министерства на эти факты. И я как Министр магии…

ДРАКО: Ты за него только потому, что он твой друг.

РОН рвётся к ДРАКО, ДЖИННИ оттаскивает его.

РОН: Я тебе сейчас хлебало разобью!

ДРАКО: Да признайтесь же сами себе — его сла-

ва всех вас дурманит! Насколько проще заставить каждого повторять благоговейным шёпотом имя Поттера, чем заставить выслушивать это бесконечное *(копируя ГАРРИ)* «мой шрам болит, мой шрам болит…». А знаете, что всё это означает? Что сплетники опять смогут позорить моего сына этими смехотворными слухами о его отцовстве!

ГАРРИ: Драко, никто не говорил, что это может иметь хоть какое–то отношение к Скорпиусу…

ДРАКО: Ну а я вот со своей стороны думаю, что это собрание — сплошное надувательство. Я ухожу отсюда.

Выходит. Следом тянутся остальные.

ГЕРМИОНА: Ну это же не выход! Вернитесь! Нам нужно выработать стратегию!..

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ ВОЛШЕБНИКОВ И ВЕДЬМ ИМЕНИ СВЯТОГО ОСВАЛЬДА

Вокруг бардак. Вокруг магия. Вокруг Дом престарелых волшебников и ведьм имени святого Освальда, и даже представить нельзя было, что он может оказаться таким прекрасным.

На ходунки для стариков наложили оживляющие заклинания, зачарованная шерсть для вязания сплелась в первозданный хаос, а санитаров заставили танцевать танго.

Здесь собрали людей, на которых не лежит бремя заниматься магией для практических целей; вместо этого здешние волшебники и ведьмы творят магию для развлечения. И как же им это нравится!

АЛЬБУС и СКОРПИУС входят и озираются в удивлении; признаться, они слегка испуганы.

АЛЬБУС и СКОРПИУС: Эм-м, прошу прощения… Прошу прощения. ПРОЩЕНИЯ ПРОШУ!

СКОРПИУС: М-да, полный бардак.

АЛЬБУС: Мы ищем Амоса Диггори!

Внезапно настаёт полная тишина. Все мгновенно замирают, лица слегка мрачнеют.

ЖЕНЩИНА С ШЕРСТЬЮ ДЛЯ ВЯЗАНИЯ: А чего вам, мальчики, нужно от бедного старого шалунишки?

Появляется улыбающаяся ДЕЛФИ.

ДЕЛФИ: Альбус? Альбус, это ты? Ты пришёл! Как здоро́во! Иди поздоровайся с Амосом!

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ ВОЛШЕБНИКОВ И ВЕДЬМ ИМЕНИ СВЯТОГО ОСВАЛЬДА, КОМНАТА АМОСА

АМОС глядит на СКОРПИУСА и АЛЬБУСА с раздражением. ДЕЛФИ за всеми наблюдает.

АМОС: Давай сразу к делу. Ты подслушал разговор, не предназначавшийся для твоих ушей, и

решил, фактически без разрешения, вмешаться в чьё–то дело, причём вмешаться по самое не хочу, хотя тебя никто на это не подговаривал.

АЛЬБУС: Мой отец врал вам — я это точно знаю. У них есть Маховик времени.

АМОС: Конечно, есть. Теперь можешь идти.

АЛЬБУС: Что? Нет! Мы здесь для того, чтобы помочь!

АМОС: Помочь? Что может сделать для меня парочка подростков–недорослтков?

АЛЬБУС: Мой отец однажды уже доказал, что необязательно быть взрослым, чтобы изменить мир волшебников.

АМОС: И я должен позволить тебе вмешаться, потому что ты — Поттер? Понадеявшись на твою знаменитую фамилию, да?

АЛЬБУС: Нет!

АМОС: Поттер, которого распределили в колледж Слизерин — да, я читал об этом! — и который притащил ко мне Малфоя — Малфоя, который может оказаться роднёй Волан–де–Морта? А кто может подтвердить, что вы не занимаетесь Тёмной магией?

АЛЬБУС: Но…

АМОС: Всё, что ты мне сказал, и без того очевидно, хотя подтверждение тоже не помешает.

Твой отец солгал. А теперь уходите. Оба. Хватить тратить моё время впустую.

АЛЬБУС *(с напором и убеждённостью)*: Нет, вам надо выслушать меня! Вы сами говорили о том, сколько крови на руках моего отца — позвольте же мне помочь всё изменить! Позвольте мне помочь исправить одну из его ошибок! Поверьте мне!

АМОС *(повышенным тоном)*: Мальчик, ты меня слышал? У меня нет причин доверять тебе! Так что уходи. Прямо сейчас. Пока я не *заставил* тебя уйти.

С угрожающим видом поднимает палочку. АЛЬБУС глядит на палочку и поникает плечами — АМОС разрушил его надежды.

СКОРПИУС: Идём, дружище; что мы наверняка хорошо умеем, так это определять, когда мы не нужны.

АЛЬБУСУ не хочется уходить. СКОРПИУС тянет его за руку. АЛЬБУС отворачивается, и ребята плетутся прочь.

ДЕЛФИ: Вообще–то я могу назвать причину, по которой тебе стоит им довериться, дядюшка.

Ребята останавливаются.

Они единственные сами вызвались помочь. Они готовы проявить храбрость и подвергнуть

себя риску, возвращая тебе сына. По правде говоря, я более чем уверена, что они уже подвергали себя риску, когда добирались сюда.

АМОС: Но мы говорим о Седрике!

ДЕЛФИ: И разве ты не говорил, что иметь союзника в стенах Хогвартса означает получить *значительное* преимущество?

ДЕЛФИ целует АМОСА в макушку. АМОС смотрит на ДЕЛФИ, затем переводит взгляд на мальчиков.

АМОС: Почему? Почему вы хотите так рискнуть? Вам–то что до этого?

АЛЬБУС: Я знаю, что такое быть лишним. Ваш сын не заслужил гибели, мистер Диггори. Мы можем вернуть его.

АМОС *(наконец выказывая эмоции)*: Мой сын… мой сын — это лучшее из того, что у меня когда–нибудь было… и да, вы правы, это была несправедливость — величайшая несправедливость. Если вы говорите серьёзно…

АЛЬБУС: Более чем серьёзно.

АМОС: Там наверняка будет опасно.

АЛЬБУС: Мы знаем.

СКОРПИУС: Точно?

АМОС: Делфи… может, ты сможешь их сопровождать?

ДЕЛФИ: Если тебе так будет приятнее, дядюшка.

Она улыбается АЛЬБУСУ, он улыбается в ответ.

АМОС: Вы не осознаёте, что само обладание Маховиком времени уже опасно для жизни.

АЛЬБУС: Мы готовы рискнуть своими жизнями.

СКОРПИУС: Да?

АМОС *(мрачно)*: Надеюсь, твоя готовность никуда не денется…

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ
ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ, КУХНЯ

ГАРРИ, РОН, ГЕРМИОНА и ДЖИННИ сидят и едят.

ГЕРМИОНА: Я уже сто раз говорила Драко — никто в Министерстве не сплетничает о Скорпиусе. Слухи исходят не от нас.

ДЖИННИ: Я ему писала, когда Астория умерла. Спрашивала, можем ли мы чем–нибудь помочь. Думала, может, Скорпиус — он ведь стал таким хорошим другом для Альбуса — захочет провести здесь хотя бы несколько дней на Рождество или… Моя сова вернулась с письмом, содержащим лишь одно простое предложение: «Скажи своему мужу, чтобы опроверг все эти поклёпы о моём

сыне раз и навсегда».

ГЕРМИОНА: Он просто помешан на этом.

ДЖИННИ: Он болван. Убитый горем болван.

РОН: Мне тоже его жаль, но когда он начиняет обвинять Гермиону в… ну… *(Косится в сторону ГАРРИ.)* Блин, вы ещё штанишки от страху намочи́те! Я ей всё время говорю, что эти события могут ничего и не значить.

ГЕРМИОНА: Ей?!

РОН: Тролли могли идти на вечеринку, великаны — на свадьбу, тебе кошмары снились, потому что переживал за Альбуса, а твой шрам разболелся, потому что стареешь.

ГАРРИ: Старею?! Ну спасибо, дружище.

РОН: Откровенно говоря, в последнее время каждый раз, когда сажусь, слышу звук «ууф». Вот так: «ууф»… А мои ступни? У меня со ступнями проблемы, я могу оды сочинять о боли в ступнях — может, и у тебя со шрамом точно так же.

ДЖИННИ: Ерунду говоришь.

РОН: По–моему, я всегда на этом специализировался. На этом и на своём ассортименте Забастовочных завтраков. И на своей любви к вам всем. Даже к Джинни — Доходяге.

ДЖИННИ: Если не будешь вести себя как следует, Рональд Уизли, я скажу маме.

РОН: Ты этого не сделаешь!

ГЕРМИОНА: Если какая–то часть Волан–де–Морта сохранилась, в любой форме, нам надо быть к этому готовыми. И я этого боюсь.

ДЖИННИ: И я.

РОН: А я ничего и никого не боюсь. Кроме мамы.

ГЕРМИОНА: Я серьёзно говорю, Гарри. Я не буду вести себя в этом случае как Корнелиус Фадж. Я не буду прятать голову в песок. И я не буду думать о том, насколько упаду в глазах Драко Малфоя в результате своих действий.

РОН: Ты уж точно никогда не гналась за популярностью, это да, кто ж спорит…

ГЕРМИОНА бросает на РОНА испепеляющий взгляд и пытается стукнуть его, но РОН отпрыгивает.

Не попала!

ДЖИННИ награждает РОНА тумаком. РОН морщится от боли.

Попала… Очень неслабо, кстати, попала.

Внезапно в комнату влетает сова. Она пикирует вниз и бросает письмо на тарелку ГАРРИ.

ГЕРМИОНА: Как–то поздновато для совы.

ГАРРИ вскрывает письмо. Прочитав обратный адрес, удивляется.

ГАРРИ: Это от профессора МакГонагалл.

ДЖИННИ: О чём там пишут?

Лицо ГАРРИ мертвеет.

ГАРРИ: Джинни, Альбус… Альбус и Скорпиус… они не добрались до школы. Пропали по дороге…

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПОДВАЛ

СКОРПИУС косится на бутылку.

СКОРПИУС: То есть мы просто проглотим его и всё?

АЛЬБУС: Скорпиус, я что — правда должен объяснять тебе, суперзаучке и специалисту по Зельям, как именно действует Оборотное зелье? Благодаря блестящей подготовительной работе Делфи мы можем принять это зелье и превратиться в кого угодно; с такой маскировкой мы точно сможем попасть в Министерство магии.

СКОРПИУС: Ну хорошо, тогда только два вопроса. Первый: больно будет?

ДЕЛФИ: Будет, и очень, насколько я могу судить.

СКОРПИУС: Спасибо. Очень рад это слышать. Второй вопрос: кто–нибудь из вас знает, какой вкус у Оборотного зелья? Потому что я слышал, что оно вкусом напоминает рыбу, и если это правда, то меня вырвет. Рыба и я — несовместимые

понятия. Всегда так было. И всегда так будет.

ДЕЛФИ: Считай, что предупредил. *(Выпивает зелье залпом.)* Нет, у него вкус не такой, как у рыбы. *(Начинает превращаться, испытывая сильные мучения.)* На самом деле вкус довольно приятный, м-м. Больновато, конечно, но… *(Громкая отрыжка.)* Забирай. Небольшая… *(Ещё одна отрыжка. Превращается в ГЕРМИОНУ.)* небольшая накладка — во рту всё–таки остаётся вкус рыбы.

АЛЬБУС: Да-а, прямо… офигеть.

СКОРПИУС: Двойное офигеть.

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: И вправду не почувствовала, как… э, да у меня даже голос теперь как у неё! Тройное офигеть.

АЛЬБУС: Ладно. Я следующий.

СКОРПИУС: Ага, щас. Надейся и жди. Раз уж делаем, то… *(с улыбкой надевает знакомые по виду очки)* делаем вместе.

АЛЬБУС: Три… Два… Один…

Глотают.

Да нет, вроде ничего. *(Сгибается от боли.)* Это уже хуже…

Оба начинают превращаться, испытывая сильные мучения.

АЛЬБУС превращается в РОНА, СКОРПИУС — в ГАРРИ.

Смотрят друг на друга. Пауза.

АЛЬБУС/РОН: Как–то странно получилось, да?

СКОРПИУС/ГАРРИ *(голосом, полным драматизма — на самом деле происходящее ему нравится)*: Иди в свою комнату! Сейчас же иди в свою комнату! Ты чрезвычайно плохой и никудышный сын!

АЛЬБУС/РОН *(смеётся)*: Ну Скорпиус…

СКОРПИУС/ГАРРИ *(перебрасывая плащ через плечо)*: Это ты настоял на том, чтобы я превратился в него, а ты — в Рона! Я всего лишь хотел поприкалываться, перед тем как… *(Громкая отрыжка.)* Короче, результат совершенно кошмарный.

АЛЬБУС/РОН: Вообще неплохо так получилось, но у дяди Рона брюшко начало отрастать.

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Вам не кажется, что нам пора идти?

Выходят на улицу, заходят в телефонную будку и набирают 62442.

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА: Добро пожаловать, Гарри Поттер. Добро пожаловать, Гермиона Грейнджер. Добро пожаловать, Рон Уизли.

Телефонная будка уходит вниз; на лицах заговорщиков появляются улыбки.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ

ГАРРИ, ГЕРМИОНА, ДЖИННИ и ДРАКО в волнении расхаживают по маленькой комнате.

ДРАКО: Возле путей надо тщательно прочесать…

ГАРРИ: Мой отдел уже всё прочесал и опять прочёсывает.

ДРАКО: А ведьма с тележкой не может сообщить что–нибудь полезное?

ГЕРМИОНА: Ведьма с тележкой в бешенстве. Всё твердит о том, что подвела Отталин Гэмбол. Для неё акт сверки пассажиров, следующих в Хогвартс, всегда был предметом гордости.

ДЖИННИ: Магглы не сообщали о каких–либо случаях использования магии?

ГЕРМИОНА: До сих пор вроде не было. Я сообщила магглскому премьер–министру, они ведут учёт так называемых «липробвесов». Звучит как заклинание, но таковым не является, это сокращение от «лица, пропавшие без вести».

ДРАКО: То есть мы должны положиться на магглов в поисках наших детей? Может, мы им ещё и о шраме Гарри сообщили?

ГЕРМИОНА: Мы всего лишь просим магглов о помощи. И, кстати, пока неизвестно, при чём тут шрам Гарри, но в любом случае это обстоятельство, с которым нельзя не считаться. Сейчас

наши ауроры ведут расследование в отношении всех, кто практиковал Тёмную магию, и…

ДРАКО: Пожиратели смерти здесь ни при чём.

ГЕРМИОНА: Не уверена, что разделяю твою убеждённость.

ДРАКО: Это не убеждённость, это факт. Такие кретины, который рискнули бы сейчас заняться Тёмной магией… Тем более что мой сын — Малфой, они бы не осмелились.

ГАРРИ: Если это только не какие–нибудь отморозки из новых.

ДЖИННИ: Согласна с Драко. Если это похищение — я ещё могу понять похищение Альбуса, но похищение их обоих…

ГАРРИ встречается глазами с ДЖИННИ; становится ясно, что именно она хочет ему сказать.

ДРАКО: Скорпиус — он же ведомый, не ведущий, несмотря на всё, что я пытался ему привить. Так что с поезда его наверняка заставил сойти Альбус, и я спрашиваю — куда он его потащил?

ДЖИННИ: Гарри, они сбежали, и мы оба это знаем.

ДРАКО замечает, как ДЖИННИ и ГАРРИ смотрят друг на друга.

ДРАКО: Знаете? Знаете — оба? О чём вы умалчиваете?

Тишина.

Что бы вы ни скрывали, советую рассказать это прямо сейчас!

ГАРРИ: У нас с Альбусом произошла размолвка, позавчера.

ДРАКО: И?..

ГАРРИ какое–то мгновение колеблется, но затем решительно смотрит в глаза ДРАКО.

ГАРРИ: И я сказал ему, что иногда мне хочется, чтобы он не был моим сыном.

Тишина приобретает другой оттенок: теперь это оглушительная тишина. ДРАКО с угрожающим видом делает шаг навстречу ГАРРИ.

ДРАКО: Если что–нибудь случится со Скорпиусом…

ДЖИННИ встаёт между ДРАКО и ГАРРИ.

ДЖИННИ: Не бросайся угрозами, Драко, пожалуйста, не надо.

ДРАКО *(кричит во всё горло)*: Мой сын пропал!

ДЖИННИ *(кричит так же громко)*: Мой тоже!

ДРАКО встречается взглядом с ДЖИННИ. Накал эмоций в комнате зашкаливает.

ДРАКО *(кривит губы, становясь удивительно похожим на своего отца)*: Если вам понадобится золото… Всё, что есть у Малфоев… Он — мой единственный наследник… Он и есть семья для меня.

ГЕРМИОНА: Спасибо, Драко, но у Министерства резервы достаточно большие.

ДРАКО порывается выйти, но затем останавливается и смотрит на ГАРРИ.

ДРАКО: Что бы ты ни сделал, кого бы ты ни спас — ты был и остаёшься вечным проклятием моей семьи, Гарри Поттер.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, КОРИДОР

СКОРПИУС/ГАРРИ: Ты уверен, что он здесь?

Мимо проходит охранник. СКОРПИУС/ГАРРИ и ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА пытаются изображать деловую беседу.

Да, госпожа министр, я определённо считаю, что Министерству следует продумать этот вопрос во всех подробностях, несомненно.

ОХРАННИК *(с поклоном)*: Госпожа министр…

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Давайте вместе его обдумаем.

Охранник проходит мимо, они издают вздох облегчения.

Использовать Веритасерум было дядюшкиной идеей — мы добавили его в питьё одного из посетителей, чиновника из Министерства. Он нам сказал, что Маховик времени находится здесь, и даже сообщил, где именно: прямо в кабинете

Министра магии.

Показывает на дверь. Внезапно до их ушей откуда–то снаружи доносится шум.

ГЕРМИОНА *(где–то неподалёку)*: Гарри, нам нужно насчёт этого поговорить…

ГАРРИ *(где–то неподалёку)*: Не о чем тут говорить.

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: О боже…

АЛЬБУС/РОН: Гермиона. И отец.

Паника возникает мгновенно и охватывает их всех.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Так, ладно…. Надо спрятаться. Спрятаться некуда. Кто–нибудь знает какие–нибудь чары невидимости?

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Может… проберёмся в её кабинет?

АЛЬБУС/РОН: Так она ведь обязательно сама туда зайдёт!

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: А больше некуда.

Пробует открыть дверь. Ещё раз пробует.

ГЕРМИОНА *(где–то неподалёку)*: Если ты об этом не расскажешь мне или Джинни…

СКОРПИУС/ГАРРИ: Отойдите. Алохомора!

Направляет палочку на дверь. Дверь распахивается. СКОРПИУС/ГАРРИ довольно улыбается.

Альбус, тебе задача её задержать.

ГАРРИ *(где–то неподалёку)*: Что тут скажешь…

АЛЬБУС/РОН: Мне? Почему?

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Но не нам же! Мы ведь и есть *они*.

ГЕРМИОНА *(где–то неподалёку)*: То, что ты сказал, явно неверно, но здесь надо учесть больше факторов, чем…

АЛЬБУС/РОН: Но я не могу! Не могу…

После небольшой суматохи АЛЬБУСА/РОНА выпихивают за дверь. В коридоре появляются ГЕРМИОНА и ГАРРИ.

ГАРРИ: Гермиона, я благодарен тебе за заботу, но не нужно…

ГЕРМИОНА: Рон?

АЛЬБУС/РОН: Сюрприз!!!

ГЕРМИОНА: Что ты здесь делаешь?

АЛЬБУС/РОН: Разве мужу нужна причина, чтобы увидеться с женой?

Крепко целует ГЕРМИОНУ.

ГАРРИ: Я лучше пойду…

ГЕРМИОНА: Гарри, я насчёт того, что ты высказал Альбусу… Что бы там ни говорил Драко… Если ты будешь на этом зацикливаться — не думаю, что кому–нибудь из нас от этого будет польза.

АЛЬБУС/РОН: А, ты насчёт желания Гарри, чтобы я… *(поправляет себя)* чтобы Альбус не был

его сыном?

ГЕРМИОНА: Рон!

АЛЬБУС/РОН: А что, отрезанный ломоть к хлебу не приставишь, я тоже это имел в виду.

ГЕРМИОНА: Ничего, он в конце концов узнает правду. Все мы иногда говорим такое, чего не думаем. И Альбусу это известно.

АЛЬБУС/РОН: Но что если мы иногда говорим такое, о чём думаем? Тогда что?

ГЕРМИОНА: Рон, сейчас не время об этом говорить, честно.

АЛЬБУС/РОН: Конечно, не время. Счастливо, дорогая.

АЛЬБУС/РОН следит за ней в надежде, что она пройдёт мимо кабинета и уйдёт. Но она, разумеется, идёт прямо к двери. Он поспешно вклинивается между нею и дверью, мешая ГЕРМИОНЕ войти, затем растопыривает локти, полностью загораживая вход.

ГЕРМИОНА: Зачем ты загораживаешь вход в мой кабинет?

АЛЬБУС/РОН: Да нет, ну что ты. С чего бы?

Она ещё раз пытается добраться до двери, но он опять мешает ей.

ГЕРМИОНА: А я говорю, загораживаешь. Дай мне пройти в кабинет, Рон.

ГЕРМИОНА пытается проскользнуть мимо него.

АЛЬБУС/РОН: А давай заведём ещё одного ребёнка!

ГЕРМИОНА: Чего?

АЛЬБУС/РОН: Ну, если не ещё одного ребёнка, то давай устроим праздник. Хочу ребёнка или праздник, и поверь, я не отступлюсь! Поговорим об этом позже, солнышко?

Она пытается пройти в комнату в последний раз, но он останавливает её поцелуем, удерживая её уже силой.

Может, выпьем в «Дырявом котле», любимая?

ГЕРМИОНА *(сдаваясь)*: Если я там найду шарик–вонючку — тебе даже сам Мерлин не поможет. Хорошо. Нам по–любому надо проверить, нет ли информации от магглов.

Уходит. ГАРРИ уходит вместе с ней.

АЛЬБУС/РОН

поворачивается к двери. ГЕРМИОНА возвращается, на этот раз одна.

Ребёнок ИЛИ праздник? Иногда ты такое выдашь, что хоть стой, хоть падай…

АЛЬБУС/РОН: Так ты же именно из–за этого и вышла за меня замуж, правда? Из–за моего озорного чувства юмора.

ГЕРМИОНА опять уходит. Он начинает открывать дверь, но она снова возвращается, и он в раздражении захлопывает дверь.

ГЕРМИОНА: Мне можешь заказать рыбу. Только не эти кошмарные сэндвичи из рыбных палочек, я тебе уже говорила.

АЛЬБУС/РОН: Идёт.

ГЕРМИОНА уходит. Он проверяет, окончательно ли она ушла на этот раз, и глубоко вздыхает от облегчения, открывая дверь.

АКТ ПЕРВЫЙ, СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, КАБИНЕТ ГЕРМИОНЫ

СКОРПИУС/ГАРРИ и ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА ждут по ту сторону двери кабинета ГЕРМИОНЫ. Входит измотанный АЛЬБУС/РОН и сползает, прислонившись спиной к стене.

АЛЬБУС/РОН: Жесть какая…

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Я впечатлена. Ты её тормозил просто великолепно.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Не знаю, то ли дать пять, то ли поглумиться над тем, как ты целовал свою тётушку стопиццот раз!

АЛЬБУС/РОН: А что, Рон — дядька горячий… Скорпиус, ну я же пытался её отвлечь! И у меня получилось!

СКОРПИУС/ГАРРИ: А потом твой отец и скажет…

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Ребята, она скоро вернётся, у нас не так уж много времени.

АЛЬБУС/РОН *(обращаясь к СКОРПИУСУ/ГАРРИ)*: Слышал?

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Где же Гермиона прячет Маховик времени? *(Обводит взглядом комнату, видит книжные шкафы.)* Давайте обыщем книжные шкафы.

Начинают искать. СКОРПИУС/ГАРРИ обеспокоенно смотрит на приятеля.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Почему ты мне не рассказал?

АЛЬБУС/РОН: Мой отец заявил, что ему хочется, чтобы я не был его сыном. Как–то не слишком удобное начало разговора, не правда ли?

СКОРПИУС/ГАРРИ пытается что–нибудь придумать в ответ.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Я знаю, что всё это чушь — про отцовство Волан–де–Морта, но иногда мне кажется, что у отца проскальзывает мысль: и как он у меня такой получился?

АЛЬБУС/РОН: *По–любому* лучше, чем у моего отца. Я абсолютно уверен, что он всю жизнь только и делает, что размышляет: как бы его родить

обратно?

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА тянет СКОРПИУСА/ГАРРИ к книжным полкам.

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Может, мы сосредоточимся на более важном сейчас вопросе?

СКОРПИУС/ГАРРИ: Я имею в виду, Альбус, что существует какая–то причина, по которой мы дружим, причина, по которой мы нашли друг друга. И что бы это приключение ни…

Всматривается в книгу на полке и хмурится.

Слушайте, а вы обратили внимание на книжки на этих полках? Тут есть очень серьёзные книги. Запрещённые книги. Про́клятые книги.

АЛЬБУС/РОН: Как отвлечь Скорпиуса от тяжёлых переживаний? Поведите его в библиотеку.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Все книги из Запретной секции — и ещё всякое разное. Вот: «Наигнуснѣйшая Магія», «Демоны пятнадцатаго вѣка», «Сонѣты чародѣя» — они даже в Хогвартсе запрещены!

АЛЬБУС/РОН: «Тени и духи»… «Применение паслёна в некромантии»…

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Ну это вообще…

АЛЬБУС/РОН: «Подлинная история Опалового Пламени»… «Заклятіе Имперіус и послѣдствія его невѣрного примѣненія»…

СКОРПИУС/ГАРРИ: О, сюда посмотрите! Ничего

себе… «Моё зрение и как видеть, не используя глаза» Сивиллы Трелони. Книга по Прорицанию. Гермиона Грейнджер терпеть не может Прорицание. Замечательно. Настоящая находка.

Снимает книгу с полки, книга резко раскрывается — и начинает говорить.

КНИГА: Тут с пятой начался ответ.

Есть в лидере, а в лире нет.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Ну а что: говорящая книга, не такая уж и диковинка.

КНИГА: Ты меня сейчас схвати

И слегка укороти.

АЛЬБУС/РОН: Это шарада! Она загадывает нам шараду!

КНИГА: Пончиков купи кулёк —

Третий и четвёртый слог.

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Что ты натворил?

СКОРПИУС/ГАРРИ: Боюсь признаться: открыл книжку. Совершил действие, которое за все годы моего пребывания на этой планете никогда не считалось особо опасным.

Книги тянутся к АЛЬБУСУ/РОНУ, пытаясь его сцапать; он лишь чудом избегает их хватки.

АЛЬБУС/РОН: Что это?

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА: Это оружие. Она превратила свою библиотеку в оружие. Вот где находится

Маховик времени! Решите шараду, и мы его найдём.

АЛЬБУС/РОН: Тут с пятой начался ответ. Есть в лидере, а в лире нет. «Де»!

Книга пытается проглотить ДЕЛФИ/ГЕРМИОНУ.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Ты меня сейчас схвати и слегка укороти… «Меня»!

ДЕЛФИ/ГЕРМИОНА *(воодушевлённо)*: «Мен»! Де–мен… торы! Нам надо найти книгу о дементорах! *(Книжный шкаф пытается затянуть ДЕЛФИ внутрь себя.)* Альбус!

АЛЬБУС/РОН: Делфи! Что происходит?

СКОРПИУС/ГАРРИ: Сосредоточься, Альбус! Делай то, что она говорит. Найди книгу о дементорах и будь очень осторожен.

АЛЬБУС/РОН: Вот — «Доминирование дементоров: подлинная история Азкабана».

Книга резко раскрывается и с угрозой разворачивается к СКОРПИУСУ/ГАРРИ, тот в попытке уклониться падает рядом с книжным шкафом, который тут же пытается его сожрать.

КНИГА: Родился в приюте, не знал свою мать,
Но слышал — во мне кровь вельможи.
Мне внутренний предок велел рифмовать
О том, что меня уничтожит.

АЛЬБУС/РОН: Волан–де–Морт!

ДЕЛФИ наполовину зарылась в книги, снаружи видна лишь спина.

ДЕЛФИ: Быстрее работаем!

Внезапно она с криком исчезает — что–то затянуло её внутрь.

АЛЬБУС/РОН: Делфи! Делфи!

Пытается нащупать её руку, но безуспешно.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Ты видел? Она опять стала собой!

АЛЬБУС/РОН: Нет! Меня больше волновало то, что её шкаф пожирает! Найди же что–нибудь! Хоть что–нибудь о нём!

Находит книгу.

«Наследник Слизерина»? Как ты думаешь…

Пытается снять книгу с полки, та тянет в другую сторону, и шкаф заглатывает АЛЬБУСА/РОНА.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Альбус! Альбус!!!

АЛЬБУСА/РОНА не видно.

Ладно, ладно… Не та… Волан–де–Морт… Волан–де–Морт… Волан–де–Морт…

Рыскает глазами по полкам.

«Правда о Марволо» — наверное, эта…

Пытается раскрыть книгу. Та раскрывается сама, вспыхивает ослепительный свет и разда-

ётся голос — даже более звучный, чем прежде.

КНИГА: Кто мной станет — тому, уж поверь, не до смеха.

Я ведь — ты, но и я; я — случайное эхо.

Я навек обречён за тобою ходить —

Иногда впереди, иногда позади.

Из толщи книг появляется АЛЬБУС, опять в своём облике.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Альбус!

Пытается схватить его.

АЛЬБУС: Не поможет! Просто ПОДУ–У–У-УМАЙ!..

АЛЬБУСА мгновенно затягивает обратно в шкаф.

СКОРПИУС/ГАРРИ: Но у меня ничего не выходит!.. Невидимое эхо — это вообще что может значить? Единственное, что я умею хорошо делать, это думать, и вот, на тебе: когда надо подумать — не получается!

Книги стараются его затянуть; он не сопротивляется, и это ужасное зрелище.

Настаёт тишина.

И вдруг раздаётся грохот; книги фонтаном сыплются из шкафа — и вновь появляется СКОРПИУС,

пинками разбрасывая книги вокруг себя.

СКОРПИУС: Нет! Не смей! Книга Трелони? Нет!!!!

Оглядывается вокруг. Видно, что он озадачен, но полон энтузиазма.

Тут всё неправильно! Альбус, ты меня слышишь? Это всё устроено для того, чтобы спрятать этот долбаный Маховик времени! Думай, Скорпиус, думай…

Книги пытаются его сграбастать.

Навек обречён за тобою ходить… Иногда впереди, иногда позади… Отсутствие сразу ощущается… Тень! Ты — тень. «Тени и духи». А что, вполне возможно…

Карабкается на шкаф, тот старается напугать СКОРПИУСА и цепляет его на каждом шагу.

Добравшись до верха, СКОРПИУС пытается стащить книгу с полки, та не сопротивляется — и вдруг шум и неразбериха прекращаются.

Это же…

Внезапно раздаётся грохот, АЛЬБУС и ДЕЛФИ вываливаются из шкафов на пол.

Мы её победили! Мы победили библиотеку!

АЛЬБУС: Делфи, ты как?

ДЕЛФИ: Ух… Ну и поездочка!

АЛЬБУС замечает книгу, которую СКОРПИУС прижимает к груди.

АЛЬБУС: Это она? Скорпиус? Что там внутри этой книги?

ДЕЛФИ: По–моему, как раз есть повод это выяснить; никто не возражает?

СКОРПИУС открывает книгу. Внутри неё вращается Маховик времени.

СКОРПИУС: Мы нашли Маховик времени… Никогда не думал, что у нас даже это получится.

АЛЬБУС: Да, дружище, у нас и вправду получилось; следующий пункт — спасти Седрика. Наше путешествие только началось.

СКОРПИУС: Только началось — и уже чуть не убило нас. Ладно, ничего. Теперь всё будет хорошо.

Шепотки становятся громче, переходят в оглушительный рёв — и на сцене наступает затемнение.

АКТ ВТОРОЙ,

СЦЕНА ПЕРВАЯ

СОН, ТИСОВАЯ УЛИЦА, ЧУЛАН ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Гарри! Гарри! Эти кастрюли плохо отчищены! ЭТИ КАСТРЮЛИ — ПРОСТО ПОЗОРИЩЕ, ГАРРИ ПОТТЕР! Просыпайся!

ГАРРИ-ПОДРОСТОК просыпается и видит, как к нему подступает ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Тетя Петунья… Который час?

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Уже достаточно поздно! Знаешь ли, когда мы согласились принять тебя, то надеялись, что сможем исправить тебя, создать заново твою личность, сотворить из тебя достойного человека. Так что, думаю, нам некого винить, кроме самих себя, в том, что ты превратился в такое… такое жалкое недоразумение!

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Я постараюсь…

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Попытка — ещё не дело! На стёклах жирные пятна, кастрюли поцарапаны… Сейчас же поднимайся, иди в кухню и начинай всё драить!

ГАРРИ-ПОДРОСТОК вскакивает с постели; сзади на штанах у него мокрое пятно.

О боже… Только не это… Ты что натворил? Ты же постель обмочил, уже в который раз!

Сдёргивает покрывало.

Это никуда не годится.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Я… простите, мне, кажется, кошмар приснился…

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Ты гадкий мальчишка! Под себя ходят только животные. Животные и гадкие

мальчишки.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Кошмар был про маму и папу. Я помню, что видел… видел, как они… погибли…

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: И почему меня это должно хоть как–то интересовать?

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Там был человек, который прокричал «Адкава…» «Ад» плюс что–то там ещё. Акабра? Ад… а потом раздалось шипение змеи. Я слышал, как мама вскрикнула.

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ молчит некоторое время, чтобы прийти в себя.

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Если бы ты действительно пережил во сне их смерть, то услышал бы лишь скрежет тормозов и страшный удар. Твои родители погибли в автомобильной аварии, и тебе это известно. Не думаю, что у твоей мамы было хоть мгновение на то, чтобы вскрикнуть. Господь избавил тебя от других подробностей. Так что снимай эти простыни, иди в кухню и начинай всё драить. Я повторять не буду!

Выходит, хлопнув дверью.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК стоит, держа в руках простыни.

Сцена видоизменяется, сон превращается в нечто совсем иное, вокруг вырастают деревья.

Внезапно появляется АЛЬБУС; он стоит и смотрит на ГАРРИ-ПОДРОСТКА.

Затем где–то в глубине комнаты тихо звучат слова Змеиного языка, но этот шёпот слышен каждому.

Он грядёт… Он грядёт…

Эти слова произносит голос, который нельзя спутать ни с одним другим: голос ВОЛАН–ДЕ–МОРТА…

Га–а–арри Пот–т–т-т-тер…

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ВТОРАЯ

ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ, ЛЕСТНИЦА

ГАРРИ просыпается в темноте, тяжело дыша. Он измотан до крайней степени и измучен страхом.

ГАРРИ: Люмос!

Входит ДЖИННИ, заметившая свет.

ДЖИННИ: Всё в порядке?

ГАРРИ: То есть это я спал…

ДЖИННИ: Ну да.

ГАРРИ: А ты, значит, нет. Есть ли какие–нибудь… новости? С совами или?..

ДЖИННИ: Никаких.

ГАРРИ: Я видел сон. Я был под лестницей, а потом… потом я услышал его, Волан–де–Морта

— так отчётливо…

ДЖИННИ: Волан–де–Морта?

ГАРРИ: А затем я увидел… Альбуса. На нём была красная мантия Дурмстранга.

ДЖИННИ: Мантия Дурмстранга?

ГАРРИ задумывается.

ГАРРИ: Джинни, по–моему, я знаю, где он…

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ХОГВАРТС, КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

ГАРРИ и ДЖИННИ стоят в кабинете профессора МАКГОНАГАЛЛ.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: А где именно в Запретном лесу — мы не знаем?

ГАРРИ: У меня не было такого сна уже многие годы. Но Альбус там был. И он это осознавал.

ДЖИННИ: Надо начать искать как можно скорее.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Могу дать вам в помощь профессора Долгопупса — его знания в ботанике могут вам пригодиться, и ещё…

Внезапно в дымоходе что–то грохочет. Профессор МАКГОНАГАЛЛ озабоченно смотрит в ту сторону. Вбегает ГЕРМИОНА.

ГЕРМИОНА: Это правда? Я могу помочь?

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Министр… Это так неожиданно…

ДЖИННИ: Наверное, это моя вина: я убедила их напечатать объявление о найме добровольцев в экстренном выпуске «Ежедневного пророка».

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Ну и правильно. Очень разумно. Надеюсь, отзовётся достаточно много народу.

В комнату врывается РОН, весь в саже; на нём обеденная салфетка с пятнами от соуса.

РОН: Я что–нибудь пропустил? Не мог сообразить, куда отправиться по сети летучего пороха. В конце концов каким–то образом попал в кухню. *(ГЕРМИОНА со свирепым выражением лица наблюдает, как он снимает с себя салфетку.)* Чего ты?

Вдруг опять раздаётся громкий шум, и из дымохода, в тучах сажи и пыли, вываливается ДРАКО.

Все смотрят на него в изумлении. Он поднимается и счищает с себя сажу.

ДРАКО: Простите за пол, Минерва.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Пожалуй, это моя вина — дымоход–то мой.

ГАРРИ: Как–то неожиданно увидеть тебя здесь, Драко. Я думал, ты не веришь в мои сны.

ДРАКО: В сны не верю, зато верю в твоё везение. Гарри Поттер всегда в самой гуще событий. А мне нужно вернуть сына целым и невредимым.

ДЖИННИ: Тогда давайте отправимся в Запретный лес и отыщем их обоих.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ГРАНИЦА ЗАПРЕТНОГО ЛЕСА

АЛЬБУС и ДЕЛФИ стоят друг напротив друга, держа перед собой волшебные палочки.

АЛЬБУС: Разоружармус!

Палочка ДЕЛФИ летит к нему по воздуху.

ДЕЛФИ: На этот раз ты выиграл. У тебя неплохо получается.

Забирает у АЛЬБУСА свою палочку.

(пафосно) «Вы, несомненно, спец по разоружению, молодой человек!»

АЛЬБУС: Разоружармус!

Её палочка опять летит к АЛЬБУСУ.

ДЕЛФИ: И у нас есть победитель!

АЛЬБУС и ДЕЛФИ дают друг другу пять.

АЛЬБУС: А вообще мне заклинания никогда особо не удавались.

В глубине сцены появляется СКОРПИУС и смотрит, как его друг беседует с девушкой. Какая–то часть его души радуется за них, другая испытывает совершенно противоположные чувства.

ДЕЛФИ: Я тоже была неумехой, а потом как будто что–то в голове щёлкнуло. И с тобой будет то же самое. Я не какая–то там суперведьма или

типа того — думаю, ты просто набираешься опыта в магии, Альбус Поттер.

АЛЬБУС: Хорошо бы, чтобы ты была рядом и продолжала меня учить.

ДЕЛФИ: А как же, я буду рядом, мы же друзья?

АЛЬБУС: Да! Да! Однозначно друзья. Однозначно.

ДЕЛФИ: Ну и прекрасно! Виззо!

СКОРПИУС: Что такое «виззо»?

Решительно делает шаг вперёд.

АЛЬБУС: А я справился с этим заклинанием! В смысле, оно вообще–то довольно простое, но я был… ладно, в любом случае я его расщёлкал.

СКОРПИУС *(с преувеличенным энтузиазмом, пытаясь вклиниться в разговор)*: А я обнаружил, как пробраться в школу. Слушайте, мы точно уверены, что это сработает?..

ДЕЛФИ: А то!

АЛЬБУС: План просто блестящий. Можно избежать убийства Седрика, не дав ему выиграть Турнир Трех Волшебников. Если он не выиграет, его не смогут убить.

СКОРПИУС: Да я понимаю, но…

АЛЬБУС: Поэтому мы должны свести к нулю его шансы на выигрыш ещё с самого первого задания. Первое задание — забрать у дракона золотое

яйцо. Как там Седрик отвлекал дракона?

ДЕЛФИ поднимает руку вверх, словно ученица на уроке. АЛЬБУС улыбается и кивает ей. Эта парочка явно нашла друг друга.

Диггори, отвечайте.

ДЕЛФИ: Он трансфигурировал камень в собаку!

АЛЬБУС: То есть один маленький Разоружармус — и он не сможет этого сделать.

Комический дуэт ДЕЛФИ-АЛЬБУС СКОРПИУСУ явно не по душе.

СКОРПИУС: Ладно, на повестке дня два пункта. Пункт первый: можем ли мы быть уверены, что дракон его не убьёт?

ДЕЛФИ: Господи, у него на каждый чих по два пункта… Конечно, не убьёт. Это же Хогвартс. Чтобы кто–нибудь из защитников пострадал — этого точно не допустят.

СКОРПИУС: Хорошо, тогда *пункт* второй, причём *пункт* более важный: мы планируем возвращаться, не имея ни малейшего представления о том, как именно мы это сделаем. Что само по себе впечатляет. Может, нам сто́ит попробовать вернуться назад… ну, скажем, покамест на час, а уже потом…

ДЕЛФИ: Извини, Скорпиус, но у нас нет времени на пустые эксперименты. Находиться так близко

к школе слишком опасно — я уверена, что нас ищут и…

АЛЬБУС: Она права.

ДЕЛФИ: А теперь переходим к переодевальным процедурам.

Достаёт два больших бумажных пакета, из которых мальчики извлекают мантии.

АЛЬБУС: Но это мантии Дурмстранга!

ДЕЛФИ: Дядюшкина идея. Когда на тебе мантия Хогвартса, люди ожидают увидеть знакомое лицо. Но в Турнире Трех Волшебников соревнуются и другие школы, и если надеваешь мантию Дурмстранга, тут же отступаешь на задний план!

АЛЬБУС: Отличная придумка! Погоди, а где твоя мантия?

ДЕЛФИ: Альбус, мне, конечно, очень приятно, но ты же не думаешь, что у меня получится прикинуться ученицей? Я буду держаться позади и изображать из себя… о, а я, пожалуй, буду изображать укротительницу драконов. Всё равно все заклинания достанутся на вашу долю.

СКОРПИУС смотрит на неё, потом переводит взгляд на АЛЬБУСА.

СКОРПИУС: Тебе вообще не стоит идти.

ДЕЛФИ: Что?

СКОРПИУС: Ты права. Для всех этих заклина-

ний ты нам не нужна. И если ты не сможешь укрыться под ученической мантией — это будет слишком рискованно. Извини, Делфи, но тебе идти не сто́ит.

ДЕЛФИ: Но я должна! Он мой двоюродный брат! Альбус, скажи!

АЛЬБУС: Я думаю, что он прав. Прости.

ДЕЛФИ: Что?

АЛЬБУС: Мы не будем попадать в неприятности.

ДЕЛФИ: Но без меня вы не сможете заставить Маховик времени работать!

СКОРПИУС: Как пользоваться Маховиком времени, ты нас научила.

ДЕЛФИ по–настоящему обескуражена.

ДЕЛФИ: Нет, я вам не позволю…

АЛЬБУС: Ты уговаривала своего дядю довериться нам. Теперь твоя очередь. Мы сейчас находимся рядом со школой, и тебе лучше остаться здесь.

ДЕЛФИ смотрит на них обоих и глубоко вздыхает. Затем качает головой в ответ на свои мысли и улыбается.

ДЕЛФИ: Хорошо, идите. Но… просто помните, что сегодня вам выпала возможность, которая доставалась очень немногим. Сегодня вы получили шанс изменить историю. Изменить само

время. Но это всё ерунда: главное — сегодня вы получили шанс вернуть старику сына.

Улыбаясь, смотрит на АЛЬБУСА. Затем наклоняется и легко касается губами его щёк. После этого поворачивается и уходит в чащобу. АЛЬБУС глядит ей вслед широко раскрытыми глазами.

СКОРПИУС: А меня она не поцеловала — ты обратил внимание? *(Смотрит на друга.)* С тобой все в порядке, Альбус? Ты как–то побледнел. И покраснел. Побледнел и покраснел одновременно.

АЛЬБУС: Идём. У нас дела.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ПЯТАЯ

ЗАПРЕТНЫЙ ЛЕС

Кажется, что лес всё разрастается, стволы становятся всё толще — и среди деревьев движутся люди, пытаясь отыскать пропавших волшебников. Постепенно все люди уходят вперёд или отстают, пока ГАРРИ не остаётся один.

Вдруг он слышит какой–то звук и поворачивается направо.

ГАРРИ: Альбус? Скорпиус? Альбус?

Слышится цоканье копыт. ГАРРИ вздрагивает и начинает искать взглядом, откуда оно доносится.

Неожиданно на свет выступает БЭЙН — величественный кентавр.

БЭЙН: Гарри Поттер!

ГАРРИ: О… Ты по–прежнему можешь меня узнать, Бэйн.

БЭЙН: Ты стал старше.

ГАРРИ: Есть такое дело.

БЭЙН: Но не мудрее. Потому что ты без разрешения забрёл на нашу землю.

ГАРРИ: Я всегда уважал кентавров. Мы не враги. Вы храбро сражались в битве за Хогвартс, и я сражался бок о бок с вами.

БЭЙН: Я делал то, что был должен. Но сражался я во имя своей чести и за своё стадо. Но не за вас. После битвы лес считается землёй кентавров. И если ты находишься на нашей земле, причём без разрешения — ты наш враг!

ГАРРИ: Бэйн, мой сын пропал. Я ищу его, и мне нужна помощь.

БЭЙН: Он здесь? В нашем лесу?

ГАРРИ: Да.

БЭЙН: Тогда он такой же глупый, как и ты.

ГАРРИ: Ты можешь помочь мне, Бэйн?

Пауза. БЭЙН глядит на ГАРРИ сверху вниз, на его лице высокомерное выражение.

БЭЙН: Могу сказать лишь то, что сам знаю… Но скажу это не для твоего блага, а для блага своего стада. Кентаврам не нужна ещё одна война.

ГАРРИ: Да и нам тоже! Скажи, что тебе известно?

БЭЙН: Я видел твоего сына, Гарри Поттер. Видел его в движении звёзд.

ГАРРИ: Ты увидел его в звёздах?

БЭЙН: Не могу тебе сказать, где он. Не могу тебе сказать, как его найти.

ГАРРИ: Но ты что–то видел? Тебе было видение?

БЭЙН: Твоего сына окружает чёрное облако. Опасное чёрное облако.

ГАРРИ: Окружает Альбуса?

БЭЙН: Чёрное облако, которое может представлять опасность для всех нас. Ты опять увидишься со своим сыном, Гарри Поттер. Но после этого ты рискуешь потерять его навсегда.

Издаёт звук, похожий на громкое ржание — и пускается прочь со всех ног, оставив позади ошарашенного ГАРРИ. Тот возвращается к поискам, на этот раз даже с большим рвением.

ГАРРИ: Альбус! Альбус!

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ШЕСТАЯ

ГРАНИЦА ЗАПРЕТНОГО ЛЕСА

После очередного поворота СКОРПИУС и АЛЬБУС видят просвет между деревьев — просвет, через который пробиваются лучи невероятной кра-

соты.

СКОРПИУС: Наконец–то…

АЛЬБУС: Хогвартс… Никогда не видел его с такого места.

СКОРПИУС: Прямо мурашки ползают от такого вида…

Между деревьев становится виден ХОГВАРТС — потрясающее нагромождение башен и зданий с куполами.

С того момента, как я впервые о нём услышал, мне отчаянно хотелось в него попасть. Ну то есть отцу там не особо нравилось, но даже то, что он рассказывал… После того, как мне стукнуло десять, я каждое утро первым делом пролистывал «Ежедневный пророк» — вдруг с Хогвартсом приключилось какое–то несчастье и я не смогу там учиться.

АЛЬБУС: А потом ты туда попал, и он превратился в кошмар.

СКОРПИУС: Не для меня.

Потрясённый АЛЬБУС смотрит на друга.

Всё, чего мне хотелось, это попасть в Хогвартс и завести друга, с которым можно переворачивать всё вверх дном. Такого как Гарри Поттер. И я подружился с его сыном. По–моему, это сумасшедшее везение.

АЛЬБУС: Но я совершенно не такой, как мой отец.

СКОРПИУС: Ты лучше. Ты мой лучший друг, Альбус. И это переворачивает всё вверх дном в параллельном пространстве. Это потрясающе — так, что прямо два больших пальца вверх; так потрясающе, что… вынужден признаться, что я даже немного, совсем капельку… боюсь.

АЛЬБУС смотрит на СКОРПИУСА и улыбается.

АЛЬБУС: Ты тоже мой лучший друг. Не беспокойся: у меня хорошее предчувствие насчёт всего этого.

Откуда–то доносится голос РОНА — он явно где–то неподалёку.

РОН: Альбус? Альбус!

АЛЬБУС в испуге поворачивается к нему.

АЛЬБУС: Нам пора! Прямо сейчас!

АЛЬБУС берет Маховик времени у СКОРПИУСА, нажимает на него, Маховик времени начинает вибрировать — и затем взрывается целым вихрем движений.

После этого сцена начинает меняться на глазах у ребят.

Ослепительная вспышка света озаряет всё вокруг. За ней следует оглушительный грохот.

Время останавливается. Потом разворачи-

вается в обратную сторону, некоторое время размышляет — и начинает перематываться назад. Вначале медленно…

…а затем ускоряется.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ТУРНИР ТРЕХ ВОЛШЕБНИКОВ, ГРАНИЦА ЗАПРЕТНОГО ЛЕСА, 1994 ГОД

Внезапно шум заполоняет всё вокруг. АЛЬБУС и СКОРПИУС теряются в толпе.

На сцене появляется «самый великий шоумен в мире» (это его слова, не наши). Для усиления голоса он использует заклинание Сонорус и… короче, отрывается по полной.

ЛЮДО БЭГМЕН: Леди и джентльмены! Юноши и девушки! Представляю вам величайший! фантастический! единственный в своём роде! ТУРНИР ТРЕХ ВОЛШЕБНИКОВ!!!

Слышен радостный рёв болельщиков.

Если вы из Хогвартса — поприветствуйте своих!

Слышен радостный рёв болельщиков.

Если вы из Дурмстранга — поприветствуйте своих!

Слышен радостный рёв болельщиков.

А ЕСЛИ ВЫ ИЗ ШАРМБАТОНА — поприветствуйте своих!

Слышны редкие вялые возгласы.

Что–то французы проявляют как–то меньше энтузиазма…

СКОРПИУС *(улыбаясь)*: И ведь сработало. В этом весь Людо Бэгмен.

ЛЮДО БЭГМЕН: И вот они здесь! Леди и джентльмены! Юноши и девушки! Перед вами те, из–за кого мы здесь сегодня собрались: ЗАЩИТНИКИ! Дурмстранг представляет — что за брови, что за походка, что за парень, настоящий виртуоз мётлы! — Виктор «Буйный» Крам!

СКОРПИУС и АЛЬБУС *(которые уже и на самом деле вжились в роль учеников Дурмстранга)*: Жми, жми, Буйный Крам! Жми, жми, Буйный Крам!

ЛЮДО БЭГМЕН: От Академии Шармбатон — тысяча чертей, это же Флёр Делакур!

Слышны редкие вежливые аплодисменты.

И от Хогвартса — даже не один, а целых два ученика! Первый из них, от одного взгляда которого у девчонок подгибаются коленки, — это Седрик «Красавчик» Диггори!

Толпа неистовствует.

Теперь другой: вам он известен как Мальчик — Который–Выжил, а мне он известен как мальчик, который не перестаёт нас всех удивлять!

АЛЬБУС: Мой отец!

ЛЮДО БЭГМЕН: Да, это Гарри «Храбрец» Поттер!

Толпа громко приветствует Защитника. С краю стоит и аплодирует в радостном волнении девушка — ГЕРМИОНА-ПОДРОСТОК (её и РОЗУ играет одна и та же актриса). Примечательно, что радостные возгласы и аплодисменты в честь ГАРРИ несколько тише, чем в честь СЕДРИКА.

А теперь — прошу тишины! — первое задание: забрать золотое яйцо! Из гнезда — дамы и господа, юноши и девушки, вы только представьте! — ДРАКОНА! А с драконами у нас управляется… ЧАРЛИ УИЗЛИ!

Толпа устраивает настоящую овацию.

ГЕРМИОНА-ПОДРОСТОК: Если ты и дальше собираешься стоять так близко, хотя бы не пыхти на меня.

СКОРПИУС: Роза?! А ты что здесь делаешь?

ГЕРМИОНА-ПОДРОСТОК: Кто такая Роза? И куда делся твой акцент?

АЛЬБУС *(с ужасным акцентом)*: Пгости, Гегмиона, он тебя кое с кем дгугим спутал.

ГЕРМИОНА-ПОДРОСТОК: Откуда ты знаешь, как меня зовут?

ЛЮДО БЭГМЕН: А теперь не отвлекаемся и смотрим, как с Шведским Короткорылом встречается

наш первый Защитник — СЕДРИК ДИГГОРИ!

ГЕРМИОНА-ПОДРОСТОК отвлекается на рёв дракона, и АЛЬБУС вытаскивает палочку.

Седрик Диггори выходит на сцену. Похоже, он готов к испытанию. Чуть напуган, но готов. Уклоняется от дракона… ещё раз уклоняется… и ныряет в укрытие! Одни девушки падают в счастливый обморок, другие дружно вопят: не попортите нашего Диггори, мистер Дракон!

Во взгляде СКОРПИУСА озабоченность.

СКОРПИУС: Альбус, у нас проблема: Маховик времени весь трясётся!

Маховик времени беспрерывно тикает, и в этом тиканье ощущается явная опасность.

ЛЮДО БЭГМЕН: Седрик поворачивает влево, затем ныряет вправо, держа палочку наизготовку — что же этот юный храбрый красавчик достанет из рукава на этот раз?..

АЛЬБУС *(протягивая перед собой палочку)*: Разоружармус!

Палочка СЕДРИКА влетает в руку АЛЬБУСА.

ЛЮДО БЭГМЕН: Но что это?! Тёмная магия или что–то совсем другое? Его палочка летит прочь — Седрик Диггори Разоружён!

СКОРПИУС: Альбус, по–моему, с Маховиком времени что–то не так…

Маховик времени начинает тикать громче.

ЛЮДО БЭГМЕН: Для Диггера всё пошло наперекосяк: этот этап он, пожалуй, провалил. Как он будет выступать дальше — уже неважно.

СКОРПИУС хватается за АЛЬБУСА.

Тиканье становится всё громче, в какой–то момент яркий свет затопляет всё вокруг — и время возвращается на прежнюю отметку, волоча за собой кричащего от боли АЛЬБУСА.

СКОРПИУС: Альбус! Тебе больно? Альбус, ты…

АЛЬБУС: Что случилось?

СКОРПИУС: Наверное, есть какой–то предел — у Маховика времени должен быть какой–то *временной* предел…

АЛЬБУС: Думаешь, у нас получилось? Думаешь, мы всё изменили?

Внезапно на сцену выбегают со всех сторон ГАРРИ, РОН (с боковым пробором в волосах и в гораздо более консервативной, чем обычно, одежде), ДЖИННИ и ДРАКО. СКОРПИУС смотрит на них и незаметно прячет Маховик времени в карман. АЛЬБУС безучастно разглядывает окружающих — боль терзает его немилосердно.

РОН: А я говорил тебе! Я говорил, что видел их!

СКОРПИУС: По–моему, как раз сейчас это и выяснится.

АЛЬБУС: Привет, пап. Что–то случилось?

ГАРРИ неверяще глядит на сына.

ГАРРИ: Да. Можно сказать и так.

АЛЬБУС в изнеможении валится на пол. ГАРРИ и ДЖИННИ бросаются к нему.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ВОСЬМАЯ

ХОГВАРТС, БОЛЬНИЧНОЕ КРЫЛО

АЛЬБУС спит на больничной койке, встревоженный ГАРРИ сидит рядом с ним. Над ними — портрет человека с добрым озабоченным лицом. ГАРРИ трёт глаза, встаёт и начинает ходить по палате, потягиваясь, чтобы размять спину.

В какой–то момент он встречается глазами с изображением на картине; человек на портрете замечает, что его обнаружили, и изумляется — как и сам ГАРРИ.

ГАРРИ: Здравствуйте, профессор Дамблдор.

ДАМБЛДОР: Добрый вечер, Гарри.

ГАРРИ: Я скучал по вам. В последнее время, как ни забегу к директрисе, ваша рама пуста.

ДАМБЛДОР: А, ну, я люблю время от времени заскакивать в другие свои портреты… *(Смотрит на АЛЬБУСА.)* С ним всё будет в порядке?

ГАРРИ: Он был без сознания двадцать четыре часа. В целом он в порядке, так что мадам Помфри

смогла выправить ему руку. Она сказала, что это очень странный случай: похоже на то, что рука была сломана лет двадцать назад и зафиксирована в самом невероятном положении. Говорит, всё у него наладится.

ДАМБЛДОР: Представляю, как нелегко видеть, как твоему ребёнку больно…

ГАРРИ смотрит вверх на ДАМБЛДОРА, затем переводит взгляд вниз на АЛЬБУСА.

ГАРРИ: Никогда вас не спрашивал, как вы отнеслись к тому, что я назвал его в вашу честь…

ДАМБЛДОР: Я тебе честно скажу, Гарри: ты тем самым на бедного мальчика возложил просто непосильную тяжесть.

ГАРРИ: Мне нужна ваша помощь. Мне нужен ваш совет. Бэйн говорит, что Альбус в опасности. Как мне защитить сына, Дамблдор?

ДАМБЛДОР: Это ты *меня* спрашиваешь, как защитить мальчика, жизнь которого находится под страшной угрозой? Мы не можем уберечь молодое поколение от разных бед. Им не избежать боли, и они должны научиться её терпеть.

ГАРРИ: То есть я должен стоять и смотреть?

ДАМБЛДОР: Нет. Ты должен научить его принимать жизнь такой, как она есть.

ГАРРИ: Как мне это сделать? Он не будет меня

слушать!

ДАМБЛДОР: Может, он просто ждет, когда ты его лучше узнаешь.

ГАРРИ хмурится, пытаясь переварить услышанное.

(э*моционально)* Это одновременно и проклятие, и благо — слышать… много чего. И в школе, и в Министерстве я слышу, как люди говорят друг с другом…

ГАРРИ: А что за сплетня обо мне и сыне?

ДАМБЛДОР: Это не сплетня; скорее, обеспокоенность. Насчет того, что вы с ним грызётесь. Насчет того, что он — непростой ребёнок. Насчет того, что он на тебя злится. У меня сложилось впечатление, что ты, вполне возможно, ослеплён своей любовью к нему.

ГАРРИ: Ослеплён?

ДАМБЛДОР: Ты должен принимать его таким, как он есть, Гарри. Ты должен учиться определять то, что может его задеть.

ГАРРИ: Разве я не принимаю его таким, как он есть? И что же может задеть моего сына? *(Размышляет.)* Или *кто* может?..

АЛЬБУС *(бормочет во сне)*: Папа…

ГАРРИ: Чёрное облако — это кто–то, ведь так? Не что–то?

ДАМБЛДОР: Ну что ты, в самом деле… Разве моё мнение теперь может что–то значить? Я — рисунок и воспоминание, Гарри, рисунок и воспоминание — и больше ничего. И у меня никогда не было сына.

ГАРРИ: Но мне нужен ваш совет!

АЛЬБУС: Папа?

ГАРРИ переводит взгляд с ДАМБЛДОРА на АЛЬБУСА, затем обратно на ДАМБЛДОРА. Но ДАМБЛДОРА уже нет на прежнем месте.

ГАРРИ: Ну зачем?! Куда же вы?..

АЛЬБУС: Мы… в больничном крыле?

ГАРРИ переключает внимание обратно на АЛЬБУСА.

ГАРРИ *(смущённо)*: Ага. Ты… с тобой всё будет хорошо. Мадам Помфри не была уверена, что именно тебе прописать для поправки, и в конце концов сказала, чтобы ты ел шоколад. Как можно больше. Слушай, как бы ты воспринял, если бы я… Я должен тебе сказать кое–что, но не уверен, что ты нормально к этому отнесёшься.

АЛЬБУС смотрит на отца — что же тот скажет? Решает не торопить.

АЛЬБУС: Ничего, зато я уверен.

ГАРРИ вытаскивает шоколадку и откусывает большой кусок. АЛЬБУС глядит на отца с недо-

умением.

Лучше?

ГАРРИ: Лучше.

Протягивает шоколадку сыну. АЛЬБУС отламывает кусочек. Отец и сын жуют вместе.

Как рука?

АЛЬБУС сгибает руку.

АЛЬБУС: Отлично.

ГАРРИ *(мягко)*: Куда ты подевался, Альбус? Я тебе передать не могу, как мы переживали. Мама вся извелась…

АЛЬБУС поднимает глаза вверх, думая про принцип «меньше скажешь — меньше соврёшь».

АЛЬБУС: Мы решили, что больше не хотим ходить в школу. Думали, что сможем начать всё заново — в мире магглов. Потом поняли, что ошибались. Мы как раз возвращались в Хогвартс, когда вы нас нашли.

ГАРРИ: В мантиях Дурмстранга?

АЛЬБУС: Мантии — это… Ну, мы со Скорпиусом всего не продумали…

ГАРРИ: Но почему?! Почему ты сбежал? Из–за меня? Из–за того, что я сказал?

АЛЬБУС: Не знаю. Хогвартс на самом деле не такое уж и приятное место, если ты для него не подходишь.

ГАРРИ: А Скорпиус… это он подстрекал тебя уйти?

АЛЬБУС: Скорпиус? Нет, конечно!

ГАРРИ смотрит на АЛЬБУСА так, словно пытается разглядеть ауру вокруг него, и напряжённо размышляет.

ГАРРИ: Я хочу, чтобы ты держался подальше от Скорпиуса Малфоя.

АЛЬБУС: Что?! От Скорпиуса?

ГАРРИ: Если уж на то пошло, не знаю, как вы вообще стали друзьями, но сейчас я хочу, чтобы ты…

АЛЬБУС: От моего друга? От моего единственного друга?

ГАРРИ: Он опасен!

АЛЬБУС: Скорпиус? Опасен? Ты его хоть раз видел? Отец, если ты и вправду думаешь, что он — сын Волан–де–Морта…

ГАРРИ: Я не знаю, чей он сын, я просто знаю, что тебе нужно держаться от него подальше! Бэйн сказал мне…

АЛЬБУС: Кто такой Бэйн?

ГАРРИ: Кентавр, большой специалист по Прорицанию. Он сказал, что вокруг тебя — чёрное облако и что…

АЛЬБУС: Чёрное облако?

ГАРРИ: У меня есть все основания считать, что Тёмная магия возрождается. И мне надо уберечь тебя от неё. Уберечь от него. Уберечь от Скорпиуса.

АЛЬБУС какое–то мгновение колеблется, затем его лицо становится жёстче.

АЛЬБУС: А если я не буду? В смысле, держаться от него подальше?

ГАРРИ смотрит на сына, пытаясь быстро придумать ответ.

ГАРРИ: Есть одна карта. Её обычно используют для отслеживания тех, от кого добра не жди. Сейчас мы собираемся её использовать для того, чтобы за тобой присматривать — постоянно присматривать. Профессор МакГонагалл будет следить за каждым твоим движением. Как только вас увидят вместе — она пришлёт сову; как только ты попытаешься покинуть пределы Хогвартса — она пришлёт сову. Надеюсь, что ты будешь ходить на уроки — и ни один из них не будет пересекаться с уроками Скорпиуса, а на переменах ты будешь находиться в общей комнате Гриффиндора.

АЛЬБУС: Ты не сможешь заставить меня перевестись в Гриффиндор! Я слизеринец!

ГАРРИ: Игры кончились, Альбус: ты прекрасно

знаешь, из какого ты колледжа. Если МакГонагалл увидит тебя рядом со Скорпиусом, я наложу на тебя заклятие, которое позволит мне следить за каждым твоим движение, слышать каждое твоё слово! А в моём отделе сейчас начнут разбираться, что же он на самом деле унаследовал от родителей.

АЛЬБУС *(со слезами на глазах)*: Но, отец, ты… ты не можешь… это просто не…

ГАРРИ: Я долгое время думал, что был тебе недостаточно хорошим отцом, потому что ты меня не любил. Только сейчас я понял, что мне не нужно, чтобы ты меня любил: мне нужно, чтобы ты мне подчинялся, потому что я твой отец и я лучше знаю, что для тебя лучше, а что — хуже. Прости, Альбус. Всё должно быть именно так.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

ХОГВАРТС, ЛЕСТНИЦЫ

АЛЬБУС идёт по сцене за ГАРРИ.

АЛЬБУС: А что если я сбегу? А я сбегу.

ГАРРИ: Альбус, возвращайся в кровать.

АЛЬБУС: Я опять сбегу!

ГАРРИ: Нет. Не сбежишь.

АЛЬБУС: Обязательно. И на этот раз я позабочусь о том, чтобы Рон не смог нас отыскать.

РОН: Кто–то меня упомянул?

РОН ступает на лестничный марш. Теперь у него боковой пробор выглядит чрезвычайно агрессивно, его мантия чуть коротковата, а одежда впечатляет своим консервативным стилем.

АЛЬБУС: Дядя Рон! Слава Дамблдору! Если нам когда и нужны были твои приколы, то именно сейчас.

Обескураженный РОН недовольно хмурится.

РОН: Приколы? Не знаю никаких приколов.

АЛЬБУС: Да знаешь, конечно же. У тебя целый магазин приколов.

РОН *(смущённый донельзя)*: Магазин приколов? Ну… В любом случае я рад, что тебя здесь застал. Я собирался принести каких–нибудь гостинцев — ну, там, типа, чтоб выздоравливал, но, э-э… Падма всё–таки решила — она в таких вещах понимает намного больше, чем я, так она решила, что для тебя будет лучше получить что–нибудь полезное для школы. Поэтому мы принесли тебе… э-э… набор перьев. Да. Да! Именно так! Ты только посмотри на этого гадкого недовольного мальчишку — это же первосортный товар!

АЛЬБУС: Кто такая Падма?

ГАРРИ смотрит на АЛЬБУСА, недовольно сдвинув брови.

ГАРРИ: Твоя тетя.

АЛЬБУС: У меня есть тетя Падма?

РОН *(обращаясь к ГАРРИ)*: На него Конфундус наложили, что ли? *(обращаясь к АЛЬБУСУ)* Моя жена, Падма. Ты же наверняка помнишь. Когда разговаривает с тобой, становится чуть ближе, чем полагается, от неё немного пахнет мятой. *(Слегка наклоняется вперёд.)* Падма, мать Панджу! *(обращаясь к ГАРРИ)* Собственно, именно из–за него я и пришёл, из–за Панджу. У него опять проблемы. Я хотел просто послать Вопилку, но Падма настояла, чтобы я пришёл лично. Не знаю, зачем. Он надо мной только смеётся.

АЛЬБУС: Но… но ты женат на Гермионе!

АЛЬБУС в замешательстве. РОН ничего не понимает.

РОН: Гермиона… Ну нет. Не–е–е-ет…. Клянусь бородой Мерлина…

ГАРРИ: Альбус также забыл, что его распределили в Гриффиндор. Очень удобная забывчивость.

РОН: Ну да, старина, извини, но ты — гриффиндорец.

АЛЬБУС: Но как же меня распределили в Гриффиндор?

РОН: Так ты же убедил Сортировочную Шляпу, неужели не помнишь? Панджу поспорил с тобой, что ты не сможешь попасть в Гриффиндор, даже

если это будет вопрос жизни и смерти, поэтому ты и выбрал Гриффиндор, чтобы ему досадить. Я тебя не виню, *(с иронией)* каждый из нас любит при удобном случае стереть с чьего–нибудь лица ухмылку, правда? *(в ужасе)* Только прошу тебя, не говори Падме, что я всё это рассказал!

АЛЬБУС: Кто такой Панджу?

РОН и ГАРРИ таращатся на АЛЬБУСА.

РОН: Охренеть, ты и правда не в себе… В любом случае, я лучше уйду, пока мне самому Вопилку не прислали.

Бредёт прочь, ничем не напоминая себя прежнего.

АЛЬБУС: Но это… это бред какой–то…

ГАРРИ: Альбус, что бы ты тут ни выдумывал, считай, что это не сработало. Я не изменю своего мнения.

АЛЬБУС: Папа, выбирай из двух вариантов: или ты меня…

ГАРРИ: Нет, Альбус, это ты выбирай из двух вариантов: или ты делаешь то, что я тебе сказал, или проблем у тебя будет намного, намного больше — тебе ясно?

СКОРПИУС: Альбус? С тобой всё в порядке! Это просто супер!

ГАРРИ: Он полностью вылечился. И нам надо

идти.

АЛЬБУС смотрит на СКОРПИУСА — и его сердце обливается кровью, но он продолжает идти, не говоря ни единого слова.

СКОРПИУС: Ты на меня злишься, что ли? Что происходит?

АЛЬБУС останавливается и поворачивается к СКОРПИУСУ.

АЛЬБУС: Ну что, сработало? Хоть как–нибудь?

СКОРПИУС: Нет… Но, Альбус…

ГАРРИ: Альбус! Что бы ни означала эта чушь, которую ты сейчас несёшь, — сейчас же прекрати! Это последнее предупреждение.

АЛЬБУС разрывается между отцом и другом.

АЛЬБУС: Не могу, понимаешь?..

СКОРПИУС: Что именно не можешь?

АЛЬБУС: Просто… нам лучше некоторое время не пересекаться, ладно?

Убитый горем СКОРПИУС стоит и смотрит в спину уходящему АЛЬБУСУ.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

ХОГВАРТС, КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

У ПРОФЕССОРА МАКГОНАГАЛЛ глубоко несчастный вид, у ГАРРИ весьма целеустремлённый вид, ДЖИННИ не может решить, какой вид ей следует принять.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Не уверена, что Карта Мародёров задумывалась для подобного.

ГАРРИ: Если вы увидите их вместе — как можно быстрее доберитесь до них и заставьте их разойтись.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Гарри, ты уверен, что это правильное решение? Вообще я далека от того, чтобы сомневаться в мудрости кентавров, но Бэйн чрезвычайно раздражительный кентавр и… и с него станется исказить созвездия в своих целях.

ГАРРИ: Я верю Бэйну. Альбус должен держаться подальше от Скорпиуса. Ради него и ради других.

ДЖИННИ: Думаю, Гарри имеет в виду…

ГАРРИ *(категоричным тоном)*: Профессор знает, что я имею в виду.

ДЖИННИ, удивлённая тем, что ГАРРИ позволяет себе так с ней разговаривать, переводит на него взгляд.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Альбуса проверяли величайшие волшебницы и волшебники страны, и никто из них не нашёл и не почувствовал ни проклятия, ни порчи.

ГАРРИ: А Дамблдор… Дамблдор сказал…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Что?

ГАРРИ: Его портрет. Мы беседовали. Он сказал

много толкового…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Дамблдора больше нет, Гарри. И я тебе уже говорила: в портрете нет даже половины личности того, кто на нём изображён.

ГАРРИ: Он сказал, что любовь ослепила меня.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Портрет директора школы представляет собой архив воспоминаний. Предполагается, что он будет служить механизмом обоснования решений, которые мне придётся принимать. Но когда я принимала эту должность, мне посоветовали не ошибаться в выборе портрета–советчика. И тебе могу посоветовать то же самое, с полным основанием.

ГАРРИ: Но он был прав, теперь я тоже это вижу!

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Гарри, ты находился под огромным давлением: Альбус потерялся, ты его искал, ещё и эти опасения насчёт того, что может значить шрам… Но я тебе говорю: ты делаешь ошибку, поверь!

ГАРРИ: Альбус меня и раньше не любил. Не исключено, что и дальше любить не будет. Но зато он будет в безопасности. Со всем огромным к вам уважением, Минерва, — раз у вас нет детей…

ДЖИННИ: Гарри!

ГАРРИ: …то вы этого и не поймёте.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ *(глубоко уязвлённая)*: Надеюсь, тот факт, что я всю жизнь отдала профессии учителя, может что–то означать…

ГАРРИ: Эта карта покажет вам в любое время, где находится мой сын. Надеюсь, вы будете ею пользоваться. А если я услышу, что вы этого не делаете, я обрушу на эту школу всю свою силу, всю мощь Министерства! Понятно?

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ *(в ярости от такого проявления злобы)*: Вполне!

ДЖИННИ смотрит на ГАРРИ, не в силах понять, во что же он превратился. Видно, что раскаиваться ГАРРИ не собирается.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

ХОГВАРТС, КЛАСС ЗАЩИТЫ ОТ ТЁМНЫХ СИЛ

АЛЬБУС входит в класс — чуть неуверенно. Перед классом стоит ГЕРМИОНА.

ГЕРМИОНА: Ага, вот и он — тот, кому удалось сбежать из поезда, этой тюрьмы на колёсах… Наконец–то он с нами.

АЛЬБУС: Гермиона?!

Вид у него потрясённый.

ГЕРМИОНА: Мне казалось, что меня зовут профессор Грейнджер, Поттер!

АЛЬБУС: Что вы здесь делаете?

ГЕРМИОНА: Учу вас. Видимо, за грехи свои тяжкие. Надеюсь, если я задам тот же вопрос, вы ответите, что учитесь?

АЛЬБУС: Но вы… вы же… Министр магии!

ГЕРМИОНА: У вас что — опять эти видения, Поттер? Ладно, оставим это. Итак, сегодня мы рассмотрим заклинание Патронус…

АЛЬБУС *(изумлённо)*: Вы — наш учитель Защиты от тёмных сил?!

Раздаются смешки.

ГЕРМИОНА: Не заставляйте меня терять терпение! Десять баллов с Гриффиндора за тупость!

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН *(вскакивая, с вызовом)*: Нет! Не надо! Он это специально делает! Он ненавидит Гриффиндор, это все знают!

ГЕРМИОНА: Сядьте, Полли Чепмэн, не то ещё больше пожалеете! *(ПОЛЛИ вздыхает и садится.)* Предлагаю вам последовать её примеру, Альбус. И хватит этого цирка!

АЛЬБУС: Но вы же не можете быть настолько въедливой!

ГЕРМИОНА: И ещё двадцать баллов с Гриффиндора, чтобы убедить Альбуса Поттера, что я именно настолько въедливая.

ЯН ФРЕДЕРИКС: Альбус, если ты прямо сейчас не сядешь…

АЛЬБУС садится.

АЛЬБУС: Можно я просто спрошу?..

ГЕРМИОНА: Нет, нельзя. Лучше просто сохраняйте молчание, Поттер, в противном случае вы утратите даже ту скромную популярность, которая у вас имеется. А теперь кто сможет нам сказать, что собой представляет Патронус? Никто? Никто. Вы и в самом деле кучка самых отъявленных неудачников.

На губах ГЕРМИОНЫ напускная улыбка. Она на самом деле настолько въедливая.

АЛЬБУС: Да ну не может быть! Дикость какая–то… А где Роза? Она уж точно скажет, что вы ведёте себя нелепо.

ГЕРМИОНА: Кто это — Роза? Ваша невидимая подружка?

АЛЬБУС: Роза Грейнджер — Уизли! Ваша дочь! *(Вдруг до него доходит.)* Ну конечно же — из–за того, что вы с Роном не поженились, Роза не…

Слышится хихиканье.

ГЕРМИОНА: Как вы смеете! Пятьдесят баллов с Гриффиндора! И я вам обещаю, что если кто–нибудь ещё раз меня прервёт, я сниму уже сто баллов!..

Обводит взглядом комнату. Все боятся даже пошевелиться.

Вот и хорошо. Патронус — это магическое заклинание, обеспечивающее защиту всех ваших самых позитивных ощущений. Оно принимает форму животного, с которым у вас наиболее глубокое сродство. Это дар света. Если у вас получится вызвать Патронуса, то вы сможете защитить себя от чего бы то ни было. И похоже на то, что в некоторых наших случаях такая необходимость возникнет скорее рано, чем поздно…

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ
ХОГВАРТС, ЛЕСТНИЦЫ

АЛЬБУС поднимается по ступенькам лестничного марша. Добравшись до верха, оглядывается. Ничего подозрительного не замечает. Уходит. Лестничный марш движется с грацией танцора.

За ним появляется СКОРПИУС. Думает, что видел АЛЬБУСА, затем понимает, что это не так. Лестничный марш делает вращательное движение и сбрасывает его на пол.

Входит МАДАМ ХУЧ и поднимается по ступенькам лестничного марша. Добравшись до верха, показывает СКОРПИУСУ жестом — мол, поднимайся. Тот поднимается — и тут же убегает; все осознают его жалкую неприкаянность.

Входит АЛЬБУС и поднимается по ступенькам одного лестничного марша.

Входит СКОРПИУС и поднимается по ступенькам другого лестничного марша.

Лестничные марши соприкасаются. Мальчики глядят друг на друга.

Обречённо и с надеждой — одновременно.

И тут АЛЬБУС отводит взгляд; момент утрачен, а с ним, возможно, и дружба.

Лестничные марши расходятся. Мальчики смотрят друг на друга: один исполнен вины, другой — боли, и оба — несчастья.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ
ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ, КУХНЯ

ДЖИННИ и ГАРРИ настороженно глядят друг на друга. Выяснения отношений не избежать, и оба это знают.

ГАРРИ: Это было правильное решение.

ДЖИННИ: Ты уже почти убедил себя в этом.

ГАРРИ: Ты говорила, чтобы я был честен с ним, но на самом деле мне нужно было быть честным с собой, верить тому, что мне говорило сердце.

ДЖИННИ: Гарри, у тебя одно из лучших сердец, которые когда–либо бились в груди волшебника, и я не верю, что твоё сердце приказало тебе это сделать!

Слышится стук в дверь.

Тебя спасло только то, что кто–то пришёл.

Уходит.

Через несколько мгновений входит ДРАКО; он полон гнева, но хорошо его скрывает.

ДРАКО: Я ненадолго. Буквально на пару слов.

ГАРРИ: Чем могу помочь?

ДРАКО: Я здесь не для того, чтобы заниматься разборками. Мой сын плачет. Я — его отец. И я пришёл спросить, зачем ты хочешь разлучить двух хороших друзей.

ГАРРИ: Я их не разлучаю.

ДРАКО: Ты изменил расписания занятий, ты угрожал обоим учителям и самому Альбусу. Зачем?

ГАРРИ пристально смотрит на ДРАКО и затем отворачивается.

ГАРРИ: Я должен защитить своего сына.

ДРАКО: От Скорпиуса?

ГАРРИ: Бэйн сказал мне, что он ощутил тьму вокруг моего сына. Поблизости от моего сына.

ДРАКО: Ты на что намекаешь, Поттер?

ГАРРИ поворачивается и смотрит прямо в глаза ДРАКО.

ГАРРИ: Ты уверен… ты правда уверен, что он от тебя, Драко?

Гробовая тишина.

ДРАКО: Возьми свои слова обратно. Сейчас же.

ГАРРИ отрицательно качает головой.

ДРАКО достаёт свою волшебную палочку.

ГАРРИ: Тебе же не хочется этого делать.

ДРАКО: Ещё как хочется.

ГАРРИ: Я не хочу причинять тебе вред, Драко.

ДРАКО: Как интересно… А я вот хочу.

Оба становятся в боевую стойку и вскидывают палочки.

ДРАКО и ГАРРИ: Разоружармус!

Палочки отражают заклинание и отбрасывают своих владельцев друг от друга.

ДРАКО: Инкарцерус!

ГАРРИ уворачивается от струи света, вылетающей из палочки ДРАКО.

ГАРРИ: Таранталлегра!

ДРАКО бросается в сторону.

А ты, оказывается, практиковался, Драко!

ДРАКО: Зато ты сачковал, Поттер. Дантистум!

ГАРРИ в последнюю секунду уклоняется.

ГАРРИ: Риктусемпра!

ДРАКО защищается от вспышки стулом.

ДРАКО: Флипендо!

ГАРРИ отлетает назад, вертясь волчком. ДРАКО смеётся.

Тебе нужно следить за собой, старик!

ГАРРИ: Мы ровесники, Драко…

ДРАКО: Я лучше сохранился.

ГАРРИ: Скованто!

ДРАКО оказывается крепко связанным.

ДРАКО: Это всё, на что ты способен? Эмансипаре!

ДРАКО высвобождается из пут.

Левикорпус!

ГАРРИ рывком уходит в сторону.

Мобиликорпус! Эх, веселится и ликует весь народ…

ДРАКО заставляет ГАРРИ скакать вверх и вниз на столе. ГАРРИ откатывается назад, ДРАКО вспрыгивает на стол, вскидывает палочку, но в этот момент заклинание ГАРРИ попадает в него.

ГАРРИ: Обскуро!

ДРАКО почти сразу же освобождается от повязки на глазах.

Оба опять становятся в стойку. ГАРРИ швыряет в противника стул. ДРАКО приседает и останавливает стул в полёте, взмахнув палочкой.

ДЖИННИ: И это я только на три минуты вышла с кухни!..

Смотрит на бедлам, в который превратилась кухня. Смотрит на зависшие в воздухе стулья и

машет палочкой, спуская их на пол.

(с иронией, брызжущей через край) Ну, и что я пропустила?

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ХОГВАРТС, ЛЕСТНИЦЫ

СКОРПИУС с грустным видом спускается по ступенькам.

С другой стороны вбегает ДЕЛФИ.

ДЕЛФИ: Вообще–то меня здесь быть не должно — по крайней мере, теоретически…

СКОРПИУС: Делфи?

ДЕЛФИ: Теоретически я ставлю под удар всю нашу операцию, что не может не огорчать. Вы же знаете, я не рисковый человек от природы. Я никогда не была в Хогвартсе. Тут с безопасностью дела обстоят из рук вон плохо. И ещё тут слишком много портретов. И коридоров. И ещё привидений! Одно почти безголовое привидение странного вида сказало мне, где тебя найти; ты можешь в такое поверить?

СКОРПИУС: Ты никогда не была в Хогвартсе?!

ДЕЛФИ: Ну, я была… я была слишком болезненным ребёнком. Годами болела. Другие учились — я не могла.

СКОРПИУС: Слишком болезненным? Прости, не знал.

ДЕЛФИ: Да я это и не афиширую. Не хочу, чтобы на меня смотрели как на жертву трагических обстоятельств, усёк?

Последнее явно сказано специально для СКОРПИУСА. Он смотрит на неё, собираясь что–то сказать, но ДЕЛФИ внезапно исчезает из поля зрения — мимо проходит какой–то ученик. Пока ученик проходит мимо, СКОРПИУС пытается выглядеть непринуждённо.

Как там, ушёл?

СКОРПИУС: Я считаю, что тебе тут находиться слишком опасно.

ДЕЛФИ: Ну… Кто–то же должен со всем этим разобраться.

СКОРПИУС: Делфи, ни один из возвратов во времени не сработал. У нас ничего не получилось.

ДЕЛФИ: Знаю. Мне Альбус присылал сову. Учебники по истории изменились, но недостаточно: Седрик мёртв, как и прежде. На самом деле проигрыш в первом задании лишь заставил его сосредоточиться и выиграть второе.

СКОРПИУС: А у Рона и Гермионы совсем поехала крыша — и я до сих пор не выяснил, почему так произошло.

ДЕЛФИ: И поэтому Седрик подождёт. Всё очень сильно запуталось, и ты совершенно прав, Скор-

пиус, что продолжаешь хранить у себя Маховик времени. Но я прежде всего имела в виду, что кто–то должен помочь вам обоим разобраться друг с другом.

СКОРПИУС: Вот как?

ДЕЛФИ: Вы — лучшие друзья. В каждом письме с совой между строчек читаешь, как ему плохо без тебя. Его это просто убивает.

СКОРПИУС: Похоже, он нашёл себе жилетку в которую может поплакаться. Сколько сов он тебе уже прислал?

ДЕЛФИ мягко улыбается.

Прости. Это… я не имел в виду, что… я просто не пойму, что происходит. Я пытался увидеться с ним, поговорить, но он каждый раз сбегал.

ДЕЛФИ: Знаешь, в твоём возрасте я никого не могла назвать близким другом. А как хотелось… Просто отчаянно. Когда я была младше, чем ты сейчас, даже придумала себе подругу, но…

СКОРПИУС: У меня тоже был такой друг. Его звали Снежок. Мы даже ссорились, когда спорили насчёт правил игры в Гоблинские камни.

ДЕЛФИ: Скорпиус, ты нужен Альбусу. И это прекрасно.

СКОРПИУС: Я ему нужен? Для чего?

ДЕЛФИ: В этом всё и дело, да? Я насчёт дружбы.

Ты не знаешь, что именно ему нужно. Ты только знаешь, что ему что–то нужно, и этого достаточно. Найди его, Скорпиус. Вы оба созданы друг для друга.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ
ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ, КУХНЯ

ГАРРИ и ДРАКО сидят далеко друг от друга. ДЖИННИ стоит между ними.

ДРАКО: Прости за кухню, Джинни.

ДЖИННИ: Ну, это, считай, не моя кухня. В основном готовит Гарри.

ДРАКО: У меня не получается с ним побеседовать. Со Скорпиусом. Особенно с тех пор как Астория… с тех пор как Астория нас покинула. Мне больно даже говорить о том, как он воспринял эту потерю. Я очень стараюсь, но никак не могу до него достучаться. Вы не можете найти общий язык с Альбусом, я — со Скорпиусом. Вот о чем речь. А не о том, что мой сын — воплощение зла. Как бы ты ни верил на слово гонористому кентавру, тебе известна настоящая сила дружбы.

ГАРРИ: Драко, что бы ты там ни думал…

ДРАКО: Знаешь, я всегда тебе завидовал — у тебя были Уизли и Грейнджер. А у меня…

ДЖИННИ: Крабб и Гойл.

ДРАКО: Два болвана, не знавших, с какой сторо-

ны браться за метлу. Вы трое были настоящими звёздами — ты об этом знал? Вы любили друг друга. Вам было весело втроём. Я завидовал вашей дружбе больше, чем чему либо ещё в своей жизни.

ДЖИННИ: Я тоже им завидовала.

ГАРРИ удивлённо смотрит на ДЖИННИ.

ГАРРИ: Я должен защитить его…

ДРАКО: Мой отец тоже думал, что защищает меня. Бóльшую часть времени. Я считаю, что каждый из нас в определённый момент предстаёт перед необходимостью сделать выбор — каким человеком он хочет быть. И в этот момент нужно, чтобы рядом был кто–нибудь из родителей или друзей. Если к тому времени научишься ненавидеть родителей и не заведёшь себе друзей — так и останешься один на целом свете. А быть одиночкой невероятно тяжело. Вот я был одиночкой. И это завело меня во тьму. Надолго. Том Риддл тоже был одиноким ребёнком. Может, ты, Гарри, этого и не сможешь осознать, но я очень даже могу. По–моему, и Джинни тоже.

ДЖИННИ: Он прав.

ДРАКО: Том Риддл не явился из собственного мрачного ниоткуда. Именно так Том Риддл стал Лордом Волан–де–Мортом. Не исключено, что

чёрное облако, которое видел Бэйн, было одиночеством Альбуса. Его болью. Его ненавистью. Постарайся не потерять мальчика. Иначе пожалеешь. И он тоже. Потому что ему нужен ты — и ему нужен Скорпиус, независимо от того, знает он это или нет.

ГАРРИ смотрит на ДРАКО и размышляет. Открывает рот, чтобы ответить, но опять задумывается.

ДЖИННИ: Гарри, за летучим порохом ты идёшь или я?

ГАРРИ смотрит на жену.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ХОГВАРТС, БИБЛИОТЕКА

СКОРПИУС появляется в библиотеке, осматривается — и видит АЛЬБУСА. АЛЬБУС тоже его замечает.

СКОРПИУС: Привет!

АЛЬБУС: Скорпиус, я не могу…

СКОРПИУС: Знаю. Теперь ты в Гриффиндоре и всё такое. Теперь ты не хочешь меня видеть. Но я всё равно пришёл. Поговорить с тобой.

АЛЬБУС: Да не могу я говорить…

СКОРПИУС: А придётся. Думаешь, ты можешь игнорировать всё, что происходит? Разве ты не заметил, что мир сошёл с ума?

АЛЬБУС: Заметил… Рон сам на себя не похож, Гермиона — профессор, всё как–то неправильно, но…

СКОРПИУС: И Роза перестала существовать.

АЛЬБУС: Знаю. Слушай, я не понимаю, что творится, но тебе нельзя здесь находиться.

СКОРПИУС: Из–за того, что мы натворили, Роза даже не родилась. Помнишь, нам рассказывали о Рождественском бале на Турнире Трех Волшебников? Все четверо из Трех Волшебников выбрали себе по партнёру или партнёрше. Твой отец пригласил Парвати Патил, Виктор Крам…

АЛЬБУС: …Гермиону. А Рон приревновал и вёл себя, как придурок.

СКОРПИУС: А сейчас всё не так. Я нашёл книгу Риты Скитер о них. И там рассказывается совсем другое. Рон пригласил на бал Гермиону, та согласилась…

АЛЬБУС: Чего?!

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Тс–с–с-с-с!

СКОРПИУС бросает взгляд в сторону ПОЛЛИ и начинает говорить тише.

СКОРПИУС: Как друг пригласил. И они танцевали чисто по–дружески, и это было мило, а потом он танцевал с Падмой Патил, и это было ещё милее, и они начали встречаться, и он немного

изменился, а потом они поженились, а Гермиона со временем стала…

АЛЬБУС: …психопаткой.

СКОРПИУС: Гермиона должна была пойти на бал с Крамом. А знаешь, почему не пошла? Потому что думала, что два странных юноши из Дурмстранга, которых она встретила перед началом первого задания, были как–то причастны к исчезновению палочки Седрика. Она считала, что именно мы лишили Седрика первого места и что именно Виктор приказал нам это сделать…

АЛЬБУС: Ёлки–палки…

СКОРПИУС: Без Крама в соперниках Рон лишился повода ревновать — а ведь именно в ревности было всё дело, так что Рон и Гермиона остались очень хорошими друзьями, но так и не влюбились друг в друга, так и не поженились — *и Роза так никогда и не родилась*.

АЛЬБУС: Так вот почему папа так… Он ведь тоже изменился?

СКОРПИУС: Я более чем уверен, что твой отец всё тот же, что и прежде. Начальник Отдела исполнения магических законов. Женат на Джинни. Трое детей.

АЛЬБУС: Но почему он тогда такой?..

В

глубине
сцены видна входящая БИБЛИОТЕКАРША.

СКОРПИУС: Ты вообще слушаешь меня, Альбус? Суть проблемы намного серьёзнее, чем твои взаимоотношения с отцом. Закон профессора Прорицата: путешественник во времени может перенестись назад только на пять часов без риска причинить серьёзный вред себе или самому́ времени. А мы перенеслись сразу на много лет. Самый короткий миг, самое крохотное изменение — и по времени уже идут круги, как по поверхности воды. А мы… а от нас уже целые волны идут! Роза не родилась из–за того, что мы натворили! Роза…

БИБЛИОТЕКАРША: Тс–с–с-с-с!

АЛЬБУС лихорадочно размышляет.

АЛЬБУС: Ну так давай вернёмся и всё исправим! Вернём Седрика и Розу!

СКОРПИУС: …и это неправильный ответ!

АЛЬБУС: Маховик времени до сих пор у тебя, так же? Его не нашли?

СКОРПИУС достаёт Маховик времени из кармана.

СКОРПИУС: Да, но…

АЛЬБУС выхватывает Маховик времени из руки СКОРПИУСА.

Стой! Альбус, не надо! Как ты не можешь понять — ведь столько всего ужасного может произойти!

СКОРПИУС пытается схватить Маховик времени, АЛЬБУС отталкивает его, некоторое время они неумело борются.

АЛЬБУС: Надо всё исправить, Скорпиус… Надо спасти Седрика… Надо вернуть Розу… Нам надо быть внимательнее… Что бы там ни говорил Прорицат — просто поверь мне, поверь в нас; на этот раз мы всё сделаем как надо!

СКОРПИУС: Нет! Мы ничего не будем делать! Отдай мне его, Альбус! Отдай!

АЛЬБУС: Не могу — это слишком важно!

СКОРПИУС: Разумеется, слишком важно — для нас с тобой! Мы во всём этом не соображаем! Мы опять напортачим!

АЛЬБУС: Кто сказал, что напортачим?

СКОРПИУС: *Я* сказал! Потому что *именно это мы и делаем*! Наломать дров — это мы запросто. Мы только и делаем, что проигрываем. Мы — лузеры, полные законченные лузеры. Ты разве этого ещё не понял?

АЛЬБУС наконец берёт верх и припечатывает СКОРПИУСА к земле.

АЛЬБУС: О да, я не был лузером, пока не встре-

тил тебя!

СКОРПИУС: Альбус, что бы ты ни хотел доказать отцу — это не метод.

АЛЬБУС: Мне нечего доказывать отцу! Мне надо спасти Седрика, чтобы спасти Розу. И, может быть, без такой обузы, как ты, я наконец добьюсь успеха.

СКОРПИУС: Без меня? Ах, бедненький Альбус Поттер, он такой обидчивый… Бедняжка Альбус Поттер… Это так печально…

АЛЬБУС: Что ты несёшь?

СКОРПИУС *(взрывается)*: Да ты попробуй пожи-ви моéй жизнью! На тебя люди пялятся, потому что твой отец — знаменитый Гарри Поттер, мес-сия волшебного мира! А на меня люди пялятся, потому что думают, что мой отец — Волан–де–Морт. Волан–де–Морт!

АЛЬБУС: Даже не…

СКОРПИУС: Ты хоть чуточку можешь пред-ставить, как мне живётся? Хоть раз пробовал задуматься? Разумеется, нет. Потому что ты не видишь дальше своего носа. Потому что ты зацик-лился на своих дурацких разборках с отцом. Он всегда будет Гарри Поттером, ты хоть осознаёшь это? А ты всегда будешь его сыном. Я знаю, что это ох как нелегко, и другие ребята будут вести себя

по–свински, но ты должен научиться мириться с этим, потому что… потому что есть намного худшие вещи!

Пауза.

Был момент, когда я от радости места себе не находил — это когда обнаружил, что мы уже в другом времени, и можно надеяться, что здесь мама не заболела и не умерла… Увы — и заболела, и умерла. Я — по прежнему сын Волан–де–Морта, наполовину сирота, которому нравится дружить с тем, кто умеет только брать и ничего не давать взамен. Так что извини, если я тебе жизнь искалечил. Я тебя предупреждал — мою́ жизнь тебе искалечить не удастся, она и так уже изуродована дальше некуда. Ты всего лишь не делаешь её лучше. Потому что ты просто ужасный друг. Самый ужасный из друзей.

АЛЬБУС пытается всё это переварить. Только теперь он понимает, как вёл себя со своим другом.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ *(где–то неподалёку)*: Альбус! Альбус Поттер… Скорпиус Малфой… Вы здесь за дверью, вместе? У меня распоряжение не разрешать вам встречаться!

АЛЬБУС бросает взгляд на СКОРПИУСА и вытаскивает из сумки плащ.

АЛЬБУС: Быстрее, нам надо спрятаться!

СКОРПИУС: Что?

АЛЬБУС: Скорпиус, посмотри на меня.

СКОРПИУС: Это плащ–невидимка? Плащ Джеймса?

АЛЬБУС: Если она нас найдёт, то нас опять разлучат. Пожалуйста… Я правда не понимал… Прошу тебя…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ *(за дверью, пытаясь хоть как–то их предупредить)*: Я собираюсь войти!

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ входит в комнату с Картой Мародёров в руках. Мальчики скрываются под плащом. МакГонагалл обводит комнату сердитым взглядом.

Да ну где же они? Мало того что мне эту штуковину навязали, так она теперь со мной шутки шутит…

Задумывается. Переводит взгляд на карту, определяя местонахождение ребят. Ещё раз осматривает комнату и замечает, как отодвигаются предметы, мимо которых пробираются невидимые мальчики. Заметив, куда движутся ребята, она пытается преградить им путь, но АЛЬБУС и СКОРПИУС обходят её с разных сторон.

Если только это… Если только это не… плащ

твоего отца!

Переводит взгляд на карту, затем снова на мальчиков. Улыбается своим мыслям.

Ну что ж, если я вас не видела, то это означает, что я вас не видела!

Уходит. Ребята снимают плащ и некоторое время сидят молча.

АЛЬБУС: Да, я стащил его у Джеймса. У него очень легко что–нибудь красть; комбинация цифр на замке его сундука — это дата, когда ему подарили первую метлу. Оказалось, что с плащом избегать драк намного легче.

СКОРПИУС кивает.

Прости, что так получилось с твоей мамой. Мы с тобой не слишком много о ней говорили — но, думаю, ты и сам знаешь… Прости. Это всё бредятина — то, что болтают о ней… о тебе.

СКОРПИУС: Спасибо…

АЛЬБУС: Отец говорил, что ты и есть то самое тёмное облако вокруг меня. Он начал разное подозревать — и я понял, что лучше будет держаться от тебя на расстоянии, потому что он пообещал…

СКОРПИУС: Твой отец думает, что все эти слухи — правда? Что я — сын Волан–де–Морта?

АЛЬБУС *(кивает)*: В его отделе сейчас это расследуют.

СКОРПИУС: Хорошо. Пускай расследуют. Иногда я и сам задумываюсь — а вдруг это действительно так и есть?

АЛЬБУС: Нет. Это враньё. И я тебе скажу, почему: я считаю, что у Волан–де–Морта не мог родиться такой добрый сын — а ты добрый, Скорпиус. До глубины души, до мозга костей. Я правда верю, что у Волан–де–Морта не могло быть такого сына.

Пауза. СКОРПИУС тронут.

СКОРПИУС: Приятно… приятно слышать.

АЛЬБУС: Я должен был тебе это всё сказать давным–давно. Ты, пожалуй, лучший человек из всех, кого я знаю. И никакая ты для меня не обуза, а совсем даже наоборот. Ты делаешь меня сильнее, и когда отец запретил нам видеться… без тебя…

СКОРПИУС: И у меня по–любому без тебя была не жизнь.

АЛЬБУС: На самом деле я знаю, что всегда останусь сыном Гарри Поттера, я уже уложил эту мысль в свою картину мира, и я понимаю, что по сравнению с твоей моя жизнь — просто блаженство, я реально это понимаю, и что у нас с отцом всё в относительном порядке, и что…

СКОРПИУС *(перебивая его)*: Альбус, если считать

это извинениями, то у тебя получилось слишком приторно, к тому же ты опять начинаешь распинаться скорее *о себе*, чем *обо мне*, так что давай здесь поставим точку.

АЛЬБУС улыбается и протягивает руку.

АЛЬБУС: Друзья?

СКОРПИУС: Навсегда.

СКОРПИУС протягивает ему руку, но АЛЬБУС притягивает СКОРПИУСА к себе и обнимает его.

Ты уже второй раз это делаешь.

Ребята отстраняются друг от друга и улыбаются.

АЛЬБУС: Знаешь, а даже хорошо, что мы поцапались. Меня один из доводов натолкнул на действительно хорошую мысль.

СКОРПИУС: О чём?

АЛЬБУС: Она касается второго задания. И унижения.

СКОРПИУС: Ты по–прежнему о перемещении во времени? Мы говорим об одном и том же?

АЛЬБУС: Ты прав: мы — лузеры. Мы лузеры–гроссмейстеры, поэтому нам сто́ит задействовать весь наш опыт в этой области. Всю нашу лузерскую мощь. Обычно лузеры сами учатся быть лузерами. Есть лишь один способ воспитать лузера в ком–нибудь другом, и мы его знаем лучше,

чем кто бы то ни было: это унижение. Нам надо опозорить его. Этим мы и займёмся во время выполнения второго задания.

СКОРПИУС долго думает — и наконец улыбается.

СКОРПИУС: А и правда хорошая стратегия.

АЛЬБУС: А то.

СКОРПИУС: Я имею в виду, весьма впечатляющая. Опозорить Седрика значит спасти Седрика. Умно. А с Розой как быть?

АЛЬБУС: А вот тут я напоследок приберёг потрясающий сюрприз. Я *могу* всё сделать без тебя — но я *хочу*, чтобы ты в нём поучаствовал. Я хочу, чтобы мы сделали это вместе. Чтобы мы вместе всё привели в порядок. Так что, ты в деле?

СКОРПИУС: Погоди, но разве второе задание будут выполнять… выполняли не на озере? Тебе же запрещено покидать здание школы.

АЛЬБУС улыбается.

АЛЬБУС: А насчёт этого… Нам нужен девчачий туалет на первом этаже.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ
ХОГВАРТС, ЛЕСТНИЦЫ

РОН спускается по ступенькам, погружённый в свои мысли. Он замечает ГЕРМИОНУ — и выражение его лица стремительно меняется.

РОН: Профессор Грейнджер?

ГЕРМИОНА встречается с ним глазами, и её сердце начинает биться чуть чаще (хотя она даже самой себе в этом никогда не смогла бы признаться).

ГЕРМИОНА: Рон? Что ты здесь делаешь?

РОН: У Панджу были кое–какие проблемы в классе Зелий. Выпендривался, конечно, добавил не то что надо не туда куда надо — и теперь у него нет бровей, но зато есть усы, причём довольно–таки пышные. И они ему не идут. Я не хотел приходить, но Падма говорит, что все вопросы, связанные с тем, что растёт на лице у сына, должен решать отец… Ты что–то сделала со своими волосами?

ГЕРМИОНА: Подозреваю, ты заметил, что я их расчесала.

РОН: Хм… Расчёсывание тебе идёт.

ГЕРМИОНА смотрит на РОНА со странноватым выражением лица.

ГЕРМИОНА: Рон, ты чего на меня так уставился? Перестань сейчас же.

РОН *(собираясь с духом)*: Знаешь, недавно Альбус, сын Гарри, сказал мне, что думал, что мы с тобой… женаты. Ха–ха. Ха. Ха. Смешно, я знаю.

ГЕРМИОНА: Ужасно смешно.

РОН: Он даже думал, что у нас с тобой дочь… Странно, не правда ли?

Какое–то время не могут отвести глаз друг от друга. ГЕРМИОНА отворачивается первой.

ГЕРМИОНА: Более чем странно.

РОН: Точно. Мы — друзья, и не более.

ГЕРМИОНА: Именно. Только друзья.

РОН: Только друзья. Прикольное слово — «*друзья*». Хотя не такое уж и прикольное. На самом деле слово как слово. Друзья. Друг. Друг–приколист. Ты моя подруга–приколистка, моя Гермиона… Вернее, не моя Гермиона, ты же понимаешь — не МОЯ Гермиона… НЕ МОЯ… ты ведь понимаешь, но…

ГЕРМИОНА: Понимаю.

Пауза. Оба боятся шевельнуться, чувствуя, что могут любым движением нарушить что–то очень важное. Затем РОН кашляет.

РОН: Ну вот, значит… Мне надо идти. Разбираться с проблемами Панджу. Учить его изящному искусству ухода за усами.

Направляется за кулисы, но в какой–то момент поворачивается и смотрит на ГЕРМИОНУ. Она оглядывается, и он опять спешит прочь, бросая на ходу последнюю реплику:

Эта причёска действительно очень тебе идёт…

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ХОГВАРТС, КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ на сцене одна. Она смотрит на карту и хмурится. Затем она трогает карту палочкой — и улыбается самой себе, очевидно, приняв правильное решение.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Славная вышла шалость!

Слышится дребезжание.

Вся сцена начинает дрожать.

Первой из камина появляется ДЖИННИ, за ней — ГАРРИ.

ДЖИННИ: Извините, профессор, у нас с этим перемещением вечно не как у людей…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: А, это вы, Поттер. Вы вернулись… И, похоже, окончательно угробили мой ковёр.

ГАРРИ: Мне нужно найти сына. Вернее, нам нужно.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Гарри, я всё обдумала и решила, что больше не буду в этом участвовать, ни секунды. Чем бы ты мне ни угрожал, я…

ГАРРИ: Минерва, я пришёл с миром, не с войной. Мне не стоило так с вами разговаривать.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Я не думаю, что

имею право вмешиваться в чью–то дружбу, и считаю…

ГАРРИ: Я должен извиниться перед вами и перед Альбусом — вы дадите мне эту возможность?

Слышится грохот, и за его спиной в облаке сажи появляется ДРАКО.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Драко?

ДРАКО: Ему надо увидеться со своим сыном, мне — с моим.

ГАРРИ: Как я и говорил — с миром, не с войной.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ испытующе вглядывается в его лицо и видит то, что хочет увидеть: искренность. Вынимает карту из кармана и разворачивает её.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Ну, если мир, то определённо можно и поучаствовать…

Дотрагивается до карты палочкой.

(со вздохом) Торжественно клянусь, что замышляю шалость, и только шалость.

Карта начинает светиться, точки на ней движутся.

Ага, они вместе.

ДРАКО: В туалете для девочек на первом этаже… Какого чёрта им там понадобилось?!

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ХОГВАРТС, ТУАЛЕТ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

СКОРПИУС и АЛЬБУС заходят в туалет. Посреди туалета стоит большая ванна викторианской эпохи.

СКОРПИУС: Давай ещё раз уточним: по плану у нас Заклинание распухания…

АЛЬБУС: Ага. Достань вон то мыло, пожалуйста…

СКОРПИУС вылавливает из ванной мыло.

Раздуватио!

Через комнату летит струя света. Мыло увеличивается в объёме раза в четыре.

СКОРПИУС: Превосходно. Считай, что я устроил тебе бурную раздувацию.

АЛЬБУС: Второе задание устроили на озере. Им надо было вернуть то, что у них похитили, а похитили у них…

СКОРПИУС: …тех, кого они любили больше всего.

АЛЬБУС: Чтобы переплыть озеро, Седрик использовал заклинание Пузырь — Головы. Всё, что нам надо сделать, это проследить за ним и использовать Заклинание распухания, чтобы его раздуло. Маховик времени нам много времени не даст, поэтому надо действовать быстро. Подобраться к нему, засандалить в голову Раздуватио

и следить, как он всплывает на поверхность — прощай, задание, прощай, турнир!

СКОРПИУС: Но ты до сих пор не сказал, как мы попадём в озеро!

Из крана ванной внезапно бьёт струя воды; затем она слабеет, и мы видим мокрую, как мышь, ПЛАКСУ МИРТЛ.

ПЛАКСА МИРТЛ: Ффууууух… Так–то лучше. Никогда мне эта фигня не нравилась. Но в моём возрасте и на том спасибо…

СКОРПИУС: Ну конечно же! Ты гений — разумеется, Плакса Миртл!

ПЛАКСА
МИРТЛ набрасывается на СКОРПИУСА.

ПЛАКСА МИРТЛ: Как ты меня назвал? Я что — реву, что ли? В три ручья, да? НЕ СЛЫШУ! ОТВЕЧАЙ СЕЙЧАС ЖЕ?

СКОРПИУС: Да нет, я совсем не то имел в виду…

ПЛАКСА МИРТЛ: Так как меня зовут?

СКОРПИУС: Миртл!

ПЛАКСА МИРТЛ: Точно. Миртл. Миртл Элизабет Уоррен. Очень красивое имя. Именно так меня и зовут. И ничего плаксивого.

СКОРПИУС: Ну…

ПЛАКСА МИРТЛ *(хихикает)*: Да уж, много воды утекло… Мальчишки! В моём туалете! В моём

девчачьем туалете! Вообще–то это непорядок. Но с другой стороны Поттеры всегда были моей слабостью. Да и к Малфою я неровно дышала… Ну, какая помощь вам нужна?

АЛЬБУС: Миртл, я знаю — ты была там, в озере. Я читал о тебе. Должен быть какой–то путь наружу через эти трубы…

ПЛАКСА МИРТЛ: Да я везде была. Что конкретно ты имеешь в виду?

АЛЬБУС: Второе задание. Озёрное. Во время Турнира Трех Волшебников. Двадцать пять лет назад. Гарри и Седрик.

ПЛАКСА МИРТЛ: Такая жалость, что красавчик погиб… Не то чтобы твой папаша несимпатичный, но Седрик Диггори — ты не поверишь, сколько я выслушала приворотных заклинаний, когда девчонки здесь, в этом самом туалете, пытались наложить их на Седрика… И сколько выслушала причитаний после его гибели.

АЛЬБУС: Миртл, помоги нам попасть в то самое озеро.

ПЛАКСА МИРТЛ: Думаете, я помогу вам перенестись во времени?

АЛЬБУС: Поклянись, что никому не скажешь.

ПЛАКСА МИРТЛ: Ой, я так люблю секретики! Не скажу ни одной живой душе. Крест на пузе

во всю спину. Ну или типа того — как там для привидений полагается. Короче, сами знаете.

АЛЬБУС кивает СКОРПИУСУ, тот вытаскивает Маховик времени.

АЛЬБУС: Мы сами можем путешествовать во времени. От тебя требуется помочь нам пробраться по трубам. Мы собираемся спасти Седрика Диггори.

ПЛАКСА МИРТЛ *(улыбается)*: А что, прикольно!

АЛЬБУС: И мы больше не можем терять времени.

ПЛАКСА МИРТЛ: Хорошо, тогда все смотрим вот на эту ванну. Слив из неё идёт прямо в озеро — в нарушение любых инструкций; впрочем, эта школа всегда отличалась некоторой старомодностью. Ныряйте в ванну, и вас по трубам вынесет прямо в озеро.

АЛЬБУС втискивается в ванну, одновременно стаскивая с себя плащ. СКОРПИУС делает то же самое.

АЛЬБУС передаёт СКОРПИУСУ какую–то зелень в мешочке.

АЛЬБУС: Немножко мне и немножко тебе.

СКОРПИУС: Жаберник? Мы воспользуемся жабернико́м? Чтобы дышать под водой?

АЛЬБУС: Точно так же, как это сделал мой отец. Ну что, готов?

СКОРПИУС: Только помни: на этот раз мы не можем позволить, чтобы время застало нас врасплох…

АЛЬБУС: У нас пять минут на всё про всё, перед тем как выбросит в настоящее.

СКОРПИУС: Скажи мне, что всё будет хорошо!

АЛЬБУС *(ухмыляясь)*: Всё будет офигительно! Готов?

АЛЬБУС запихивает в рот жаберник и соскальзывает вниз.

СКОРПИУС: Стой, Альбус! Альбус!

Поднимает глаза — он и ПЛАКСА МИРТЛ остались наедине.

ПЛАКСА МИРТЛ: Люблю храбрых мальчиков!

СКОРПИУС *(ему немного страшно, но он храбрится)*: Я тоже полностью готов. И будь что будет…

Кладёт в рот жаберник и соскальзывает вниз.

ПЛАКСА МИРТЛ остаётся на сцене одна.

Ослепительная вспышка света озаряет всё вокруг. За ней следует оглушительный грохот.

Время останавливается. Потом разворачивается в обратную сторону, некоторое время размышляет — и начинает перематываться

назад…

Мальчишки исчезли.

Вбегает ГАРРИ с перекошенным лицом, за ним — ДРАКО, ДЖИННИ и ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ.

ГАРРИ: Альбус! Альбус!

ДЖИННИ: Ушёл.

Замечают лежащие на полу плащи.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ *(сверяясь с картой)*: Он куда–то исчез. А, нет, вот он движется прямо под Хогвартсом… ох, нет, опять исчез…

ДРАКО: Как у него это получается?

ПЛАКСА МИРТЛ: А это у него такая классная штуковина!

ГАРРИ: Миртл!

ПЛАКСА МИРТЛ: Ой, ты меня поймал! А я так старалась спрятаться… Привет, Гарри! Привет, Драко! Опять себя плохо вели?

ГАРРИ: Что у него за штуковина?

ПЛАКСА МИРТЛ: Наверное, это секрет, но от тебя, Гарри, я никогда ничего не могла утаить. И как это у тебя получается с годами становиться всё неотразимее и неотразимее? Ты, кстати, так подрос…

ГАРРИ: Мой сын в опасности, Миртл! Мне нужна твоя помощь. Что они собирались делать?

ПЛАКСА МИРТЛ: Спасти одного симпатяжку.

Конкретно — Седрика Диггори.

ГАРРИ сразу же понимает, что происходит, и это пугает его до жути.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Но Седрик Диггори погиб много лет назад…

ПЛАКСА МИРТЛ: Он определённо собирался как–то обойти этот вопрос. Он был очень уверен в себе, Гарри, прямо как ты в его годы.

ГАРРИ: Он слышал мой разговор с Амосом Диггори! Не мог же он взять Маховик времени из Министерства… Да ну, это просто невозможно!

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: У Министерства есть Маховик времени? Я думала, их уничтожили!

ПЛАКСА МИРТЛ: Ну что за неслухи!

ДРАКО: Кто–нибудь может объяснить, что происходит?!

ГАРРИ: Альбус и Скорпиус не то чтобы исчезают и опять появляются… На самом деле они путешествуют. Во времени.

АКТ ВТОРОЙ, СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

ТУРНИР ТРЕХ ВОЛШЕБНИКОВ, ОЗЕРО, 1995 ГОД

ЛЮДО БЭГМЕН: Леди и джентльмены! Юноши и девушки! Представляю вам величайший! фантастический! единственный в своём роде! ТУРНИР

ТРЕХ ВОЛШЕБНИКОВ!!! Если вы из Хогвартса — поприветствуйте своих!

Слышен радостный рёв болельщиков.

Кроме того, на этот раз мы видим в озере плывущих сквозь толщу воды АЛЬБУСА и СКОРПИУСА; их движения легки и грациозны.

Если вы из Дурмстранга — поприветствуйте своих!

Слышен радостный рёв болельщиков.

А

ЕСЛИ ВЫ ИЗ ШАРМБАТОНА — ПОПРИВЕТСТВУЙТЕ СВОИХ!

Слышны редкие, ещё более вялые возгласы.

Ничего, французы уже понемногу привыкают.

Тем временем защитники стартуют… Так, Виктор у нас — акула, ну конечно, кем же ещё ему быть; Флёр — очаровашка, вечно храбрый Гарри затарился жаберником, молодец Гарри, очень умно с твоей стороны, а Седрик… Седрик в своем репертуаре, зацените, леди и джентльмены, Седрик собирается переплыть озеро с помощью заклинания Пузыря!

СЕДРИК ДИГГОРИ, с пузырём на голове, приближается к мальчикам. АЛЬБУС и СКОРПИУС одновременно вскидывают палочки и прямо сквозь воду стреляют в него Заклинанием рас-

пухания.

Растерянный СЕДРИК поворачивается и смотрит на ребят. Заклинание попадает прямо в него — и СЕДРИКА окутывает разлитое в воде золотистое сияние.

А потом СЕДРИК начинает распухать — быстро и безостановочно. Охваченный паникой юноша шарит взглядом вокруг себя, но ничего поделать не может. В конце концов друзья видят, как СЕДРИК беспомощно плывёт вверх, к поверхности озера.

Вот те на! Что это?.. Седрик Диггори вылетает из воды — и, пожалуй, из претендентов на победу! Да уж, леди и джентльмены, победителя у нас пока ещё нет, зато определённо есть проигравший. Седрик Диггори превращается в воздушный шарик, и этому шарику явно хочется полетать! Полетать, леди и джентльмены, пролететь над вами в небе! Пролететь с заданием и вылететь из турнира! Боже, там вообще что–то невообразимое творится: вокруг Седрика взрываются огни фейерверков, образовывая надпись «Рон любит Гермиону», а толпа такое любит! Господи, леди и джентльмены, вы только взгляните в лицо Седрику! Это надо видеть, это что–то с чем–то, это настоящая трагедия! Это глубокое унижение

— иначе и не назовёшь!

АЛЬБУС широко улыбается и даёт пять СКОРПИУСУ прямо в воде.

Затем АЛЬБУС показывает вверх, СКОРПИУС кивает, и они устремляются вверх. По мере того, как СЕДРИК набирает высоту, люди начинают смеяться — и всё вокруг внезапно меняется.

Окружающий мир становится темнее — почти чёрным.

Вспышка! Грохот! И тиканье Маховика времени прекращается. Мы опять в настоящем.

Из озера, пробивая толщу воды, выныривает ликующий СКОРПИУС.

СКОРПИУС: Йе–е–е-е–е–е-е-ссссс!

Оглядывается в удивлении, не видя АЛЬБУСА. Триумфально трясёт руками в воздухе.

Победа!

Ждёт ещё несколько мгновений.

Альбус?

АЛЬБУСА по–прежнему не видно. СКОРПИУС выходит из озера, на ходу разгребая воду, но затем, поразмыслив, опять окунается в озеро. И опять выныривает — теперь уже определённо охваченный паникой. Оглядывается.

Альбус! АЛЬБУС! АЛЬБУС!!!

Слышен шёпот — звучат слова на Змеином

языке. Голос мгновенно заполоняет собой всё окружающее пространство.

Он грядёт… Он грядёт… Он грядёт…

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Скорпиус Малфой! Вылезайте из озера. Вылезайте из озера, сейчас же!

Вытаскивает его из воды.

СКОРПИУС: Мисс, помогите, пожалуйста, прошу вас, мисс…

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: «Мисс»? Я — профессор Амбридж, директор вашей школы, а не «мисс»!

СКОРПИУС: Вы — директор? Но я…

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Я — директор, и какой бы высокородной ни была ваша семья, это не даёт вам право бездельничать и шататься здесь.

СКОРПИУС: В этом озере мальчик… Нужна помощь… Я ищу своего друга, мисс…. профессор… директор…. Один из учеников Хогвартса, мисс… Я ищу Альбуса Поттера…

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Поттер? Альбус Поттер? Такого ученика здесь нет. Да и вообще, был один Поттер в Хогвартсе много лет назад, но этот мальчик плохо кончил. И я не собираюсь желать ему покоиться в мире — уж лучше пусть этот Гарри Поттер вечно покоится в страдании. Сплошная головная боль, а не человек.

СКОРПИУС: Гарри Поттер мёртв?!

Внезапно откуда–то из зрительного зала доносится дуновение ветра, и рядом со зрителями появляются чёрные мантии. В какой–то момент очертания мантий начинают меняться, принимая форму дементоров.

Через зрительный зал летят дементоры — воплощения смертоносных идей, воплощения смертоносных сил; каждая чёрточка в их облике вызывает страх.

И в какой–то момент они начинают вытягивать из зала живое начало и всасывать его в себя.

Ветер не стихает. Вокруг творится настоящий ад. И вдруг каждый находящийся в зале слышит шёпот, который доносится откуда–то из глубины сцены.

Эти слова произносит голос, который нельзя спутать ни с одним другим: голос ВОЛАН–ДЕ–МОРТА…

Га–а–арри Пот–т–т-т-тер…

Кошмар ГАРРИ воплотился в жизнь.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Вы там чего–то наглотались, что ли? Или мы как–то упустили из виду, что вы превратились в грязнокровку? Гарри Поттер погиб более двадцати лет назад. Он был среди той кучки жалких мятежников, террористов Дам-

блдора, которых мы героически одолели в битве за Хогвартс. А теперь — за мной! Не знаю, что за игру вы ведёте, но вы нервируете дементоров и срываете празднование Дня Волан–де–Морта!

Шёпот на Змеином языке всё громче, в конце концов чудовищные раскаты Змеиной речи заполоняют всё вокруг. Над сценой уже колышутся огромные плакаты со змеиными символами.

СКОРПИУС: День Волан–де–Морта?!

Затемнение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
АКТ ТРЕТИЙ,

СЦЕНА ПЕРВАЯ
ХОГВАРТС, КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

СКОРПИУС входит в кабинет ДОЛОРЕС АМБРИДЖ. Мантия на нём темнее, чем раньше, на угрюмом лице читаются собранность и готовность к действиям.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Добрый день, Скорпиус; благодарю вас, что нашли для меня минутку.

СКОРПИУС: Здравствуйте, директор.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Как вам известно, Скорпиус, я долгое время полагала, что у вас все задатки Главного префекта. Чистокровный, к тому же прирождённый лидер, настоящий атлет…

СКОРПИУС: Атлет?

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Ну–ну, не стоит скромничать, Скорпиус. Я видела вашу подачу на матче по квиддичу — редкий снитч сможет избежать вашей хватки. Как ученик вы просто бесценны. Вас очень уважают на факультете, я же вообще считаю вас настоящим сокровищем. Как я вас только ни расписывала в донесениях Авгуру…

Наша совместная работа по очистке этой школы от разных интеллигентишек из числа учеников сделала её чище и безопаснее.

СКОРПИУС: Да?

Где–то неподалёку раздаётся пронзительный крик. СКОРПИУС рывком поворачивается в ту сторону, откуда донёсся крик, но тут же берёт себя в руки. Он должен себя контролировать — и он будет себя контролировать.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Однако в последние три дня, с того самого момента, как я увидела вас в озере в День Волан–де–Морта, вы становитесь всё более и более… странным. Взять, к примеру, эту внезапную одержимость Гарри Поттером…

СКОРПИУС: Я не…

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Вы расспрашиваете кого ни попадя о битве за Хогвартс. О том, ка́к умер Поттер, в результате чего умер Поттер… А эта смехотворная увлечённость Седриком Диггори! Скорпиус, мы проверили вас на проклятия и порчу и ничего не обнаружили. Поэтому прямо спрашиваю: могу ли я сделать что–нибудь такое, что поможет вам восстановиться?

СКОРПИУС: Нет–нет, считайте, что я восстановился. Временное помрачение сознания и ничего больше.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: То есть мы можем продолжать сотрудничать?

СКОРПИУС: Конечно.

АМБРИДЖ кладёт руку себе на сердце и смыкает запястья.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: За Волан–де–Морта и доблесть!

СКОРПИУС *(старается воспроизвести её действия)*: За… э-э… за них!

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ВТОРАЯ

ХОГВАРТС, ЛУЖАЙКА РЯДОМ СО ВХОДОМ

КАРЛ ДЖЕНКИНС: Эй, Король скорпионов!

Даёт СКОРПИУСУ пять; хлопок больно отдаётся в руке, но СКОРПИУС терпит.

ЯН ФРЕДЕРИКС: Как обычно, так же, завтра ночью?

КАРЛ ДЖЕНКИНС: Мы всегда готовы выпустить кишки всяким там грязнокровкам!

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Скорпиус!

На ступеньках стоит ПОЛЛИ ЧЕПМЭН. СКОРПИУС поворачивается к ней, удивлённый тем, что слышит от неё своё имя.

СКОРПИУС: Полли Чепмэн?

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Может, как–то уже пора решать? Я знаю, что всем хочется знать, кого ты собираешься пригласить, потому что ты же

знаешь, что тебе надо кого–нибудь пригласить, а меня уже трое приглашали, и я знаю, что не только я всем им отказала… На тот случай, если ты собирался пригласить меня — как ты сам это наверняка знаешь…

СКОРПИУС: Н-ну да…

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Это было бы классно. Ну, в смысле, если бы тебе этого захотелось. По слухам вроде хочется. И я просто хочу как–то прояснить… ну, что сейчас… что мне тоже хочется. И это не слух. Это — так и есть. В смысле, это факт.

СКОРПИУС: Гм. Это всё, конечно, здо́рово, но… ты вообще о чём говоришь?

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: О Кровавом бале, конечно. О том, кого из нас ты, Король скорпионов, пригласишь на Кровавый бал.

СКОРПИУС: Ты — Полли Чепмэн! — хочешь, чтобы я пригласил тебя на бал?!

За его спиной слышен истошный крик.

Что это за крики?

ПОЛЛИ ЧЕПМЭН: Грязнокровки, конечно же. В подземельях. Разве это не твоя идея была? Что с тобой происходит? Ох, Поттер, я опять испачкала туфли в крови…

Нагибается и аккуратно стирает кровь с туфлей.

Как говорит Авгур, своё будущее создаём мы сами. Вот я здесь и создаю своё будущее — с тобой. За Волан–де–Морта и доблесть!

СКОРПИУС: Таки за Волан–де–Морта.

ПОЛЛИ уходит, СКОРПИУС с отчаянием в глазах глядит ей вслед. Во что же превратился этот мир? И во что же он превратился в этом мире?

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ТРЕТЬЯ

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ИСПОЛНЕНИЯ МАГИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ

ДРАКО выглядит величественным донельзя; от него так и веет властностью. По обе стороны комнаты колышутся флаги с изображениями авгура — геральдической птицы, стилизованной на манер фашистского орла.

ДРАКО: Ты опоздал.

СКОРПИУС: Это твой кабинет?

ДРАКО: Ты опоздал и не извинился! Ты что, хочешь ещё подбавить масла в огонь?

СКОРПИУС: Ты — начальник Отдела исполнения магических законов?!

ДРАКО: Как ты смеешь себя так вести?! Как смеешь сердить меня и даже не просить прощения?

СКОРПИУС: Прошу прощения.

ДРАКО: *Сэр!*

СКОРПИУС: Прошу прощения, сэр.

ДРАКО: Я не для того тебя растил, Скорпиус, чтобы ты вырос сентиментальным слюнтяем. И не для того, чтобы ты позорил меня на весь Хогвартс.

СКОРПИУС: Позорить вас, сэр?..

ДРАКО: Я о Гарри Поттере — о том, что ты задаёшь все эти вопросы о Гарри Поттере, о всех этих постыдных вещах. Да как ты посмел бесчестить имя Малфоев?

СКОРПИУС: Боже… Так, значит, именно ты отвечаешь за всё это? Нет! Не может быть!

ДРАКО: Скорпиус!

СКОРПИУС: Сегодня в «Ежедневном пророке» написали, что три волшебника взрывали мосты просто для того, чтобы выяснить, сколько магглов они могут прикончить за один раз, — это ты?!..

ДРАКО: Осторожнее со словами!

СКОРПИУС: Лагеря смерти для «грязнокровок», пытки, сожжение заживо несогласных… За что из этого всего ты в ответе? Мама всегда говорила мне, что по жизни ты лучше, чем кажешься, но на самом деле ты, оказывается, вот кто! Убийца, мучитель…

ДРАКО подхватывается с места и с силой прижимает СКОРПИУСА к столу. Такого бешеного

порыва ярости СКОРПИУС явно не ожидал.

ДРАКО: Не поминай её всуе, Скорпиус! Не пытайся меня пристыдить таким образом! Она заслужила лучшего.

Перепуганный и подавленный СКОРПИУС молчит. ДРАКО видит это и отпускает СКОРПИУСА, явно не желая делать сыну больно.

Отвечаю на твой вопрос — нет. Магглов эти идиоты взрывали по своей инициативе, я тут ни при чём. Хотя именно я получил распоряжение от Августа дать взятку золотом магглскому премьер–министру… А мама правда так говорила обо мне?

СКОРПИУС: Она рассказывала, что дедушка очень её не любил, что он сопротивлялся вашему браку, потому что считал её любительницей магглов и слишком слабой натурой; но ты отказался ему повиноваться. Она говорила, что это был самый смелый поступок, который она когда–либо видела.

ДРАКО: Твоя мама… Она слишком бравировала своей отвагой.

СКОРПИУС: Но это был… другой ты.

Смотрит на отца, тот отвечает хмурым взглядом.

Я много чего плохого совершил, ты творил ещё

худшие вещи. Во что мы превратились, отец?

ДРАКО: Ни во что мы не превращались — мы просто те, кто мы есть.

СКОРПИУС: Малфои. Семья, на которую всегда можно положиться, если хочешь сделать этот мир более мрачным.

Это замечание задевает ДРАКО за живое. Он пристально глядит на СКОРПИУСА.

ДРАКО: Что заставило тебя заниматься всем этим в школе?

СКОРПИУС: Я не хочу быть таким, какой я есть.

ДРАКО: И чем же это вызвано?

СКОРПИУС лихорадочно размышляет, как бы описать всё то, что с ним случилось.

СКОРПИУС: У меня другое видение себя.

ДРАКО: Знаешь, что я больше всего любил в твоей маме? Она мне помогала отыскать свет во тьме. Она делала мир вокруг — как минимум, мой мир — менее… как ты там сказал?.. менее «мрачным».

СКОРПИУС: Правда?

ДРАКО испытующе глядит на сына.

ДРАКО: От неё в тебе больше, чем я думал.

Пауза. Драко внимательно смотрит на СКОРПИУСА.

Что бы ты ни делал — делай это с оглядкой. Я

не могу и тебя потерять…

СКОРПИУС: Хорошо… сэр.

ДРАКО бросает на сына последний взгляд, пытаясь понять, что творится в его голове.

ДРАКО: За Волан–де–Морта и доблесть!

СКОРПИУС смотрит на него и пятится прочь из комнаты.

СКОРПИУС: За Волан–де–Морта и доблесть!

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ХОГВАРТС, БИБЛИОТЕКА

СКОРПИУС входит в библиотеку и начинает лихорадочно просматривать корешки книг. В конце концов снимает с полки учебник по истории.

СКОРПИУС: Как же Седрик стал Пожирателем смерти? Что я упустил? Найдите мне чуточку света во тьме… Расскажите мне свои секреты… Что же я упустил?

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Ты пришёл? Но почему?

СКОРПИУС поворачивается и натыкается на тоскливый взгляд КРЭЙГА; одежда КРЭЙГА истрёпана и протёрта в разных местах.

СКОРПИУС: А почему бы мне не прийти?

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Так ещё не готово. Я работаю так быстро, как только могу. Но профессор Снегг задаёт очень много, и ещё надо

написать реферат двумя разными способами. В смысле, я не жалуюсь, но… Прости.

СКОРПИУС: Так, начинаем сначала. С самого начала. Что именно не готово?

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Твоё домашнее задание по Зельям. Я рад, что ты выбрал меня, чтобы его сделать, я даже очень благодарен за это… я знаю, как ты ненавидишь домашние задания и учебники, и я никогда тебя не подведу, ты же знаешь…

СКОРПИУС: Я ненавижу домашние задания?!

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Ты же Король скорпионов! Конечно же, ты ненавидишь домашки. А для чего ты взял «Историю Магии»? Мне и эту домашку сделать?

Пауза. СКОРПИУС какое–то мгновение смотрит на КРЭЙГА и направляется за кулисы. КРЭЙГ уходит.

Через несколько секунд СКОРПИУС возвращается; теперь он задумчиво хмурится.

СКОРПИУС: Он сказал «Снегг»?..

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ПЯТАЯ

ХОГВАРТС, КЛАСС ЗЕЛИЙ

СКОРПИУС забегает в класс Зелий и со стуком захлопывает за собой дверь. СЕВЕРУС СНЕГГ поднимает глаза ему навстречу.

СНЕГГ: Молодой человек, вас что — стучаться не учили?

СКОРПИУС глядит на СНЕГГА; он немного запыхался, немного не уверен в себе, немного взбудоражен.

СКОРПИУС: Северус Снегг! Это честь для меня.

СНЕГГ: «Профессор Снегг» будет достаточно. Вы можете считать себя королём этой школы, Малфой, но это не делает нас вашими подданными.

СКОРПИУС: Но ведь именно вы — ответ на загадку…

СНЕГГ: Как мило с моей стороны! Если у вас есть что сказать, юноша, говорите; если нет — закройте дверь с обратной стороны.

СКОРПИУС: Мне нужна ваша помощь.

СНЕГГ: Я существую, чтобы служить.

СКОРПИУС: Только вот я не знаю, чем именно мне можно помочь. Вы до сих пор действуете под прикрытием? До сих пор тайно работаете на Дамблдора?

СНЕГГ: На Дамблдора? Дамблдора нет в живых! И я работал на него открыто — преподавал в его школе.

СКОРПИУС: Да я не о том — это же не всё, чем вы занимались! Вы для него следили за Пожирателями смерти. Вы давали ему советы. Все думали,

что это вы его убили, но оказалось, что вы его поддерживали. Вы мир спасли!

СНЕГГ: Это слишком опасные голословные утверждения, молодой человек! Не думайте, что имя Малфой помешает мне назначить вам наказание!

СКОРПИУС: А что если бы я вам сказал, что был другой мир? Другой мир, в котором Волан–де–Морт проиграл битву за Хогвартс, в котором Гарри Поттер и Армия Дамблдора одержали победу? Что бы вы на это сказали?

СНЕГГ: Я бы сказал, что ходящие в Хогвартсе слухи о том, что всеми обожаемый Король скорпионов сходит с ума, имеют под собой основание.

СКОРПИУС: Всё дело в украденном Маховике времени. Это я украл Маховик времени. Вместе с Альбусом. Мы собирались вернуть Седрика Диггори из мёртвых. Мы попытались помешать ему выиграть Турнир Трех Волшебников. Однако тем самым мы превратили его в совершенно другого человека!

СНЕГГ: Тот Турнир Трех Волшебников выиграл Гарри Поттер.

СКОРПИУС: Он не должен был выиграть турнир в одиночку. Седрик тоже должен был стать по-

бедителем. Но мы опозорили его и закрыли ему путь к победе. В результате этого унижения он стал Пожирателем смерти. Я не могу определить, что именно он сделал во время битвы за Хогвартс: может, убил кого–нибудь или ещё что сделал… Но он что–то сделал, и это всё изменило.

СНЕГГ: Седрик Диггори лишь убил одного волшебника, причём я не сказал бы, что кого–то значительного: Невилла Долгопупса.

СКОРПИУС: А, ну конечно же, вот в чём дело! Профессор Долгопупс должен был убить Нагайну, змею Волан–де–Морта. Сначала Нагайна должна была погибнуть, и только после этого должна была появиться возможность убить Волан–де–Морта! Теперь понятно! Вы решили эту загадку! Мы навредили Седрику, он убил Невилла, Волан–де–Морт выиграл битву. Видите? Видите, что получается?

СНЕГГ: Я вижу лишь то, что Малфой ведёт какую–то игру. Уходите, пока я не сообщил обо всём вашему отцу и не доставил вам массу неприятностей.

СКОРПИУС размышляет и затем от безысходности заходит с последнего козыря.

СКОРПИУС: Вы любили его мать. Я всего не помню, но вы любили его маму. Маму Гарри Поттера.

Лили. Я знаю, что вы много лет действовали под прикрытием. Я знаю, что без вас войну никогда не смогли бы выиграть. Как бы я смог это узнать, если бы не видел тот самый другой мир?

Вконец ошеломлённый СНЕГГ ничего не отвечает.

Только Дамблдор знал это, правда? И когда он погиб, вы наверняка ощутили себя невероятно одиноким. Я знаю, что вы хороший. Гарри Поттер говорил своему сыну, что вы великий человек.

СНЕГГ смотрит на СКОРПИУСА в полной растерянности, не в силах ему поверить — а вдруг это ловушка?

СНЕГГ: Гарри Поттер мёртв.

СКОРПИУС: Но не в моём мире. Он говорил, что вы были самым храбрым человеком из всех, кого он когда–либо встречал. Он знал, понимаете, знал ваш секрет — знал, что именно вы делали для Дамблдора. И поэтому он преклонялся перед вами — всей душой. И именно поэтому он назвал своего сына, моего лучшего друга, в честь вас обоих. Альбус Северус Поттер.

СНЕГГ замирает. Он глубоко тронут.

Прошу вас, ради Лили, ради целого мира — помогите мне!

СНЕГГ размышляет, затем подходит к

СКОРПИУСУ, вынимая на ходу волшебную палочку. СКОРПИУС в испуге отступает. СНЕГГ направляет палочку на дверь.

СНЕГГ: Коллопортус!

Невидимый замок закрывается с громким щелчком. СНЕГГ отодвигает щеколду где–то в глубине класса.

Ну что ж, идём…

СКОРПИУС: Только один вопрос: куда именно мы идём?

СНЕГГ: Мы вынуждены были перебираться в другие места много раз. Где бы мы ни обосновывались, наши укрытия непременно уничтожали. Этот ход ведёт к комнате, спрятанной в корнях Гремучей ивы.

СКОРПИУС: Ясно. А кто такие «мы»?

СНЕГГ: Ха! Увидишь.

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ШЕСТАЯ

ШТАБ ЗАГОВОРЩИКОВ

СКОРПИУС припечатан к столу ГЕРМИОНОЙ, которая выглядит, как амазонка: одежда чуть полинявшая, глаза горят, вид чрезвычайно воинственный — и он ей очень идёт.

ГЕРМИОНА: Ещё движение — и я превращу твой мозг в лягушку, а руки у тебя будут из резины!

СНЕГГ: Свои! Он свой! *(Пауза.)* Ты же себя зна-

ешь — ты никогда не умела слушать. И среди учеников ты отличалась редкостным занудством, и сейчас — кто ты там есть, не важно, но тоже редкостная зануда.

ГЕРМИОНА: Я была великолепной ученицей!

СНЕГГ: Где–то между «посредственная» и «средняя». Говорю же, он на нашей стороне!

СКОРПИУС: Это правда, Гермиона.

ГЕРМИОНА смотрит на СКОРПИУСА, всё ещё с большим недоверием.

ГЕРМИОНА: Большинство знает меня как Грейнджер. И я не верю ни единому слову, сказанному тобой, Малфой!

СКОРПИУС: Это я во всём виноват. Только я. И Альбус.

ГЕРМИОНА: Альбус? Альбус Дамблдор? А при чём тут Альбус Дамблдор?

СНЕГГ: Он не Дамблдора имеет в виду. Тебе лучше присесть и выслушать его.

Вваливается РОН — с торчащими во все стороны патлами, в истрёпанной одежде. Как мятежник он выглядит не лучше ГЕРМИОНЫ.

РОН: Вы только посмотрите, кто до нас снизошёл! Снегг, а… *(замечает СКОРПИУСА и мгновенно приходит в страшное смятение)* а он что здесь делает?!

Неуклюже выхватывает волшебную палочку.

Я вооружён и… и чрезвычайно опасен! Я серьёзно — со мною…

Видит, что повернул палочку не той стороной, и перехватывает её правильно.

…шутки плохи!

СНЕГГ: Он свой, Рон.

РОН смотрит на ГЕРМИОНУ, та кивает.

РОН: Хвала Дамблдору…

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ШТАБ ЗАГОВОРЩИКОВ

ГЕРМИОНА сидит, внимательно изучая Маховик времени; РОН пытается переварить всё рассказанное СКОРПИУСОМ.

РОН: То есть ты хочешь сказать, что во всей этой истории ключевой фигурой был… Невилл Долгопупс? Полная чушь.

ГЕРМИОНА: Да нет, это правда, Рон.

РОН: Ну, допустим. А ты, значит, ему веришь, потому что…

ГЕРМИОНА: То, что он знает о Снегге, да и о всех нас, ему просто неоткуда было узнать.

РОН: Может, он очень хорошо умеет угадывать?

СКОРПИУС: Да ну, вы что… Вы сможете помочь?

РОН: Только мы и сможем. Армия Дамблдора сильно поредела со времени своего расцвета. Честно говоря, не удивлюсь, если перед тобой — всё, что от неё осталось. Но мы не сдаёмся. Мы скрываемся у всех на виду, стараемся быть образцовой занозой в их задницах. Грейнджер — разыскиваемая преступница. Я — разыскиваемый преступник.

СНЕГГ *(иронично)*: Ну, не настолько разыскиваемый…

ГЕРМИОНА: Давай уточним: как именно всё было в этом самом другом мире? До того как вы полезли не в своё дело?

СКОРПИУС: Волан–де–Морт был убит. Погиб в битве за Хогвартс. Гарри стал начальником Отдела исполнения магических законов. Вы — Министром магии.

Изумлённая ГЕРМИОНА замолкает, на её лице расцветает улыбка.

ГЕРМИОНА: Я — Министр магии?

РОН *(желая и себе урвать от общей радости)*: Просто супер! А я чем занимаюсь?

СКОРПИУС: А у вас магазинчик «Всевозможные волшебные выкрутасы Уизли».

РОН: Нет, ну нормально?! Она, значит, Министр магии, а я стою за прилавком… магазина розыг-

рышей?

СКОРПИУС глядит на РОНА, задетого за живое.

СКОРПИУС: Вы в основном занимаетесь воспитанием детей.

РОН: Круто. Надеюсь, у них хоть мать красотка.

СКОРПИУС *(краснея)*: Ну… хм… Это зависит от того, что вы думаете о… Дело в том, что это… ну, типа, ва́ши дети. Общие. Дочь и сын.

Ошеломлённые РОН и ГЕРМИОНА таращатся на него во все глаза.

Вы женаты. Любите друг друга. Ну и всё такое. В прошлый раз вы тоже были огорошены — это когда вы, Гермиона, были учителем Защиты от тёмных сил, а Рон женился на Падме. Вас это *постоянно* удивляет.

ГЕРМИОНА и РОН смотрят друг на друга и отворачиваются. Затем РОН опять поворачивает голову к Гермионе и несколько раз кашляет, прочищая горло, — каждый раз всё с меньшей уверенностью.

ГЕРМИОНА: Уизли, рот прикрывай, когда на меня смотришь.

РОН, всё ещё порядком ошарашенный, поспешно захлопывает рот.

А… Снегг? Чем Снегг занимается в этом другом

мире?

СНЕГГ: Могу предположить, что лежу в могиле.

Он смотрит на СКОРПИУСА; тот потупляет глаза. СНЕГГ едва заметно улыбается.

Когда ты меня увидел, то удивился немного сильнее, чем того требовала ситуация… Как?

СКОРПИУС: Доблестно.

СНЕГГ: Кто?

СКОРПИУС: Волан–де–Морт.

СНЕГГ: Как же это меня достало…

СНЕГГ в полном молчании пытается переварить сказанное.

Что ж, пасть от руки самого́ Тёмного лорда — в этом, пожалуй, есть своё величие.

ГЕРМИОНА: Мне очень жаль, Северус…

СНЕГГ встречается с ней взглядом и с трудом сглатывает. Затем кивает на РОНА.

СНЕГГ: Хорошо хоть не оказалось, что это я́ на нём женат.

ГЕРМИОНА: Какие заклинания вы использовали?

СКОРПИУС: Разоружармус в первом задании и Раздуватио во втором.

РОН: Простые Ограждающие заклятья легко отразили бы их.

СНЕГГ: И после этого вы вернулись?

СКОРПИУС: Ага, нас вернул Маховик времени. В том–то всё и дело: этот Маховик времени даёт побыть в прошлом только пять минут.

ГЕРМИОНА: А перемещаться вы можете только во времени, не в пространстве?

СКОРПИУС: Да, именно так: возвращаешься в то самое место, откуда перемещался…

ГЕРМИОНА: Интересно…

И СНЕГГ, и ГЕРМИОНА понимают, что это означает.

СНЕГГ: Тогда только я и мальчик.

ГЕРМИОНА: Без обид, Снегг, но этого я не доверю никому, это слишком важно.

СНЕГГ: Гермиона, ты самый лакомый кусок для охотников за мятежниками во всём волшебном мире. Тебе придётся выйти из убежища. Когда ты его в последний раз покидала?

ГЕРМИОНА: Ну, так чтоб ненадолго — бывало, но…

СНЕГГ: Если тебя снаружи поймают, дементоры поцелуют тебя — и высосут душу досуха.

ГЕРМИОНА: Северус, мне до смерти надоело жить пустыми надеждами, устраивать бесплодные диверсии… Это наш шанс вернуть мир к должному началу.

Кивает РОНУ, тот разворачивает карту.

Первое задание турнира выполнялось на границе Запретного леса. Мы переместимся туда во времени, проберёмся на место проведения турнира, блокируем заклинания и спокойно вернёмся в настоящее. Я вам точно говорю: это легко осуществимо, и нам не надо будет светить физиономии вне убежища в нашем времени. Потом мы опять открутим время назад, проберёмся к озеру и всё утрясём со вторым заданием.

СНЕГГ: Ты же рискуешь всем…

ГЕРМИОНА: Мы всё устраиваем как надо: Гарри жив, Волан–де–Морт мёртв, с Авгуром тоже покончено — это стоит любого риска. Хотя мне, конечно, очень жаль, что судьба спишет вас в расход…

СНЕГГ: Порой на расходы идут, чтобы их потом возместить.

СНЕГГ и ГЕРМИОНА смотрят друг на друга. СНЕГГ кивает, ГЕРМИОНА кивает в ответ. Внезапно лицо СНЕГГА омрачается.

Я же это не из Дамблдора процитировал, правда?

ГЕРМИОНА *(с улыбкой)*: Ни в коем случае. Я более чем уверена, что это изречение самого настоящего Северуса Снегга.

Она поворачивается к СКОРПИУСУ и указывает

на Маховик времени.

Малфой!

СКОРПИУС протягивает ей Маховик времени. Она улыбается, радуясь мысли о том, что опять сможет воспользоваться Маховиком времени, причём для такой благой цели.

Будем надеяться, что это сработает.

Берёт Маховик времени. Тот начинает вибрировать — и затем взрывается целым вихрем движений.

Ослепительная вспышка света озаряет всё вокруг. За ней следует оглушительный грохот.

Время останавливается. Потом разворачивается в обратную сторону, некоторое время размышляет — и начинает перематываться назад. Вначале медленно…

Вспышка, грохот — и наши герои исчезают.

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ВОСЬМАЯ

ГРАНИЦА ЗАПРЕТНОГО ЛЕСА, 1994

И опять мы наблюдает сцену из первой части, только теперь как бы стоя дальше от турнирного поля. Взгляд выхватывает из толпы АЛЬБУСА и СКОРПИУСА, одетых в мантии Дурмстранга. И сквозь шум слышится голос «умопомрачительного» (это тоже его слово, его!) ЛЮДО БЭГМЕНА.

СКОРПИУС, ГЕРМИОНА, РОН и СНЕГГ обеспоко-

енно следят за происходящим.

ЛЮДО БЭГМЕН: Седрик Диггори выходит на сцену. Похоже, он готов к испытанию. Чуть напуган, но готов. Уклоняется от дракона… ещё раз уклоняется… и ныряет в укрытие! Одни девушки падают в счастливый обморок, другие дружно вопят: не попортите нашего Диггори, мистер Дракон! Но Седрик поворачивает влево, затем ныряет вправо, держа палочку наизготовку…

СНЕГГ: Слишком долго всё происходит. Маховик времени уже вращается.

ЛЮДО БЭГМЕН: …что же этот юный храбрый красавчик достанет из рукава на этот раз?

АЛЬБУС пытается выдернуть заклинанием палочку из руки СЕДРИКА, но ГЕРМИОНА блокирует это заклинание. Альбус в отчаянии осматривает палочку со всех сторон, не в силах понять, почему она не работает.

И тут Маховик времени начинает вращаться. Путешественники во времени в ужасе смотрят на него, но он уже начинает затягивать их в водоворот времени.

Собака! Он трансфигурировал камень в собаку! Другого такого хитроумного собачника, как Седрик Диггори, ещё поискать нужно!

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

ГРАНИЦА ЗАПРЕТНОГО ЛЕСА

Они возвращаются из прошлого в то же место, на границу леса. РОН стонет от боли. СНЕГГ оглядывается вокруг, сразу же отмечая, что они, судя по всему, попали в серьёзную передрягу.

РОН: Ооооо… Ооо…. Аааооооуууууууууу…

ГЕРМИОНА: Рон! Рон! Что с тобой?

СНЕГГ: Только не это… Я так и знал…

СКОРПИУС: Маховик времени и с Альбусом что–то сделал, когда мы вернулись в первый раз.

РОН: Очень удобный… момент, чтобы… ой!.. сообщить нам это.

СНЕГГ: Мы на поверхности земли! Надо бежать! Сейчас же!

ГЕРМИОНА: Рон, ты же можешь идти, вставай…

РОН стонет от боли, но встаёт. СНЕГГ поднимает палочку.

СКОРПИУС: Так что, сработало или нет?

ГЕРМИОНА: Мы заблокировали заклинание… Палочка осталась у Седрика… Да! Сработало!

СНЕГГ: Но мы вернулись не в то место — мы снаружи! А главное — вы снаружи!

РОН: Нам надо ещё раз воспользоваться Маховиком времени — чтобы выбраться отсюда.

СНЕГГ: Нам надо найти какое–нибудь убежище.

Здесь мы открыты всем опасностям.

Внезапно откуда–то из зрительного зала доносится дуновение ветра, и рядом со зрителями появляются чёрные мантии. В какой–то момент очертания мантий начинают меняться, принимая форму дементоров.

ГЕРМИОНА: Слишком поздно.

СНЕГГ: Это конец…

ГЕРМИОНА *(поняв, что ей нужно сделать)*: Они пришли за мной, а не за кем–нибудь из вас. Рон… Я люблю тебя и всегда любила… Но вам троим нужно бежать. Уходите. Прямо сейчас.

РОН: Что?!

СКОРПИУС: Что?!

РОН: Насчёт того, что ты сказала — о любви… Можно сначала об этом пару слов?

ГЕРМИОНА: Это по–прежнему мир Волан–де–Морта. И со мной уже покончено. Но если разобраться со вторым заданием — всё изменится!

СКОРПИУС: Но они поцелуют вас! Они высосут из вас душу!

ГЕРМИОНА: А после этого вы измените прошлое. А они не смогут. Да уходите же! Давайте, не медлите!

Дементоры чуют их. Со всех сторон к ним

несутся визжащие чёрные силуэты.

СНЕГГ: Уходим. Нам придётся уйти.

Тащит СКОРПИУСА за руку. СКОРПИУС скрепя сердце следует за ним.

ГЕРМИОНА смотрит на РОНА.

ГЕРМИОНА: Вообще–то ты тоже должен был уйти.

РОН: Ну, они всё–таки не только за тобой, но немножко и за мной пришли, а у меня сейчас всё болит… И вообще, знаешь, лучше я здесь останусь. Экспекто…

Поднимает палочку, собираясь произнести заклинание, но ГЕРМИОНА останавливает его.

ГЕРМИОНА: Давай задержим их здесь, чтобы дать мальчику больше шансов спастись.

РОН смотрит на неё и печально кивает.

Дочь…

РОН: И сын. Мне это тоже понравилось.

Он оглядывается, уже догадываясь о своей дальнейшей судьбе.

Мне страшно.

ГЕРМИОНА: Поцелуй меня…

РОН мгновение медлит и целует её. В следующее мгновение неведомая сила растаскивает их в стороны и пригвождает к земле. Мы видим, как из их тел тянется бело–золотая дымка. Из них

высасывают души — и это ужасает.

СКОРПИУС в замешательстве глядит на них.

СНЕГГ: Давай зайдём в воду. Иди спокойно. Не беги.

СНЕГГ смотрит на СКОРПИУСА.

Стой спокойно, Скорпиус. Они, может, и слепые, зато могут чуять твой страх.

СКОРПИУС глядит на СНЕГГА.

СКОРПИУС: Дементоры только что высосали их души!

К ним сверху устремляется дементор и зависает перед СКОРПИУСОМ.

СНЕГГ: Думай о чём–нибудь постороннем, Скорпиус. Займи чем–нибудь свои мозги.

СКОРПИУС: Мне холодно… Я ничего не вижу… Внутри меня какой–то туман — и снаружи тоже…

СНЕГГ: Ты — король. Я — профессор. Если мы не дадим им повод — они атаковать не будут. Думай о тех, кого любишь, думай о том, ради чего ты на всё это пошёл.

СКОРПИУС: Я слышу свою маму… Она хочет, чтобы я… чтобы я ей помог… но она знает, что я не могу помочь…

СНЕГГ: Слушай меня, Скорпиус: ты должен думать об Альбусе! Ты же пожертвуешь своим

королевством ради Альбуса, так ведь?

СКОРПИУС чувствует себя беспомощным. Ощущения, внушаемые дементором, понемногу овладевают им.

Один человек… Он заберёт только одного. Я не смог спасти Гарри для Лили. Поэтому сейчас я могу лишь отдать всего себя тому, во что она верила. Мне кажется, что за прошедшие годы я и сам начал в это верить.

СКОРПИУС улыбается СНЕГГУ — и решительно отступает в сторону от дементора.

СКОРПИУС: Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним. В этом мире я живу вполне благополучно — но сам мир благополучным никак не назовёшь. А я так не хочу…

Внезапно перед ними появляется ДОЛОРЕС АМБРИДЖ.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Профессор Снегг!

СНЕГГ: Профессор Амбридж!

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Слышали новость? Мы поймали эту предательницу–грязнокровку Гермиону Грейнджер! Её как раз сейчас отсюда забрали.

СНЕГГ: Это просто великолепно.

АМБРИДЖ пристально глядит на СНЕГГА. Он отвечает ей твёрдым взглядом.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: С вами… Грейнджер была с вами!

СНЕГГ: Со мной? Это какая–то ошибка.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: С вами и Скорпиусом Малфоем. С учеником, который меня беспокоит всё сильнее и сильнее.

СКОРПИУС: Ну…

СНЕГГ: Долорес, мы опаздываем на занятия, так что прошу нас простить, но…

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Если вы опаздываете на занятия — почему же тогда направляетесь не к школе? Почему идёте к озеру?

Мгновение ничем не нарушаемой тишины. И тут СНЕГГ делает такое, чего от него никак не ожидаешь: он улыбается.

СНЕГГ: И давно вы меня подозреваете?

АМБРИДЖ отрывается от земли, разводит в стороны руки, между которыми клубится Тёмная магия, и достаёт палочку.

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ: Уже много лет. И я должна была принять меры намного раньше.

Палочка СНЕГГА оказывается быстрее.

СНЕГГ: Депульсо!

АМБРИДЖ отлетает прочь, кувыркаясь в воздухе.

Она слишком много о себе воображала, чтобы

это пошло ей на пользу. Вот теперь возврата точно нет.

Тьма, пришедшая с неба, понемногу накрывает их.

Экспекто Патронум!

СНЕГГ вызывает Патронуса: он оказывается прекрасной белой ланью.

СКОРПИУС: Лань? Это же Патронус Лили!

СНЕГГ: Неожиданно, правда? Что только ни таится внутри…

То здесь, то там появляются дементоры. СНЕГГ понимает, что́ это означает.

Тебе нужно бежать. Я буду удерживать их на берегу, сколько смогу.

СКОРПИУС: Спасибо за то, что были моим светом во тьме…

СНЕГГ, по виду герой с головы до ног, смотрит на него и мягко улыбается.

СНЕГГ: Скажи Альбусу… скажи Альбусу Северусу, что я горжусь тем, что он носит моё имя. А теперь уходи. Уходи!

Лань оглядывается на СКОРПИУСА и бежит прочь.

СКОРПИУС мгновение размышляет и затем устремляется за ланью. Мир вокруг него становится всё более и более пугающим. Из–за спины

доносятся вопли, от которых стынет кровь в жилах. Завидев озеро, он делает последний рывок и бросается в его воды.

И СНЕГГ покоряется неизбежному. Сначала его тащат по земле, затем его тело взмывает вверх, вопли становятся оглушительными, нестерпимыми — и душа отделяется от тела.

Лань оборачивается, задерживает на нём взгляд прекрасных глаз — и исчезает.

Вспышка и грохот. А затем — тишина. Долгая–предолгая тишина…

Вокруг так тихо, так безмятежно — ну просто образцовая идиллия.

А затем СКОРПИУС, тяжело дыша, выныривает из озера и осматривается.

Лёгкие судорожно втягивают воздух. СКОРПИУС бросает взгляд на небо — оно определённо голубее, чем раньше.

И тут рядом с ним выныривает АЛЬБУС. Мгновение тишины. СКОРПИУС таращится на АЛЬБУСА, не веря своим глазам.

Слышны лишь вдохи и выдохи.

АЛЬБУС: Да ну блин!

СКОРПИУС: Альбус!

АЛЬБУС: Впритирку прошло! Видел этого русала? У него голова… а потом… ну ёлки–палки!

СКОРПИУС: Это ты!

АЛЬБУС: Странно вообще: мне на секунду показалось, что Седрик начинает раздуваться, но потом вроде как опять сдулся; я на тебя смотрю, а ты палочку уже вытащил…

СКОРПИУС: Ты даже не представляешь себе, как приятно тебя опять увидеть!

АЛЬБУС: Ты же меня пару минут назад видел.

СКОРПИУС обнимает АЛЬБУСА прямо в воде, что само по себе довольно непросто.

СКОРПИУС: С того времени много воды утекло.

АЛЬБУС: Эй, поаккуратнее, я уже захлёбываюсь от твоих чувств… Кстати, а что это на тебе надето?

СКОРПИУС: Что на мне надето? *(Срывает с себя плащ.)* Это *на тебе* что надето! Йеесс! Теперь ты в Слизерине!..

АЛЬБУС: Что, сработало? У нас правда получилось?

СКОРПИУС: Нет. И это просто прекрасно!

АЛЬБУС глядит на него с недоумением.

АЛЬБУС: Что — «прекрасно»? У нас же полный провал.

СКОРПИУС: Да. ДА! И ЭТО ОФИГИТЕЛЬНО!!!

Плюхается навзничь в воду. АЛЬБУС плетётся в сторону берега.

АЛЬБУС: Скорпиус, ты что — опять сладостей переел?

СКОРПИУС: Ну вот, совсем другое дело — за Альбусом не заржавело… Обож–жаю!

АЛЬБУС: Я уже начинаю беспокоиться…

Вбегает ГАРРИ и мчит к берегу. За ним несутся ДРАКО, ДЖИННИ и ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ.

ГАРРИ: Альбус! Альбус, с тобой всё в порядке?

СКОРПИУС *(вне себя от радости)*: Гарри! Это Гарри Поттер! И Джинни! И профессор МакГонагалл! И отец! Мой отец! Привет, папа!

ДРАКО: Привет, Скорпиус!

АЛЬБУС: Вы все здесь…

ДЖИННИ: Миртл нам во всём призналась.

АЛЬБУС: Что происходит?

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Вы только что совершили обратное перемещение во времени. Почему вы нам ничего не рассказали?

СКОРПИУС сразу подмечает, что именно им известно.

СКОРПИУС: Ёлки–палки… Ну блин… Где же он?

АЛЬБУС: Какое перемещение?

СКОРПИУС: Я потерял его! Я потерял Маховик времени!

АЛЬБУС *(глядя на СКОРПИУСА с глубокой досадой)*: Что–что ты потерял?

ГАРРИ: Кончай придуриваться, Альбус!

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Мне думается, вы должны нам многое объяснить.

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ДЕСЯТАЯ
ХОГВАРТС, КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

СКОРПИУС и АЛЬБУС стоят с покаянным видом перед ДРАКО, ДЖИННИ и ГАРРИ; профессор МАКГОНАГАЛЛ кипит от злости.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: То есть, если подытожить, вы без разрешения спрыгнули с Хогвартского экспресса, вломились в Министерство магии и украли там ценную вещь, взяли на себя смелость изменить время, в результате чего отправили в небытие двух человек…

АЛЬБУС: М-да, звучит в самом деле как–то нехорошо…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: И в ответ на исчезновение Хьюго и Розы Грейнджер — Уизли вы опять отправились во времени назад — и на этот раз, вместо того, чтобы потерять двоих, вы угробили целую толпу и прикончили собственного отца, да ещё и воскресили самого кошмарного волшебника, которого только знал мир, и явились родоначальниками новой эпохи Тёмной магии… *(иронично)* Вы правы, мистер Поттер, это действительно звучит несколько нехорошо.

Вы хоть осознаёте всю неразумность ваших поступков?

СКОРПИУС: Да, профессор.

АЛЬБУС какое–то мгновение колеблется, глядя на ГАРРИ.

АЛЬБУС: Да.

ГАРРИ: Профессор, если позволите…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Не позволю. Какие меры вы предпримете как родители — это ваше дело, но здесь моя школа, это мои ученики, и именно я выберу для них наказание.

ДРАКО: Звучит справедливо.

ГАРРИ смотрит на ДЖИННИ, та согласно качает головой.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Мне следовало бы исключить вас, однако *(косится на ГАРРИ)*, взвесив все за и против, я пришла к выводу, что для вас будет безопаснее оставаться под моим присмотром. Срок вашего наказания… собственно, можете считать себя наказанными до конца года. Рождество для вас отменяется. О походах в Хогсмид можете забыть. И это только начало…

Внезапно в кабинет влетает ГЕРМИОНА, полная энергии и желания действовать.

ГЕРМИОНА: Что я пропустила?

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ *(в ярости)*: Перед

тем, как войти в комнату, вежливые люди стучатся, Гермиона Грейнджер; жаль, что вас этому не научили!

ГЕРМИОНА понимает, что перегнула палку.

ГЕРМИОНА: Ой…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Если бы я могла вам назначить вам наказание, госпожа министр, я непременно это сделала бы. Подумать только — оставить у себя Маховик времени! Из всех глупых мыслей это самая дурацкая!

ГЕРМИОНА: В свою защиту…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: В шкафу! Вы держали его в шкафу! Просто анекдот!

ГЕРМИОНА: Минерва… *(набрав воздух в грудь)* Профессор МакГонагалл…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Твои дети перестали существовать на какое–то время!

ГЕРМИОНА не находит, что на это ответить.

И всё это случилось в моей школе, под моим надзором… после такого предшественника, как Дамблдор… Не представляю, как бы я смогла бы жить с таким грузом на душе, не дай бог что.

ГЕРМИОНА: Знаю…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ *(берёт себя в руки)*: Ваши намерения спасти Седрика были благородными, пускай и безрассудными. И — да,

определённую храбрость вы проявили, Скорпиус, и вы тоже, Альбус, но даже вашему отцу иногда не помешало бы учитывать, что проявленная храбрость не оправдывает проявленную глупость! Всегда думайте головой. Думайте о последствиях. Мир под пятóй Волан–де–Морта был бы…

СКОРПИУС: Кошмарным.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Вы такие молодые… *(Смотрит на ГАРРИ, ДРАКО, ДЖИННИ и ГЕРМИОНУ.)* Вы все такие молодые… Вы даже не представляете себе, в какую тьму могут ввергнуть мир войны волшебников. Вы вели себя… безрассудно по отношению к миру, ради создания и процветания которого некоторые люди — и мои, и ваши лучшие друзья — пожертвовали очень многим.

АЛЬБУС: Да, профессор.

СКОРПИУС: Да, профессор.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Идите. Все идите. Делайте то, что должны. И найдите мне этот Маховик времени!

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ
ХОГВАРТС, СПАЛЬНЯ СЛИЗЕРИНА

АЛЬБУС сидит в своей комнате. Входит ГАРРИ и смотрит на сына — видно, что в нём кипит гнев, но ГАРРИ старается его не расплескать.

ГАРРИ: Спасибо, что разрешил мне приехать.

АЛЬБУС поворачивает голову и кивает отцу. Он тоже ведёт себя осторожно.

Маховик времени пока не удаётся найти. Мы ведём переговоры с Русалочьим народом насчёт того, чтобы протралить озеро.

Присаживая, испытывая неловкость.

Хорошая комната.

АЛЬБУС: Зелёный вроде успокаивает, насколько я слышал. Ну то есть комнаты Гриффиндора все такие клёвые, но засада в том, что красный цвет… говорят, от него крыша понемногу едет. Не то чтобы я тут собирался злобствовать…

ГАРРИ: Ты можешь объяснить, для чего тебе это было нужно?

АЛЬБУС: Я подумал, что я могу всё изменить. Мне показалось, что с Седриком нечестно получилось…

ГАРРИ: Конечно же, нечестно, Альбус! Думаешь, я сам этого не знаю? Я ведь там был. Я видел, как он погиб. Но чтобы такое сотворить… рискнуть всем…

АЛЬБУС: Я знаю.

ГАРРИ *(не в силах сдержать гнев)*: Если ты просто пытался поступать так, как я, то совершенно зря! Меня не спрашивали, хочу ли я во всём этом

участвовать, меня заставили! Ты совершил нечто совершенно безрассудное, действительно глупое и опасное, и это могло всё уничтожить…

АЛЬБУС: Я знаю… Честно… Я уже понял…

Пауза. АЛЬБУС утирает слезу, ГАРРИ замечает это — и осекается, стараясь не перейти грань.

ГАРРИ: Ладно, я тоже был неправ, когда думал, что Скорпиус — сын Волан–де–Морта. Он — не чёрное облако.

АЛЬБУС: Нет, конечно.

ГАРРИ: И я спрятал карту под замок от греха подальше. Ты её больше не увидишь. Ты знаешь, что мама оставила твою комнату точно в таком виде, какой она была, когда ты убежал? Не разрешала заходить никому, даже мне — так она за тебя испугалась… И я тоже.

АЛЬБУС: Ты правда испугался?

ГАРРИ: Конечно.

АЛЬБУС: А я думал, что Гарри Поттер никогда ничего не боится.

ГАРРИ: Я что — в самом деле так себя вёл?!

АЛЬБУС изучающе глядит на отца.

АЛЬБУС: Не думаю, что Скорпиус это рассказал: когда мы вернулись, так и не сумев разобраться с первым заданием, я вдруг оказался в Гриффиндоре, но отношения между ним и мной остались

просто превосходными. То есть суть наших проблем — не в том, что я слизеринец. Дело не только в этом.

ГАРРИ: Да, я знаю. Дело не только в этом.

ГАРРИ смотрит на АЛЬБУСА.

У тебя уже всё в порядке, Альбус?

АЛЬБУС: Нет.

ГАРРИ: Нет… И у меня тоже.

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ
СОН, ГОДРИКОВА ВПАДИНА, КЛАДБИЩЕ

ГАРРИ-ПОДРОСТОК стоит, обводя взглядом кладбище, покрытое букетами цветов. В руке у него небольшой букет.

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Давай, иди, клади этот бурьян и уходим отсюда. Я уже ненавижу эту паршивую деревушку — не знаю, кому в голову пришло её назвать Годриковой впадиной; как по мне, это средоточие скверны скорее стоило бы назвать Безбожниковой впадиной… Давай, давай, шевелись!

Он подходит к могиле и некоторое время стоит рядом с ней.

Быстрее, Гарри! У нас нет на это времени, у Дадличка сегодня собрание бойскаутов, ты же знаешь, как он не любит опаздывать!

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Тетя Петунья, мы ведь

последние из их родственников, кто остался в живых, так ведь?

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Да. Ты и я. Да.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Неужели не было никого, кто любил бы их, восхищался ими? Ты говорила, что у них совсем не было друзей?

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: Лили — царство ей небесное! — пыталась завести друзей, но она отпугивала людей само́й своей сутью, хотя в этом не было её вины. У неё были такие повадки, у неё были такие манеры, у неё был такой способ проявления себя. А вот твой отец… Неприятный был тип. Исключительно неприятный. Не было у них друзей. Совсем никого.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Тогда я не понял, откуда столько цветов? Почему у них вся могила в цветах?

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ оглядывается и словно в первый раз замечает все цветы, и это ей трогает до глубины души. Она подходит к могиле сестры и присаживается рядом. Она пытается справиться с нахлынувшими чувствами, но у неё ничего не получается.

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ: А… Ну, да, немножко цветов… Наверное, ветром с других могил занесло. Или кто–то решил пошутить. Да–да, наверняка ка-

кой–то молодой бездельник, у которого слишком много свободного времени, обошёл окрестные могилы, собрал цветы и положил их сюда.

ГАРРИ-ПОДРОСТОК: Но тут везде их имена — «Лили и Джеймс, мы никогда не забудем того, что вы сделали…», «Лили и Джеймс, ваше самопожертвование…»

ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Я ощущаю запах вины… Хм, здесь просто не продохнуть от вины.

ТЁТЯ ПЕТУНЬЯ *(обращаясь к ГАРРИ-ПОДРОСТКУ)*: Уходи! Уходи отсюда!

Тянет его за собой. Рука ВОЛАН–ДЕ–МОРТА взлетает в воздух над могилой Поттеров, остальное тело следует за ней. Мы не видим его лица, но тело принимает какую–то ужасную бугристую форму.

Я так и знала, что здесь опасно… Чем раньше мы покинем Годрикову впадину, тем лучше…

Она пытается стянуть ГАРРИ-ПОДРОСТКА со сцены, но тот поворачивается — и наталкивается на взгляд ВОЛАН–ДЕ–МОРТА.

ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Ты до сих пор можешь видеть моими глазами, Гарри Поттер?

ГАРРИ-ПОДРОСТОК в смятении покидает сцену, а из–под плаща ВОЛАН–ДЕ–МОРТА выглядывает АЛЬБУС и в отчаянии тянет руку в ту сторону,

куда ушёл отец.

АЛЬБУС: Папа! Папа!..

Слышатся слова на Змеином языке.

Он грядёт… Он грядёт… Он грядёт…

Слышен вопль.

И затем откуда–то из глубины сцены доносится шёпот, слышный каждому находящемуся в зале.

Эти слова произносит голос, который нельзя спутать ни с одним другим: голос ВОЛАН–ДЕ–МОРТА…

Га–а–арри Пот–т–т-т-тер…

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ
ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ, КУХНЯ

ГАРРИ чувствует себя просто ужасно. Когда он размышляет над тем, что означают его сны, у него перехватывает дыхание.

ДЖИННИ: Гарри? Гарри! Что это было? Ты так кричал…

ГАРРИ: Мои сны… Они не прекратились.

ДЖИННИ: Никто и не думал, что они сразу прекратятся. Это было очень тяжёлое время.

ГАРРИ: Но я никогда не был в Годриковой впадине с Петуньей!

ДЖИННИ: Гарри, ты правда меня пугаешь!

ГАРРИ: Он до сих пор здесь, Джинни.

ДЖИННИ: Кто до сих пор здесь?

ГАРРИ: Волан–де–Морт. Я видел Волан–де–Морта с Альбусом.

ДЖИННИ: С Альбусом?..

ГАРРИ: Он — то есть Волан–де–Морт — сказал: «Я ощущаю запах вины, здесь просто не продохнуть от вины». Он говорил это мне.

ГАРРИ глядит на неё и касается своего шрама. У ДЖИННИ вытягивается лицо.

ДЖИННИ: Гарри, неужели Альбус всё ещё в опасности?

Лицо ГАРРИ заливает бледность.

ГАРРИ: Думаю, мы все в опасности.

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ХОГВАРТС, СПАЛЬНЯ СЛИЗЕРИНА

СКОРПИУС опирается на изголовье кровати АЛЬБУСА и зловеще шипит.

СКОРПИУС: Альбус… Эй, Альбус!..

АЛЬБУС не просыпается.

АЛЬБУС!

АЛЬБУС подхватывается в испуге. СКОРПИУС смеётся.

АЛЬБУС: Просто кайф. Очень приятный способ просыпаться, и совсем не страшный.

СКОРПИУС: Знаешь, это чрезвычайно странно, но с тех пор, как я попал в самое зловещее место

из всех, что только можно вообразить, я стал настоящим спецом по страху. Я — Скорпиус Бесстрашный! Я — Малфой Безмятежный!

АЛЬБУС: Да куда та́м…

СКОРПИУС: Я имею в виду, что если бы меня раньше задержали и подвергли постоянному наказанию, то это меня сломало бы, но сейчас… Ну что они нам могут сделать хуже того, что мы видели? Вернуть Волди — Молди и заставить его пытать меня? Нет у них методов против нас.

АЛЬБУС: Знаешь, когда у тебя хорошее настроение — это кошмарное зрелище…

СКОРПИУС: Когда ко мне сегодня на уроке Зелий подошла Роза и сказала, что у меня мозги из мякиша, я чуть не обнял её. Ну, не то чтобы «чуть», на самом деле я действительно попытался её обнять, но она меня пнула по щиколотке.

АЛЬБУС: Я уже не уверен, что бесстрашие полезно для твоего здоровья.

СКОРПИУС глядит на АЛЬБУСА, его лицо становится задумчивым.

СКОРПИУС: Альбус, ты даже не представляешь себе, как здоро́во было сюда вернуться. Там было на редкость жутко.

АЛЬБУС: Не считая того, что тобой немного увлеклась Полли Чепмэн.

СКОРПИУС: Седрик был совсем другим — жестоким, опасным. Мой отец делал всё, что ему приказывали. А я? Представляешь, оказалось, что может существовать другой Скорпиус! Высокомерный, злой, подлый… Меня люди пугались. Похоже было на то, что мы все проходили испытание и все провалили его.

АЛЬБУС: Но ты всё изменил. У тебя был шанс — и ты смог всё вернуть на круги своя. Вернуть себя прежнего.

СКОРПИУС: Только потому что знал, кем мне суждено быть на самом деле.

АЛЬБУС пытается это осознать.

АЛЬБУС: Думаешь, меня тоже испытывали? Нет, ну правда?

СКОРПИУС: Нет. Ещё нет.

АЛЬБУС: А вот и ошибаешься. Моя глупость заключалась не в том, что я переместился в прошлое: такую ошибку может совершить любой. Она заключалась в самонадеянности, которая заставила меня отправиться туда ещё раз.

СКОРПИУС: Альбус, мы оба туда перемещались!

АЛЬБУС: Но почему я так зациклился на этой мысли? Ради Седрика? Да ну, ерунда. Просто я хотел что–то доказать. Мой отец прав: его не спра-

шивали, хотел ли он во всём этом участвовать. Это полностью моя вина, и если бы не ты, всё могло бы полететь Тьме под хвост.

СКОРПИУС: Но не полетело. И тебя за это следует поблагодарить так же, как и меня. Когда дементоры забрались ко мне в голову, Северус Снегг сказал мне, чтобы я думал о тебе. Пускай тебя там и не было, Альбус, но ты сражался — сражался бок о бок со мной.

АЛЬБУС кивает. Он тронут.

И идея спасти Седрика — кстати, довольно неплохая сама по себе — по–любому родилась не в моей голове, хотя, ты же знаешь, нам определённо не сто́ит к этому возвращаться.

АЛЬБУС: Да. Конечно. Я очень хорошо это понял.

СКОРПИУС: Отлично. Тогда ты сможешь помочь мне это уничтожить.

СКОРПИУС показывает АЛЬБУСУ Маховик времени.

АЛЬБУС: Мне почему–то показалось, что ты всем говорил, что он остался на дне озера…

СКОРПИУС: А оказалось, что Малфой Безмятежный — порядочное брехло.

АЛЬБУС: Скорпиус, нам нужно кому–нибудь о нём рассказать…

СКОРПИУС: Кому? Министерство однажды уже его прикарманило — ты правда веришь, что они не захотят сохранить его ещё раз? Одни лишь мы с тобой ощутили, насколько он опасен, и это значит, что мы с тобой и должны его ликвидировать. Чтобы никто не мог сделать того, что мы сделали, Альбус. Никто. Довольно! *(с лёгкой ноткой высокомерия в голосе)* Настал час оставить в прошлом возможность вертеть временем!

АЛЬБУС: Тебя же просто прёт от этой фразы, признайся.

СКОРПИУС: Весь день над ней работал.

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ
ХОГВАРТС, СПАЛЬНЯ СЛИЗЕРИНА

ГАРРИ и ДЖИННИ быстро проходят через спальню. За ними по пятам следует КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ.

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Позвольте ещё раз повторить: это против правил, и сейчас середина ночи!

ГАРРИ: Мне нужно найти сына.

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Я знаю, кто вы, мистер Поттер, но даже вы должны понимать, что в соответствии со школьными предписаниями родителям или профессорам доступ в помещения колледжа без официального разрешения…

Позади ГАРРИ и ДЖИННИ появляется ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Крэйг, не нудите.

ГАРРИ: Вы получили наше сообщение? Прекрасно!

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ *(в шоке)*: Директор! Я… я всего лишь…

ГАРРИ откидывает кроватное покрывало.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Улизнул?

ГАРРИ: Да.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: И Малфой тоже?

ДЖИННИ откидывает другое покрывало.

ДЖИННИ: Боже…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Тогда идём переворачивать эту школу вверх дном. Крэйг, для вас будет задание…

ДЖИННИ и ГАРРИ стоят, глядя на кровать.

ДЖИННИ: В чём дело? Разве мы здесь не бывали прежде?

ГАРРИ: На этот раз у меня предчувствия даже хуже, чем раньше…

ДЖИННИ в ужасе глядит на мужа.

ДЖИННИ: Ты до этого с ним беседовал?

ГАРРИ: Да.

ДЖИННИ: Ты пришёл в эту спальню и говорил с ним?

ГАРРИ: Ты же знаешь, что говорил.

ДЖИННИ: Что ты сказал нашему сыну, Гарри?

В её голосе явно слышатся обвиняющие нотки.

ГАРРИ: Я пытался быть честным, как ты и говорила… Я ничего такого не сказал.

ДЖИННИ: И ты держал себя в руках? Надеюсь, разговор шёл не на повышенных тонах?

ГАРРИ: Не думаю, чтобы я… Ты считаешь, что я опять восстановил его против себя?

ДЖИННИ: Гарри, я могу тебя простить за одну ошибку, ну, может, даже за две, но чем больше ошибок ты делаешь, тем труднее с каждым разом тебя прощать.

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ХОГВАРТС, СОВЯТНЯ

СКОРПИУС и АЛЬБУС взбираются на крышу, залитую серебристым светом. Вокруг слышится негромкое уханье.

СКОРПИУС: По–моему, простого Конфринго будет достаточно.

АЛЬБУС: Явно недостаточно. Для такого нужно Экспульсо.

СКОРПИУС: Экспульсо? Одно Экспульсо — и нам придётся собирать осколки Маховика времени, разбросанные по этой совятне, несколько дней.

АЛЬБУС: Бомбарда?

СКОРПИУС: И разбудить всех в Хогвартсе? Может, Окаменелио? Их первоначально именно с помощью Окаменелио и уничтожали…

АЛЬБУС: Именно что уже уничтожали. Давай забабахаем что–нибудь новенькое, прикольное.

СКОРПИУС: Прикольное? Слушай, многие волшебники недооценивают важность правильного выбора заклинания, но это действительно важно. По–моему, это один из самых недооценённых аспектов современного волшебства.

ДЕЛФИ: «Один из самых недооценённых аспектов современного волшебства» — ребята, вы просто великолепны, честно!

СКОРПИУС оборачивается и с удивлением замечает подошедшую к ним сзади ДЕЛФИ.

СКОРПИУС: Ух… ты… э-э… ты что тут делаешь?

АЛЬБУС: Я подумал, что надо и ей сову послать — пускай узнает, что с нами происходило. Разве я неправ?

СКОРПИУС глядит на друга обвиняюще.

Её это тоже касается.

СКОРПИУС размышляет и затем кивает, соглашаясь.

ДЕЛФИ: Что именно меня касается? Ты о чём?

АЛЬБУС вытаскивает Маховик времени.

АЛЬБУС: Нам нужно уничтожить Маховик

времени. После всего, что Скорпиус видел после второго задания… Мне ужасно жаль, но ещё раз так рисковать просто нельзя. Мы не можем спасти твоего двоюродного брата.

ДЕЛФИ переводит взгляд на Маховик времени и затем обратно на ребят.

ДЕЛФИ: Я так мало узнала от твоей совы…

АЛЬБУС: Представь себе наихудший из возможных миров, а затем умножь на два. Людей пытают, везде дементоры, Волан–де–Морт свирепствует, мой отец мёртв, я никогда не рождался, по всему миру Тёмная Магия — мы просто не можем позволить, чтобы это стало нашей реальностью!

ДЕЛФИ какое–то мгновение колеблется, затем её лицо кривится в гримасе.

ДЕЛФИ: Там правил Волан–де–Морт? Он был жив?

СКОРПИУС: Да, он правил всем, и это было ужасно.

ДЕЛФИ: И после какого события это случилось?

СКОРПИУС: Унижение, пережитое Седриком, превратило его в обозлённого на весь мир молодого человека, он стал Пожирателем смерти, и после этого всё пошло наперекосяк. Просто кошмар что было.

ДЕЛФИ с вытянувшимся лицом внимательно

глядит СКОРПИУСУ в глаза.

ДЕЛФИ: Пожирателем смерти?

СКОРПИУС: И убийцей. Он убил профессора Долгопупса.

ДЕЛФИ: Ну, тогда, само собой, нам надо уничтожить его, этот Маховик времени…

АЛЬБУС: Ты же понимаешь, правда?

ДЕЛФИ: Я тебе даже больше скажу — думаю, что и Седрик понял бы. Мы уничтожим его вместе и навестим дядю, чтобы всё объяснить.

АЛЬБУС: Спасибо тебе!

ДЕЛФИ печально улыбается ребятам и берёт в руки Маховик времени. Она глядит на устройство, и выражение её лица слегка меняется.

Ух ты, клёвый знак!

ДЕЛФИ: Что?

За оттопырившимся воротником плаща на шее ДЕЛФИ видна татуировка с Авгуром.

АЛЬБУС: Сзади у тебя. Я её раньше не замечал. Крылатый такой. Это то, что магглы называют татуировкой?

ДЕЛФИ: А, ну да. Это Авгур.

СКОРПИУС: Авгур?

ДЕЛФИ: Разве ты не видел их на уроках по Уходу за волшебными животными? Зловещего вида чёрные птицы, они ещё надрывно кричат перед

самым дождём. Волшебники, как правило, верят, что стоны Авгура возвещают чью–то гибель. Когда я была ребёнком, моя опекунша держала Авгура в клетке.

СКОРПИУС: Твоя… опекунша?

ДЕЛФИ глядит на СКОРПИУСА; теперь Маховик времени у неё, и она наслаждается игрой.

ДЕЛФИ: Она любила повторять, что Авгур плачет, так как видит в грядущем, что я плохо кончу. Не скажу, что я была её любимицей. Юфимия Роули… ей платили золотом, чтобы она присматривала за мной.

АЛЬБУС: Тогда зачем ты сделала татуировку её птицы?

ДЕЛФИ: Она напоминает мне, что будущее я создаю сама.

АЛЬБУС: Круто! Пожалуй, я себе тоже татуировку с Авгуром сделаю.

СКОРПИУС: Роули были отъявленными фанатиками из числа Пожирателей смерти.

Тысячи мыслей одновременно проносятся в голове СКОРПИУСА.

АЛЬБУС: Ладно, давайте думать, как будем уничтожать. Конфринго? Окаменелио? Бомбарда? Что бы ты выбрала?

СКОРПИУС: Отдай его. Отдай нам Маховик

времени.

ДЕЛФИ: Что?

АЛЬБУС: Скорпиус, ты что?

СКОРПИУС: Я не верю в то, что ты когда–либо болела. Почему ты не ходила в Хогвартс? Почему ты сейчас здесь?

ДЕЛФИ: Я стараюсь вернуть своего двоюродного брата!

СКОРПИУС: Это ты — Авгур! Там… в другом мире тебя называли Авгур!

Улыбка медленно наползает на лицо ДЕЛФИ.

ДЕЛФИ: Авгур? А что, мне нравится.

АЛЬБУС: Делфи?

Она действует чрезвычайно быстро, и она намного сильнее ребят. Нацелив палочку, она отражает атаку СКОРПИУСА; тот пытается задержать её, но она быстро одерживает над ним верх.

ДЕЛФИ: Фульгари!

Руки СКОРПИУСА оказываются связанными какой–то светящейся верёвкой, довольно мерзкой на вид.

СКОРПИУС: Альбус, беги!

АЛЬБУС растерянно оглядывается и начинает убегать.

ДЕЛФИ: Фульгари!

АЛЬБУС катится по полу со связанными таким же образом руками.

И это было лишь первое из заклинаний, которое мне придётся к вам применить. Лиха беда начало… Но вас намного легче контролировать, чем Амоса: детишки, особенно мужского пола — они ведь такие внушаемые от природы, не правда ли? Так что давайте со всем этим разберёмся раз и навсегда…

АЛЬБУС: Но почему?.. Но что?.. Да кто ты вообще?

ДЕЛФИ: Я — новое прошлое, Альбус.

Она забирает у АЛЬБУСА палочку и с треском её переламывает.

Я — новое будущее.

Она забирает у СКОРПИУСА палочку и с треском её переламывает.

Я — ответ, который искал этот мир.

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, КАБИНЕТ ГЕРМИОНЫ

РОН сидит на столе ГЕРМИОНЫ и ест кашу.

РОН: Ну не могу я выбросить это из головы, правда. Знать, что в некоторых реальностях мы даже, видите ли, неженаты…

ГЕРМИОНА: Как бы там ни было, Рон, у меня

свободного времени осталось десять минут, а потом припрутся гоблины доставать меня вопросами безопасности в Гринготтсе.

РОН: Я имею в виду, мы так долго были вместе, так долго были женаты… ну то есть *настолько* долго…

ГЕРМИОНА: Рон, если ты таким образом хочешь сообщить, что тебе нужен развод, то я сразу предупреждаю, что воткну в тебя это перо.

РОН: Ну помолчи же! Ты можешь хоть раз помолчать, в виде исключения? Я хотел бы попробовать одну из тех штуковин из разряда возрождения брака, о которых читал. Ну то есть восстановления брака. Что ты об этом думаешь?

ГЕРМИОНА *(слегка смягчаясь)*: Ты хочешь ещё раз на мне жениться?

РОН: Ну, когда мы женились в первый раз, то были слишком молодыми, а я ещё и нарезался вдрызг, поэтому… если честно, мало что помню, и… сказать по правде, я люблю тебя, Гермиона Грейнджер, и что бы ни диктовало нам время, я хотел бы, чтобы у меня была возможность повторить эти слова перед целой толпой. Ещё раз. Трезвым.

Она глядит на мужа, улыбается, притягивает его к себе и целует.

ГЕРМИОНА: У тебя такие сладкие губы…

РОН: Хм, а у твоих губ вкус ирисок…

ГЕРМИОНА смеётся. ГАРРИ, ДЖИННИ и ДРАКО заходят как раз в тот момент, когда ГЕРМИОНА и РОН тянутся друг к другу, чтобы поцеловаться ещё раз. При виде посетителей ГЕРМИОНА и РОН отстраняются друг от друга.

ГЕРМИОНА: Гарри, Джинни! Драко, и ты! Как я рада вас видеть!

ГАРРИ: Сны… Они снова начались — да, собственно, и не прекращались.

ДЖИННИ: И Альбус пропал. Опять.

ДРАКО: И Скорпиус тоже. Мы заставили МакГонагалл обыскать всю школу. Они сбежали.

ГЕРМИОНА: Я немедленно вызываю ауроров, я…

РОН: Не надо, всё в порядке. Я видел Альбуса прошлым вечером — с ним всё было хорошо.

ДРАКО: Где?

Все поворачиваются к РОНУ, тот слегка смущается, но продолжает.

РОН: Я зашёл пропустить пару стаканчиков огневиски с Невиллом в Хогсмиде… как это с вами иногда тоже бывает… ну, чтобы привести мысли в порядок… как это с нами иногда бывает… и мы как раз возвращались — довольно поздно,

даже, можно сказать, очень поздно, и пытались решить, в чей камин перенестись, потому что, когда примешь на грудь, то как–то не хочется переноситься в слишком тесный… ну или с поворотом, или ещё…

ДЖИННИ: Рон, ты можешь перейти к главному, пока мы тебя не задушили?

РОН: Он не сбежал; как раз был момент, когда его не стоило тревожить. Он был с подружкой — между прочим, старше него.

ГАРРИ: Подружка старше него?

РОН: Настоящая милашка — с роскошными серебристыми волосами. Видел их вместе на крыше, рядом с Совятней, а Скорпиус был при них третьим лишним. Приятно знать, что моё любовное зелье нашло себе хорошее применение…

ГАРРИ осеняет мысль.

ГАРРИ: У неё волосы были серебристо–голубые?

РОН: Точно, серебристо–голубые, ага.

ГАРРИ: Он говорит о Делфи Диггори. Племяннице Амоса Диггори.

ДЖИННИ: Опять Седрик?..

ГАРРИ ничего не отвечает и лихорадочно размышляет. ГЕРМИОНА озабоченно обводит всех взглядом, затем открывает дверь и рявкает:

ГЕРМИОНА: Этель! Отставить гоблинов!

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ ВОЛШЕБНИКОВ И ВЕДЬМ ИМЕНИ СВЯТОГО ОСВАЛЬДА, КОМНАТА АМОСА

ГАРРИ входит с палочкой наизготовку, за ним ДРАКО.

ГАРРИ: Где они?

АМОС: Ба, Гарри Поттер! И чем же я могу служить вам, сэр? Ещё и Драко Малфой… Я просто счастлив.

ГАРРИ: Я знаю, как вы использовали моего сына!

АМОС: Я использовал вашего сына? Нет, сэр, это вы использовали моего замечательного сына!

ДРАКО: Отвечай сейчас же: где Альбус и Скорпиус? Иначе у тебя будут такие проблемы, что…

АМОС: А с какой это стати я должен знать, где они?

ДРАКО: Старик, вот только не говори, что у тебя старческий склероз! Я знаю, что ты слал им сов!

АМОС: Даже и не думал.

ГАРРИ: Амос, вам не столько лет, чтоб вас нельзя было упрятать в Азкабан! В последний раз их видели на башне Хогвартса вместе с вашей племянницей, и после этого они исчезли!

АМОС: Не понимаю, о чём вы… *(умолкает, неко-*

торое время о чём–то думает, затем озадаченно спрашивает) С моей племянницей?

ГАРРИ: Это же надо — дойти до такой низости… Да, именно, с вашей племянницей! Или вы будете отрицать, что она действовала по вашему приказу?

АМОС: Конечно, буду! У меня нет никакой племянницы!

ГАРРИ застывает на месте.

ДРАКО: Да как же нет?! Она сиделка, работает здесь! Твоя племянница — Делфини Диггори!

АМОС: Я прекрасно знаю, что никаких племянниц у меня нет и быть не может. Потому что у меня не было ни братьев, ни сестер. И у моей жены тоже.

ДРАКО: Нам надо узнать, кто она такая…

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ХОГВАРТС, ПОЛЕ ДЛЯ ИГРЫ В КВИДДИЧ

В начале действия мы видим ДЕЛФИ, которая наслаждается каждой секундой пребывания в своём изменившемся облике. Суетливость и незащищённость исчезли, их место заняла сила.

АЛЬБУС: Что мы делаем на квиддичном поле?

ДЕЛФИ ничего не отвечает.

СКОРПИУС: Турнир Трех Волшебников… Третье задание… Лабиринт. Здесь был лабиринт. Мы

опять по душу Седрика.

ДЕЛФИ: Правильно. Настало время избавиться от лишних раз и навсегда. Мы снова нападём на Седрика и тем самым возродим мир, который ты, Скорпиус, уже видел.

СКОРПИУС: Это же ад! Ты хочешь воскресить ад?

ДЕЛФИ: Я хочу возвращения к чистой сильной магии. Я хочу возродить Тьму.

СКОРПИУС: Ты хочешь вернуть Волан–де–Морта?

ДЕЛФИ: Истинный единоличный правитель мира волшебников… Он вернётся. С результатами первых двух заданий дело уже нечисто, вы сами замарали их своей магией, во время их проведения уже дважды из будущего переносились, и я не собираюсь рисковать, чтобы меня раскрыли или сбили с толку. А вот с третьим заданием пока всё чисто, так что с него и начнём, не возражаете?

АЛЬБУС: Что бы ты ни заставляла нас делать, мы не будем останавливать Седрика! Мы знаем, что ему надо выиграть турнир — вместе с моим отцом!

ДЕЛФИ: Я не просто хочу, чтобы ты его остановил. Я хочу, чтобы ты его опозорил. Он должен

будет вылететь из этого лабиринта голым на метле из пурпурных метёлочек для пыли. Унижение сработало у вас раньше — и оно сработает у нас ещё раз. И тогда пророчество наконец исполнится.

СКОРПИУС: Какое пророчество? Я понятия не имел ни о каком пророчестве…

ДЕЛФИ: Ты видел мир таким, каким он должен быть, Скорпиус, и сегодня мы будем его возвращать.

АЛЬБУС: Мы этого делать не будем! Мы не будем тебе подчиняться — кем бы ты ни была и что бы ты ни заставляла нас делать!

ДЕЛФИ: Куда вы денетесь…

АЛЬБУС: Тебе придётся использовать Империо, чтобы управлять мной.

ДЕЛФИ: Нет. Чтобы пророчество исполнилось, ты должен будешь действовать по своей воле, а не как моя марионетка. Именно ты должен будешь опозорить Седрика, так что для Империо — не тот случай. Я заставлю тебя действовать другим способом.

Вытаскивает палочку и направляет её на АЛЬБУСА. Тот гордо выпячивает подбородок.

АЛЬБУС: Можешь хоть пытать.

ДЕЛФИ глядит на него — и перенацеливает

палочку на СКОРПИУСА.

ДЕЛФИ: Как скажешь.

АЛЬБУС: Нет!

ДЕЛФИ: Я так и думала, что это напугает тебя сильнее.

СКОРПИУС: Альбус, что бы она со мной ни делала — мы не можем ей позволить…

ДЕЛФИ: Круцио!

СКОРПИУС пронзительно кричит от боли.

АЛЬБУС: Я…

ДЕЛФИ *(смеясь)*: Что? Что, чёрт побери, ты можешь сделать? Признать, что ты — разочарование мира волшебников? Паршивая овца семейного стада? Тот, кто оказался лишним на самом деле? Хочешь, чтобы я перестала мучить твоего единственного друга? Тогда делай что говорю.

Смотрит на АЛЬБУСА и отмечает непокорность в его взгляде.

Нет? Круцио!

АЛЬБУС: Перестань! Пожалуйста!

Появляется КРЭЙГ, вид у него бодрый.

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Скорпиус? Альбус? Вас же все ищут…

АЛЬБУС: Крэйг, беги отсюда! Зови на помощь!

КРЭЙГ БОУКЕР МЛАДШИЙ: Что происходит?

ДЕЛФИ: Авада Кедавра!

Струя зелёного света из палочки ДЕЛФИ летит через всю сцену и врезается КРЭЙГУ в грудь; тот отлетает назад и падает навзничь — уже мёртвый.

Настаёт тишина. Кажется, что эта тишина будет вечной.

Ты разве не понял? Все эти детские игры кончились. Ты мне нужен, твои друзья — нет.

АЛЬБУС и СКОРПИУС смотрят на тело КРЭЙГА, парализованные ужасом.

Я долго пыталась определить твоё слабое место, Альбус Поттер. Думала, это гордыня, желание произвести впечатление на отца. Но затем поняла, что у тебя та же ахиллесова пята, что и у твоего папаши: дружба. Ты будешь делать то, что тебе прикажут, иначе Скорпиус умрёт — так же, как умер *лишний*.

Глядит на ребят.

Волан–де–Морт вернётся, и Авгур будет сидеть подле него. Именно так, как было сказано в пророчестве. «Когда от лишних избавятся, когда время повернётся вспять, когда незримые дети навлекут погибель на своих отцов — в тот день Тёмный лорд восстанет из мёртвых».

ДЕЛФИ улыбается и резким рывком подтягива-

ет к себе СКОРПИУСА.

Седрик — лишний, а Альбус…

Резким рывком подтягивает к себе АЛЬБУСА.

Альбус — незримое дитя, которое навлечёт погибель на своего отца, переписав книгу времени и тем самым вернув миру Тёмного лорда.

Маховик времени начинает вращаться. Она протягивает к нему руки.

Вперёд!

Ослепительная вспышка света озаряет всё вокруг. За ней следует оглушительный грохот.

Время останавливается. Потом разворачивается в обратную сторону, некоторое время размышляет — и начинает перематываться назад. Вначале медленно…

…а затем ускоряется.

Слышится звук — словно кто–то высасывает остатки коктейля через соломинку. И за ним следует оглушительный БУМ…

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

ТУРНИР ТРЕХ ВОЛШЕБНИКОВ, ЛАБИРИНТ, 1995

Лабиринт представляет собой изгородь в форме спирали, которая всё время находится в движении. ДЕЛФИ целеустремлённо прокладывает через неё путь, таща за собой АЛЬБУСА и

СКОРПИУСА. Руки у них связаны, ноги двигаются явно против воли владельцев.

ЛЮДО БЭГМЕН: Леди и джентльмены! Юноши и девушки! Представляю вам величайший! фантастический! единственный в своём роде! ТУРНИР ТРЕХ ВОЛШЕБНИКОВ!!!

Слышен радостный рёв болельщиков. ДЕЛФИ поворачивает налево.

Если вы из Хогвартса. поприветствуйте своих!

Слышен радостный рёв болельщиков.

Если вы из Дурмстранга — поприветствуйте своих!

Слышен радостный рёв болельщиков.

А

ЕСЛИ ВЫ ИЗ ШАРМБАТОНА — ПОПРИВЕТСТВУЙТЕ СВОИХ!

Слышны наигранно восторженные возгласы.

ДЕЛФИ и мальчики вынуждены всё время двигаться — изгородь смыкается за их спинами.

Наконец–то французы смогли показать нам, на что они способны! Леди и джентльмены, сегодня у нас последнее задание Турнира Трех Волшебников: лабиринт тайн, рассадник необузданной тьмы! И он живой! Живой!

ВИКТОР КРАМ пересекает сцену, двигаясь через лабиринт.

Но зачем же рисковать, пытаясь преодолеть это живое воплощение ночных кошмаров? А затем, что внутри этого лабиринта находится кубок! И не просто какой–то там кубок — внутри этих зелёных насаждений спрятан приз за победу в Турнире Трех Волшебников!

ДЕЛФИ: Где он? Где Седрик?

Изгородь угрожающе шевелится, явно собираясь превратить АЛЬБУСА и СКОРПИУСА в фарш.

СКОРПИУС: Изгородь тоже хочет нас прикончить? М-да, час от часу не легче.

ДЕЛФИ: Топай давай. Или потом не жалуйся.

ЛЮДО БЭГМЕН: От опасностей тут не продохнуть, но ведь кто не рискует, тот не пьёт шампанское! Кто прорвётся к призу, сметая всё на своём пути? Кто спасует перед финишной изгородью? Что за героев мы воспитали в своём коллективе? Время покажет, леди и джентльмены, только время и покажет.

СКОРПИУС и АЛЬБУС, подгоняемые ДЕЛФИ, идут по лабиринту. Она шагает впереди, и у мальчиков есть возможность переговариваться.

СКОРПИУС: Альбус, надо что–то делать!

АЛЬБУС: Знаю, но что? Она сломала наши палочки, связала нас и угрожает тебя убить.

СКОРПИУС: Я готов умереть, если это помешает

ей вернуть Волан–де–Морта.

АЛЬБУС: Ты что?!

СКОРПИУС: Ничего, тебе не придётся долго меня оплакивать: прикончив меня, она сразу же расправится и с тобой.

АЛЬБУС *(в отчаянии)*: А этот дефект Маховика времени — правило пяти минут? Давай что–нибудь сделаем, чтобы остановить часы!

СКОРПИУС: Не думаю, что сработает…

Как только очередная изгородь меняет направление движения, ДЕЛФИ тянет с собой АЛЬБУСА и СКОРПИУСА, и те продолжают плестись по этому лабиринту отчаяния.

ЛЮДО БЭГМЕН: А теперь позвольте напомнить вам о нынешнем турнирном положении участников. Никто так и не смог потеснить с первого места мистера Седрика Диггори и мистера Гарри Поттера! На втором месте — мистер Виктор Крам! И на третьем месте — *мон дьё*, божественная мисс Флёр Делакур!

Внезапно из–за изгороди выбегают АЛЬБУС и СКОРПИУС.

АЛЬБУС: Куда она побежала?

СКОРПИУС: Да какая разница! Лучше подумай, куда сами будем бежать…

За их спинами в воздух взмывает ДЕЛФИ, легко

обходясь без метлы.

ДЕЛФИ: Жалкие твари!

Сбивает мальчиков с ног.

Думали, сможете от меня удрать?

АЛЬБУС *(в изумлении)*: Ты ведь даже… даже не на метле!

ДЕЛФИ: Мётлы… Весьма неудобные, да и ненужные штуковины. Уже три минуты прошли. Осталось две минуты. И вы будете делать то, что я вам прикажу.

СКОРПИУС: Нет. Не будем.

ДЕЛФИ: Думаешь, у тебя получится как–то мне противостоять?

СКОРПИУС: Нет. Но мы можем не подчиниться тебе. Ценой своих жизней.

ДЕЛФИ: Пророчество должно исполниться! И мы его исполним.

СКОРПИУС: Исполнению пророчества можно помешать!

ДЕЛФИ: Ошибаешься, дитя. Пророчества и есть будущее.

СКОРПИУС: Но если пророчество непременно исполнится — зачем тогда мы сюда прибыли и стараемся на него повлиять? Твои действия противоречат твоим словам: ты тащишь нас через весь лабиринт, потому что веришь, что этому

твоему пророчеству нужен шанс, чтобы осуществиться, и по этой логике пророчеству вполне можно помешать!

ДЕЛФИ: Ты слишком много болтаешь, мальчишка! Круцио!

Тело СКОРПИУСА выгибается от боли.

АЛЬБУС: Скорпиус!

СКОРПИУС: Ты… ты хотел испытания, Альбус?.. вот тебе… испытание… мы его… проходим…

АЛЬБУС глядит на СКОРПИУСА — до него наконец доходит замысел друга. Он кивает.

ДЕЛФИ: Тогда ты умрёшь.

АЛЬБУС *(уверенным голосом)*: Именно. Мы умрём. Радуясь, что тем самым остановили тебя.

Лицо ДЕЛФИ перекашивает от ярости.

ДЕЛФИ: У нас нет для этого времени. Кру…

НЕЗНАКОМЫЙ ГОЛОС: Разоружармус!

Бац! Палочка ДЕЛФИ отлетает в сторону. Ошарашенный СКОРПИУС глядит во все глаза.

Рукофиксо!

И ДЕЛФИ оказывается связанной. СКОРПИУС и АЛЬБУС одновременно поворачиваются в ту сторону, откуда прилетела световая струя последнего заклинания, и таращатся в изумлении на молодого красивого парня лет семнадцати — СЕДРИКА.

СЕДРИК: Ни шагу дальше!

СКОРПИУС: Ты же…

СЕДРИК: Седрик Диггори. Я услышал крики, пришлось сюда завернуть. Назовите себя, неизвестные создания, чтобы я мог сразиться с вами!

АЛЬБУС привстаёт, не помня себя от удивления.

АЛЬБУС: Седрик?!

СКОРПИУС: Ты спас нас!

СЕДРИК: Вы тоже часть задания? Или препятствие? Да отвечайте же! Я и вас должен победить?

Тишина.

СКОРПИУС: Нет, ты должен только освободить нас — и всё. Задание в этом и состоит.

СЕДРИК размышляет, пытаясь прикинуть, не ловушка ли это, и затем взмахивает палочкой.

СЕДРИК: Вызволио! Вызволио!

Верёвки, стягивающие руки мальчиков, исчезают.

Всё? Я могу идти дальше по лабиринту?

Ребята глядят на СЕДРИКА в немом отчаянии.

АЛЬБУС: Боюсь, тебе действительно придётся идти дальше по лабиринту…

СЕДРИК: Тогда я пошёл.

СЕДРИК уходит уверенным шагом. АЛЬБУС глядит ему вслед; ему отчаянно хочется что–то сказать, но он не уверен насчёт того, что именно надо сказать.

АЛЬБУС: Седрик…

СЕДРИК поворачивается к нему.

Твой отец очень тебя любит.

СЕДРИК: Чего?..

ДЕЛФИ за их спинами начинает ползти по земле, извиваясь всем телом.

АЛЬБУС: Я просто подумал, что ты должен это знать.

СЕДРИК: Да? Ну… спасибо.

СЕДРИК бросает на АЛЬБУСА ещё один взгляд и уходит. ДЕЛФИ вытаскивает из мантии Маховик времени.

СКОРПИУС: Альбус!

АЛЬБУС: Нет! Стой!..

СКОРПИУС: Маховик времени начал вращаться! Смотри, что она делает! Нельзя допустить, чтобы она перенеслась без нас!

АЛЬБУС и СКОРПИУС, мешая друг другу, пытаются уцепиться за Маховик времени.

Ослепительная вспышка света озаряет всё вокруг. За ней следует оглушительный грохот.

Время останавливается. Потом разворачи-

вается в обратную сторону, некоторое время размышляет — и начинает перематываться назад. Вначале медленно…

…а затем ускоряется.

Альбус…

АЛЬБУС: Что это мы сделали?

СКОРПИУС: Надо было хватать Маховик времени и бежать, надо было попытаться её остановить…

ДЕЛФИ: Остановить меня? Вы правда думаете, что можете меня остановить? Ладно, пора уже покончить со всем этим. Может, вы и не дали мне возможности использовать Седрика, чтобы отправить мир во тьму, но ты, Скорпиус, пожалуй, прав: скорее всего, пророчествам и вправду можно помешать, можно не дать им исполниться. Наверняка я только одно знаю: я больше не буду пытаться как–то использовать таких докучливых неумех, как вы. Не собираюсь тратить на вас драгоценные мгновения. Пора испробовать что–нибудь новое.

Она разбивает Маховик времени, и тот разлетается тысячью осколков.

ДЕЛФИ опять взмывает в воздух и ликующе хохочет, улетая прочь.

Мальчики пытаются бежать за ней, но тут

же понимают, что догнать по земле летящую девушку нет никакой возможности.

АЛЬБУС: Нет… Нет… Ты не можешь так…

СКОРПИУС поворачивается и начинает собирать осколки Маховика времени.

Что с Маховиком времени? Он уничтожен?

СКОРПИУС: Вдребезги. Теперь мы здесь застряли. Застряли во времени. Уже без разницы, в каком мы времени. И без разницы, что́ она планирует.

АЛЬБУС: С Хогвартсом вроде всё как обычно.

СКОРПИУС: Это да. Кстати, нельзя допустить, чтобы нас здесь увидели. Давай куда–нибудь скроемся, пока нас не заметили.

АЛЬБУС: Мы должны остановить её, Скорпиус.

СКОРПИУС: Знаю, что должны. Но как?

АКТ ТРЕТИЙ, СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ ВОЛШЕБНИКОВ И ВЕДЬМ ИМЕНИ СВЯТОГО ОСВАЛЬДА, КОМНАТА ДЕЛФИ

ГАРРИ, ГЕРМИОНА, РОН, ДРАКО и ДЖИННИ изучают простую обстановку комнаты, отделанной дубовыми панелями.

ГАРРИ: Думаю, что она наложила на него Конфундус. И на всех остальных тоже. Притворялась сиделкой, притворялась его племянницей.

ГЕРМИОНА: В Министерстве как раз закончили

проверку — о ней нет никаких записей. Прямо тень какая–то.

ДРАКО: Специалист ревелио!

Все поворачиваются к ДРАКО и смотрят на него.

Нет, ну а чего вы ждали? Попробовать, по крайней мере, стоило. Нам ничего не известно, остаётся просто надеяться, что в этой комнате что–нибудь спрятано.

ДЖИННИ: Где она может что–нибудь спрятать? Тут обстановка прямо спартанская.

РОН: А панели? За панель можно что–нибудь засунуть.

ДРАКО: Или в кровать.

ДРАКО принимается за исследование кровати, ДЖИННИ изучает керосиновую лампу, остальные начинают осматривать деревянные панели на стенах.

РОН *(теряет терпение, стучит по стене и кричит)*: Где тут тайник? Что за тобой находится, чёрт тебя подери?

ГЕРМИОНА: А давайте на минутку прекратим искать и подумаем, что именно…

В этот момент ДЖИННИ отвинчивает от керосинки стекло — и вдруг слышится шум, похожий на выдох, затем раздаётся шипение, в

котором различаются слова. Все поворачивают головы в сторону лампы.

Что это было?

ГАРРИ: Это… ну вообще–то, не предполагалось, что я смогу понять… Это Змеиный язык.

ГЕРМИОНА: И о чём там говорилось?

ГАРРИ: Да откуда мне знать? Я перестал понимать Змеиный язык с того времени, как Волан–де–Морт умер.

ГЕРМИОНА: Ага, и шрам у тебя не болит с того же времени…

ГАРРИ глядит на ГЕРМИОНУ.

ГАРРИ: Там говорилось «Добро пожаловать, Авгур». Думаю, надо произнести эти слова, чтобы открылось…

ДРАКО: Ну так давай произноси!

ГАРРИ закрывает глаза и говорит на Змеином языке.

Комната вокруг них меняется, в ней становится темнее, начинает ощущаться какая–то безысходность; на стенах во множестве сплетаются между собой нарисованные змеи.

А поверх них проявляется пророчество, написанное флуоресцентной краской.

Что тут написано?

РОН: «Когда от лишних избавятся, когда время

повернётся вспять, когда незримые дети навлекут погибель на своих отцов — в тот день Тёмный лорд восстанет из мёртвых».

ДЖИННИ: Пророчество. Новое пророчество.

ГЕРМИОНА: Седрик… Седрик был назван лишним.

РОН: Когда время повернётся вспять — это значит, что ей в руки попал тот самый Маховик времени?

Их лица вытягиваются.

ГЕРМИОНА: Наверняка.

РОН: Но зачем ей нужны были Скорпиус или Альбус?

ГАРРИ: Затем, что я — тот, кто не видел своего ребёнка. Не понимал своего ребёнка…

ДРАКО: Кто она такая? С чего она на всём этом помешалась?

ДЖИННИ: Мне кажется, я знаю ответ на этот вопрос.

Все поворачиваются к ДЖИННИ, смотрят, куда она указывает, — и их лица бледнеют и вытягиваются ещё сильнее.

На всех стенах зрительного зала проявляются слова — опасные слова, ужасные слова.

«Я верну в мир Тьму. Я верну своего отца».

РОН: Нет… Она не сможет…

ГЕРМИОНА: Да как же это?..

ДРАКО: У Волан–де–Морта была дочь?!

Глядят друг на друга, охваченные ужасом. ДЖИННИ берёт ГАРРИ за руку.

ГАРРИ: Нет… Нет, нет… Только не это… Всё что угодно, только не это…

Затемнение.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ,

СЦЕНА ПЕРВАЯ
МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, БОЛЬШОЙ КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ

Большой конференц–зал битком набит волшебниками и ведьмами, прибывшими из разных краёв. ГЕРМИОНА взбирается на наскоро возведённую сцену и поднимает руку, требуя тишины. Настаёт тишина. Гермиона удивлена тем, как легко удалось её добиться, и обескураженно вертит головой.

ГЕРМИОНА: Благодарю. Мне очень приятно, что столь многие из вас смогли уделить… прибыть на второе внеочередное общее собрание. Нам нужно кое–что обсудить, и я прошу вас начать обсуждение вопросов — а их будет много! — только после того, как я закончу говорить.

Как известно многим из вас, в Хогвартсе нашли тело ученика. Его звали Крэйг Боукер. Он был хорошим мальчиком… У нас нет точной информации о том, кто несёт ответственность за это преступление, однако вчера мы совершили обыск в Доме престарелых имени святого Освальда и в одной из комнат нас ждали две находки. Одна из них — пророчество, возвещающее возрождение тьмы, вторая — написанная на потолке фраза, в которой по сути сообщается, что у Тёмного лорда… что у Волан–де–Морта был ребёнок.

Новость эхом разносится по залу.

Всех подробностей мы ещё не знаем, расследование только начато — мы опрашиваем тех, кто был связан с Пожирателями смерти. И так как ни о ребёнке, ни о пророчестве мы пока не смогли найти никаких записей, похоже на то, что эти находки надо воспринимать серьёзно. Ребёнка ограждали от мира волшебников, и в настоящее время она… короче говоря, сейчас она…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Она? Это дочь? У него была дочь?

ГЕРМИОНА: Да. Дочь.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Надеюсь, она сейчас под стражей?

ГАРРИ: Профессор, Гермиона просила пока обо-

ждать с вопросами.

ГЕРМИОНА: Ничего, Гарри, всё нормально. Нет, профессор, с этого момента начинаются ещё худшие новости. Боюсь, у нас нет возможности взять её под стражу или даже помешать её что–либо делать. Она вне досягаемости.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Разве мы не можем заняться её поисками?

ГЕРМИОНА: У нас есть все основания считать, что она скрылась… что она скрылась во времени.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Поразительно! Вы не уничтожили Маховик времени даже после всех тех безрассудных глупостей, которые совершили?

ГЕРМИОНА: Профессор, заверяю вас…

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: Вам должно быть стыдно, Гермиона Грейнджер!

ГЕРМИОНА меняется в лице от гнева.

ГАРРИ: Извините, но она этого не заслуживает. У вас есть основания сердиться. У всех вас. Но виновата не одна Гермиона. Мы не знаем, как к этой ведьме попал Маховик времени. Не исключено, что ей передал его мой сын.

ДЖИННИ: Не исключено, что ей передал его *наш* сын. И не исключено, что Маховик времени

у него украли.

ДЖИННИ взбирается на сцену и становится рядом с ГАРРИ.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: То, как вы защищаете друг друга, достойно восхищения, но это не даёт вам право допускать подобную халатность.

ДРАКО: Тогда и я должен ответить за халатность.

ДРАКО взбирается на сцену и становится рядом с ДЖИННИ — как в фильме Стенли Кубрика, когда скованные рабы наперебой объявляют себя Спартаком, стараясь выгородить настоящего Спартака. В зале слышатся удивлённые возгласы.

Гермиона и Гарри не делали ничего дурного — они хотели нас всех защитить. Если они виноваты, то и я тоже.

Тронутая до глубины души ГЕРМИОНА обводит взглядом своих соратников, к которым присоединяется и РОН.

РОН: Чисто для информации: о большей части всего этого я мало что знал, поэтому не могу принять на себя ответственность, и я уверен, что мои дети со всем этим никак не связаны, но если эти люди здесь стоят — я тоже буду стоять рядом с ними.

ДЖИННИ: Никто не знает, где они. Нам даже неизвестно, вместе они или порознь. Я верю, что наши сыновья будут делать всё, чтобы её остановить, но…

ГЕРМИОНА: Мы ни за что не перестанем их разыскивать. Мы уже искали у великанов, у троллей — везде где только можно. Ауроры рыщут повсюду, пытаются отыскать любые зацепки, допрашивают тех, кто хранит тайны, следят за теми, кто не хочет тайнами делиться.

ГАРРИ: Как бы то ни было, факт остаётся фактом: где–то в прошлом находится ведьма, которая старается переписать всю нашу сегодняшнюю жизнь наново, и всё, что нам остаётся, это ждать. Ждать момента, когда станет ясно — получилось у неё задуманное или не получилось.

ПРОФЕССОР МАКГОНАГАЛЛ: И что будет, если у неё получится?

ГАРРИ: Тогда — как и в прошлый раз — большинство из тех, кто находится в этой комнате, перестанет существовать. Нас больше не будет на этом свете, и всем будет заправлять Волан–де–Морт.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ВТОРАЯ

ШОТЛАНДСКОЕ ВЫСОКОГОРЬЕ, железнодорожная станция АВИМОР, 1981 ГОД

АЛЬБУС и СКОРПИУС с опаской глядят на НАЧАЛЬНИКА ВОКЗАЛА.

АЛЬБУС: Но ведь кто–то из нас должен с ним поговорить…

СКОРПИУС: Ага. Здравствуйте, господин начальник вокзала! Мистер маггл, у меня вопрос: вы тут не замечали пролетающую ведьму? Кстати, а какой год сейчас? Мы только что сбежали из Хогвартса, потому что боялись, что нарушим нормальный порядок вещей, но здесь вроде всё в порядке?

АЛЬБУС: Знаешь, что меня бесит больше всего? То, что папа думает, что мы это сделали умышленно.

СКОРПИУС: Альбус, ты что, серьёзно? Реально серьёзно? Мы попались в ловушку, затерялись во времени, не исключено, что и навсегда, а ты беспокоишься, что об этом может подумать твой отец?! Я вас обоих никогда не пойму.

АЛЬБУС: Слишком много придётся учесть, чтобы понять. Папа — он такой сложный человек…

СКОРПИУС: А ты — нет? Не хочу ставить под сомнение твои предпочтения в отношении женщин, но твой последний выбор… как бы тебе это сказать…

Оба прекрасно понимают, что СКОРПИУС име-

ет в виду.

АЛЬБУС: Да я просто не тем местом думал, ты разве не видел? В смысле, то, что она сотворила с Крэйгом…

СКОРПИУС: Давай забудем об этом. Давай задумаемся над тем, что у нас нет ни волшебных палочек, ни мётел, ни способа вернуться в своё время. Всё, что у нас есть — это наши мозги и в придачу… нет, увы, только мозги, и мы должны её остановить.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА *(с сильным шотландским акцентом)*: Ребиата, а ви в курси, што поезд до Старово Димокура опаздиваит?

СКОРПИУС: Простите, что вы сказали?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА: Если ви ждьоте поезд до Старово Димокура… ну, в смисле, до Единбурга, то я дольжен вам сказать, что он опаздиваит. Он сичас где–то в пути. Посмотрити в уточньонном росписании.

Глядит на ребят, те отвечают непонимающими взглядами. Он недовольно хмурится и вручает им уточнённое расписание, тыкая пальцем в нужное место.

Опаздиваит!

АЛЬБУС берёт расписание и углубляется в него. По мере усвоения огромного объёма информации

его лицо становится всё более сосредоточенным. СКОРПИУС пялится на НАЧАЛЬНИКА ВОКЗАЛА.

АЛЬБУС: Я знаю, где она.

СКОРПИУС: Правда? Откуда ты узнал?

АЛЬБУС: Посмотри на дату расписания.

СКОРПИУС наклоняется и читает.

СКОРПИУС: Тридцатое октября тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Тридцать девять лет назад. Через пару суток — день всех святых. Но при чём тут она? Ох…

Лицо СКОРПИУСА вытягивается — он всё понял.

АЛЬБУС: Смерть моих дедушки и бабушки. Нападение на моего отца, когда он был ещё младенцем. Момент, когда заклятие Волан–де–Морта поразило его самого. Она не пытается осуществить своё пророчество — она пытается сделать так, чтобы не сбылось другое, более важное…

СКОРПИУС: Более важное?

АЛЬБУС: «Победитель Тёмного Лорда грядет — родится, семь месяцев лишь истечёт…»

Подключается СКОРПИУС.

СКОРПИУС и АЛЬБУС: «…у тех, кто уж трижды бросал ему вызов, и равным отметит его Тёмный Лорд…»

Лицо СКОРПИУСА вытягивается с каждым

словом.

СКОРПИУС: Это моя вина. Я говорил ей, что пророчеству можно помешать осуществиться, я говорил ей, что вся логика, касающаяся пророчества, сомнительна…

АЛЬБУС: Через двадцать четыре часа Волан–де–Морт поразит себя заклятием, пытаясь убить Гарри Поттера в младенчестве. Делфи пытается помешать этому заклятию — она сама планирует убить Гарри. Нам надо добраться до Годриковой впадины. Как можно скорее.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ТРЕТЬЯ
ГОДРИКОВА ВПАДИНА, 1981 ГОД

АЛЬБУС и СКОРПИУС идут по главной улице Годриковой впадины — красивой оживлённой деревеньки.

СКОРПИУС: Ну, видимых признаков нападения я не наблюдаю.

АЛЬБУС: Это точно Годрикова впадина?

СКОРПИУС: Разве отец никогда не привозил тебя сюда?

АЛЬБУС: Не-а. Он хотел несколько раз взять меня с собой, но я отказывался…

СКОРПИУС: В любом случае, сейчас не время для осмотра достопримечательностей — у нас на повестке дня спасение мира от ведьмы–убийцы…

Но всё–таки посмотри, какая церковь! Это наверняка церковь святого Иеронима…

Он указывает на церковь, и та начинает проявляться.

АЛЬБУС: Просто великолепная.

СКОРПИУС: А на кладбище святого Иеронима *(показывает в другом направлении)* якобы всегда полным–полно великолепных привидений; именно там будет установлена статуя–памятник в честь Гарри и его родителей…

АЛЬБУС: Отцу поставили памятник?!

СКОРПИУС: Ещё нет. Но поставят. Надеюсь… А это — дом, где жила Батильда Бэгшот… ну то есть живёт.

АЛЬБУС: Та самая Батильда Бэгшот? Которая написала «Историю Магии» Батильды Бэгшот?

СКОРПИУС: Та самая. Ух ты, так вон же она! Вау! Я тащусь… Моему внутреннему заучке прямо бальзам на душу.

АЛЬБУС: Скорпиус!

СКОРПИУС: А вот и он…

АЛЬБУС: Дом Джеймса, Лили и Гарри Поттеров…

Молодые обаятельные супруги выходят из дома, толкая перед собой сидячую коляску с младенцем. АЛЬБУС делает движение, чтобы

подойти к ним, но СКОРПИУС удерживает его.

СКОРПИУС: Они не должны увидеть тебя, Альбус, это может повредить структуру времени! Нельзя этого делать. Не в этот раз.

АЛЬБУС: Но это же означает, что мы успели! Она ещё не…

СКОРПИУС: Оно–то так, но что нам теперь делать? Готовиться к драке с ней? Она же… бесноватая!

АЛЬБУС: М-да, это мы и вправду как–то не продумали… Давай сейчас всё обмозгуем — что нам делать и как защитить отца.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ
МИНИСТЕРСТВО МАГИИ, КАБИНЕТ ГАРРИ

ГАРРИ торопливо листает какие–то документы.

ДАМБЛДОР: Добрый вечер, Гарри.

Пауза. ГАРРИ глядит на портрет ДАМБЛДОРА, его лицо безучастно.

ГАРРИ: Профессор Дамблдор? В моём кабинете? Это честь для меня… Хотите сказать, что я должен быть в гуще событий сегодня ночью?

ДАМБЛДОР: Чем ты занимаешься?

ГАРРИ: Разбираюсь с документацией, смотрю, не упустил ли чего важного. Собираю силы, чтобы хоть как–то сопротивляться врагу. Думаю о том,

что сражение происходит где–то за тридевять земель от нас. Что ещё я могу делать?

Пауза. ДАМБЛДОР ничего не отвечает.

Где вы были всё это время, Дамблдор?

ДАМБЛДОР: Сейчас я здесь.

ГАРРИ: Здесь — когда битва проиграна… Или вы хотите сказать, что Волан–де–Морт может и не вернуться?

ДАМБЛДОР: Может, и так…

ГАРРИ: Ой, да перестаньте… Уходите. Вам здесь делать нечего, вы мне не нужны. Вас не было рядом каждый раз, когда пахло жареным. Я три раза сражался с ним без вас. Если понадобится — ещё раз встречусь. В одиночку.

ДАМБЛДОР: Гарри, ты же не думаешь, что мне не хотелось драться с ним вместо тебя? Если бы я мог тебя заменить — не задумался бы ни на секунду…

ГАРРИ: «Любовь нас ослепляет»… Вы хоть знаете, что это значит? Вы хоть знаете, каким никудышным был тот ваш совет? Мой сын сражается вместо нас — точно так, как я вынужден был сражаться вместо вас. Тем самым я доказал, что я такой же плохой отец ему, каким вы были мне. Оставил ребёнка там, где его никто не любил, позволял крепнуть его обидам — мальчику

долгие годы понадобились, чтобы понять…

ДАМБЛДОР: Если ты имеешь в виду Тисовую улицу, то…

ГАРРИ: Годы! *Долгие годы* я жил там совсем один, понятия не имея, кто я, почему здесь живу, есть ли вообще кому до меня дело!

ДАМБЛДОР: Я не хотел привязаться к тебе…

ГАРРИ: Защищая себя — даже тогда!

ДАМБЛДОР: Нет. Я защищал тебя. Я не хотел навредить тебе…

ДАМБЛДОР пытается выбраться за рамки портрета, но у него ничего не получается. На его глазах слёзы, но он старается их не показывать.

Но я должен был встретиться с тобой в самом конце! Тебе было одиннадцать, и ты был таким храбрым, таким хорошим мальчиком… Ты шёл стиснув зубы и ни на что не жалуясь по проложенной для тебя дороге. Конечно же, я любил тебя. И я знал, что это произойдёт ещё раз. Я знал, что моя любовь обязательно нанесёт непоправимый вред. Мне нельзя любить… От моей любви всегда становилось только хуже…

Пауза.

ГАРРИ: Мне было бы не так больно, если бы вы всё это сказали мне ещё тогда.

ДАМБЛДОР *(уже не скрывая слёз)*: Я был слеп. С

теми, кто любит, обычно так и происходит. Я так и не смог понять, что тебе нужно было услышать, что такой замкнутый, изворотливый, опасный старик… любит тебя.

Пауза. Оба мужчины пытаются сдержать эмоции.

ГАРРИ: Я никогда не жаловался, это правда…

ДАМБЛДОР: Гарри, во всём этом суматошном эмоциональном мире не найдётся ответов, которые учитывали бы всё. Совершенства людям не достичь, да и магия тут спасует. Любой момент торжества счастья омрачается этой каплей яда — осознанием того, что боль придёт опять. Будь честен с теми, кто тебя любит, показывай свою боль. Страдать для человека так же естественно, как и дышать.

ГАРРИ: Вы мне это уже говорили раньше.

ДАМБЛДОР: Это всё, что я могу тебе сегодня предложить.

Собирается уходить.

ГАРРИ: Не уходите!

ДАМБЛДОР: Те, кого мы любим, на самом деле никогда не покидают нас, Гарри. Есть вещи, которых смерть не может коснуться. Боль… воспоминания… любовь, наконец.

ГАРРИ: Я тоже любил вас, Дамблдор…

ДАМБЛДОР: Знаю.

Исчезает. ГАРРИ остаётся один. На пороге появляется ДРАКО.

ДРАКО: А знаешь ли ты, что в этой самой другой реальности — реальности, которую наблюдал Скорпиус, — я был начальником Отдела исполнения магических законов? Может, этот кабинет уже скоро будет моим… Эй, с тобой всё в порядке?

ГАРРИ до сих пор поглощён своими обидами.

ГАРРИ: Заходи. Проведу для тебя экскурсию.

ДРАКО нерешительно входит и осматривается, кривя лицо в гримасе.

ДРАКО: Видишь ли, в чём дело… Меня никогда не прельщала карьера министерского чиновника. Даже когда я был ребёнком. Отец об ином и не мечтал, я — никогда.

ГАРРИ: А что тебе нужно было от жизни?

ДРАКО: Квиддич. Но в нём я оказался недостаточно хорош. Главное, чего мне хотелось, это быть счастливым.

ГАРРИ кивает. ДРАКО задерживает на нём взгляд.

Ладно, мне никогда особо не удавались вступительные разговоры; давай тогда перейдём к серьёзному делу?

ГАРРИ: Конечно. Что за серьёзное дело?

Пауза.

ДРАКО: Как ты думаешь, у Теодора Нотта был единственный Маховик времени?

ГАРРИ: Что?!

ДРАКО: Маховик времени, который отобрало у него Министерство, был всего лишь прототипом. Из дешёвого металла. Да, он действительно работал. Но во времени мог переноситься только на срок, равный пяти минутам: был у него такой серьёзный дефект, который превращал его в неподходящий товар для настоящих коллекционеров артефактов Тёмной магии.

До ГАРРИ доходит смысл слов ДРАКО.

ГАРРИ: Нотт работал на тебя?!

ДРАКО: Нет. На отца. Отец любил владеть разными штуковинами, которых не было больше ни у кого. А министерские Маховики времени — спасибо Прорицату! — были для него всего лишь скучными безделушками. Ему нужна была возможность переноситься во времени дальше, чем на час, он хотел отматывать в прошлое целые годы… Он им так никогда не воспользовался. Думаю, он втайне предпочитал мир без Волан–де–Морта. Но — да, Маховик времени делали для него.

ГАРРИ: И он у тебя?..

ДРАКО достаёт Маховик времени.

ДРАКО: Никакой проблемы пяти минут. Ещё и с золотистым блеском — всё, как любят Малфои. Чего скалишься?

ГАРРИ: По–моему, главной причиной, по которой Гермиона сохранила первый Маховик времени, была боязнь того, что может всплыть и второй. Между прочим, если придраться, то тебя легко можно отправить в Азкабан.

ДРАКО: Ты ещё прикинь, что можно выбирать разные варианты развития событий. Прикинь, что случилось бы, если бы люди знали, что я могу путешествовать во времени. Прикинь, какие слухи вспыхнули бы с новой силой.

ГАРРИ глядит на ДРАКО, прекрасно его понимая.

ГАРРИ: Скорпиус?

ДРАКО: Мы могли иметь детей — но у Астории со здоровьем были нелады. Испорченная проклятием кровь, серьёзное недомогание. Проклятие наложили на её предка, но отголоски зацепили и её саму. Ну, знаешь, как это всё может проявляться в последующих поколениях…

ГАРРИ: Сочувствую, Драко…

ДРАКО: Я не хотел рисковать её здоровьем и

говорил, что для меня не имеет значения то, что на мне прервётся род Малфоев… что бы там ни говорил отец. Но Астория — она хотела ребёнка не для продолжения рода Малфоев, не для чистоты крови и не для славы. Она хотела его просто для нас. И вот Скорпиус, наш ребёнок, родился! Это был лучший день как в моей, так и в её жизни, хотя после родов Астория очень ослабела. Мы все трое тогда перебрались в одно укромное место, я хотел, чтобы она поправила своё здоровье — и вот тогда начались слухи…

ГАРРИ: Даже представить не могу, как вы себя чувствовали.

ДРАКО: Астория всегда знала, что до старости ей дожить не суждено. Она хотела, чтобы у меня кто–то остался, когда она уйдёт из жизни, потому что… потому что быть Драко Малфоем означает быть невероятно одиноким. Меня всегда будут подозревать. От прошлого не убежишь. Хуже того: я никогда не понимал, что, пытаясь защитить его от этого мира, полного сплетен и наговоров, я был обречён на то, что мой сын будет окутан целым облаком подозрений — даже худших, чем когда–либо пришлось пережить мне.

ГАРРИ: Любовь ослепляет… Мы оба пытались дать нашим сыновьям не то, что было нужно им,

а то, что было нужно нам. Мы так зациклились на том, чтобы переписать собственное прошлое, что отравили им настоящее.

ДРАКО: Вот почему тебе нужна эта штука. Я держал её у себя, изо всех сил пытаясь противостоять искушению её использовать — при том, что я душу продал бы, лишь бы провести ещё минуту с моей Асторией.

ГАРРИ: Ох, Драко… Нам — нельзя. Использовать его нельзя ни тебе, ни мне.

ДРАКО переводит взгляд на ГАРРИ — и в первый раз в жизни эти заложники собственной судьбы смотрят друг на друга как друзья.

ДРАКО: Мы должны их найти — сколько бы времени это ни заняло, хоть века. Мы должны найти наших детей…

ГАРРИ: Мы понятия не имеем ни где они находятся, ни в каком времени. Обыскивать время, не зная даже приблизительных координат, — это мартышкин труд. Боюсь, нам не помогут ни любовь, ни Маховик времени. Теперь всё зависит от наших ребят — только они могут нас спасти.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ПЯТАЯ

ГОДРИКОВА ВПАДИНА, НЕПОДАЛЁКУ ОТ ДОМА ДЖЕЙМСА И ЛИЛИ ПОТТЕРОВ, 1981 ГОД

АЛЬБУС: Ну что, будем всё рассказывать дедуш-

ке и бабушке?

СКОРПИУС: О том, что они никогда не смогут любоваться тем, как растёт их сын?

АЛЬБУС: Бабушка сможет это пережить… Я это точно знаю, ты же её видел…

СКОРПИУС: Альбус, она выглядит просто замечательно, и на твоём месте я бы заставил себя рассказать ей о том, что произойдёт. Но ведь ей ещё предстоит просить Волан–де–Морта оставить Гарри в живых, она должна будет думать, что он может умереть, и с твоей стороны это будет наихудший из возможных спойлеров, который, к тому же, никогда не сбудется.

АЛЬБУС: Дамблдор! Он ведь сейчас жив! Мы можем подключить Дамблдора, рассказать ему всё — так же, как ты рассказал Снеггу!

СКОРПИУС: Не уверен, что мы можем так рисковать, сообщая ему, что твой отец выживет и что у него будут дети.

АЛЬБУС: Но он же Дамблдор! Он всё разрулит!

СКОРПИУС: Альбус, о том, что́ именно знал Дамблдор, как он это узнавал и почему он делал то, что делал, написаны многие десятки книг. Но единственная правда заключается в том, что он что–то делал исключительно потому, что должен был так поступать. Так что пусть ведёт свою игру,

я не собираюсь рисковать и путать ему все карты. В случае со Снеггом я мог попросить о помощи, потому что был в параллельной реальности. А сейчас мы — не в ней. Сейчас мы в прошлом. Подчистки во времени лишь создают дополнительные проблемы; уж если наши приключения чему–то нас и научили, то именно этому. Любые попытки кому–нибудь что–нибудь рассказать будут иметь слишком опасные последствия для времени.

АЛЬБУС: Тогда придётся говорить с кем–нибудь в будущем. Надо передать отцу послание.

СКОРПИУС: У нас нет совы, которая умеет летать через время. А у него нет Маховика времени.

АЛЬБУС: Если мы найдём способ передать отцу послание, то он найдёт способ сюда добраться. Даже если ему самому придётся смастерить Маховик времени.

СКОРПИУС: Мы пошлём ему воспоминание — типа как с Омутом памяти, только по–другому: прямо над ним станем и будем передавать сообщение, надеясь, что оно всплывёт в памяти как раз в нужный момент. Я понимаю, что это маловероятно, но что делать… Станем над ребёнком и просто будем громко повторять: НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ! Хотя ребёнок, пожалуй,

может немножко испугаться…

АЛЬБУС: Ага, ну совсем немножко.

СКОРПИУС: Ну, небольшой испуг сейчас — это ерунда по сравнению с тем, что произойдёт потом. И вообще, может, он подумает тогда… в смысле, позже… может, он вспомнит наши лица, кричащие…

АЛЬБУС: «…на помощь».

СКОРПИУС глядит на АЛЬБУСА.

СКОРПИУС: Ты прав. Это дебильная идея.

АЛЬБУС: Одна из худших твоих идей за всю жизнь.

СКОРПИУС: Придумал! Мы сами его доставим, подождём сорок лет — и доставим!

АЛЬБУС: Без шансов: как только Делфи скорректирует время так, как ей нужно, она целые армии отправит, чтобы нас нашли и укокошили.

СКОРПИУС: Ну а что тогда — так и будем скрываться в этой дыре?

АЛЬБУС: Ага, забиться вместе в норку на сорок лет — хрен редьки не слаще… Тем более что нас обязательно найдут и прикончат, и тогда время полетит ко всем чертям. Нет, нам нужно что–нибудь такое, что мы можем держать под контролем, о чём мы точно будем знать, что он на него наткнётся в нужное время. Нам надо…

СКОРПИУС: Да ни фига подобного у нас нет. Кстати, если выбирать, с кем на па́ру встречать приход вечного мрака, я выбрал бы тебя.

АЛЬБУС: Ты только не обижайся, но я всё–таки выбрал бы кого–нибудь более солидного и более опытного в магии.

ЛИЛИ выходит из дома с МЛАДЕНЦЕМ ГАРРИ в коляске и тщательно расправляет на нём одеяльце.

Его одеяло… Она укутала отца в его одеяло…

СКОРПИУС: Ну а что, сегодня вообще–то прохладно…

АЛЬБУС: Отец всегда говорил, что это единственная вещь, которая у него осталась от его мамы. Смотри, с какой любовью бабушка его укутывает! Ему было бы приятно об этом услышать; если всё закончится благополучно — с удовольствием расскажу.

СКОРПИУС: А я бы своему отцу с удовольствием рассказал… впрочем, не уверен. Скорее я сказал бы ему, что иногда могу быть храбрее, чем он думает.

АЛЬБУСУ на ум приходит мысль.

АЛЬБУС: Скорпиус, мой отец до сих пор хранит это одеяло!

СКОРПИУС: Не сработает. Если мы напишем по-

слание на нём, пускай даже самыми маленькими буквами, он слишком скоро его прочтёт. И время перекорёжится.

АЛЬБУС: Слушай, а что тебе известно о любовных зельях? Есть ли какая–нибудь штука, которую в них обязательно добавляют?

СКОРПИУС: Помимо всего прочего — жемчужную пыль.

АЛЬБУС: Жемчужная пыль ведь относительно редко используется, так же?

СКОРПИУС: В основном из–за дороговизны. А для чего это тебе?

АЛЬБУС: Мы с отцом поссорились в тот день, когда я уезжал в школу.

СКОРПИУС: Я в курсе. Думаю, с этого и началась вся заваруха с нами.

АЛЬБУС: Я швырнул одеяло через всю комнату. Оно сшибло сосуд с любовным зельем, которое дядя Рон подарил мне ради шутки.

СКОРПИУС: Прикольный мужик.

АЛЬБУС: Зелье растеклось, намочило одеяло, а я случайно узнал, что мама не позволила папе ничего трогать в моей комнате, пока меня не было.

СКОРПИУС: И?..

АЛЬБУС: Ну и вот, когда в том времени — как и у нас сейчас — должен был наступить день

всех святых, он мне сказал, что в этот день всегда достаёт это одеяло, потому что это единственная вещь, которую ему оставила его мама, так что он на него обязательно посмотрит, и когда он обнаружит…

СКОРПИУС: Что–то я по–прежнему не врубаюсь в твою мысль.

АЛЬБУС: Что у нас вступает в реакцию с жемчужной пылью?

СКОРПИУС: Ну… говорят, если настойка из Полувидимки попадает на жемчужную пыль, то начинается реакция горения…

АЛЬБУС: А настойку из *(неуверенно произнося это слово)* Полувидимки видно невооружённым глазом?

СКОРПИУС: Нет.

АЛЬБУС: То есть, если бы мы взяли это одеяло и сделали на нём надпись настойкой из Полувидимки, то…

СКОРПИУС *(догадавшись)*: То настойка ни с чем не вступала бы в реакцию, пока на неё не попадёт любовное зелье! В твоей комнате! В настоящем! Клянусь Дамблдором, мне это нравится!

АЛЬБУС: Надо только придумать, где бы достать… этих… Полувидимок.

СКОРПИУС: Знаешь, ходили слухи, что Батильда

Бэгшот никогда не могла понять, зачем волшебники и волшебницы запирают свои двери…

Дверь распахивается.

Оказывается, слухи не врали. Итак, время воровать палочки и время разливать зелье!

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ШЕСТАЯ

ДОМ ГАРРИ И ДЖИННИ ПОТТЕРОВ, КОМНАТА АЛЬБУСА

ГАРРИ сидит на кровати АЛЬБУСА. Входит ДЖИННИ и глядит на него.

ДЖИННИ: Не ожидала увидеть тебя здесь.

ГАРРИ: Не беспокойся, я ничего не трогал. Твоё святилище в целости и сохранности. *(морщится)* Извини. Я не то хотел сказать.

ДЖИННИ ничего не отвечает, и ГАРРИ поднимает на неё глаза.

Знаешь, бывали в моей жизни просто отвратительные дни всех святых, но этот, безусловно, самый плохой… после ещё одного.

ДЖИННИ: Я была неправа, когда обвиняла тебя. Я всегда винила тебя в поспешности суждений, а на самом деле оказалось, что именно я этим грешу… Когда Альбус пропал без вести, я посчитала, что это произошло по твоей вине. Прости…

ГАРРИ: Ты не думаешь, что это произошло по моей вине?

ДЖИННИ: Гарри, его похитила могущественная Тёмная ведьма — как это может быть твоей виной?

ГАРРИ: Это я прогнал его. И он попал прямо к ней в руки.

ДЖИННИ: А давай не будем считать это поражением?

ДЖИННИ вопросительно кивает. У ГАРРИ по щеке катится слеза.

ГАРРИ: Я так виноват…

ДЖИННИ: Ты не слушаешь меня?.. Я виновата не меньше.

ГАРРИ: Я не должен был выжить. Мне суждено было умереть — даже Дамблдор так думал, а я до сих пор живу и даже победил Волан–де–Морта. Мои родители, Фред, Пятьдесят Павших — все эти люди погибли, а мне приходится жить? Как судьба это допустила? Ведь все эти смерти — моя вина…

ДЖИННИ: Их убил Волан–де–Морт.

ГАРРИ: Но что если бы я остановил его раньше? Вся эта кровь — на моих руках. А теперь и нашего сына тоже…

ДЖИННИ: Он не умер! Слышишь, Гарри? Он не умер!

Обнимает ГАРРИ. Длительная пауза, полная

чистого незамутнённого страдания.

ГАРРИ: Мальчик — Который–Выжил… Сколько людей должно было умереть за этого Мальчика — Который–Выжил?

ГАРРИ некоторое время сидит в задумчивости, затем замечает одеяло, встаёт и подходит к нему.

Представляешь, это одеяло — всё, что у меня осталось от того самого дня всех святых… Это всё, что я помню о родителях. И пока я…

Берёт одеяло в руки, замечает в нём дыры и огорчённо их рассматривает.

Смотри, сколько дырок! Это идиотское любовное зелье Рона прожгло его насквозь, просто таки насквозь! Ты только посмотри — оно же испорчено! Испорчено!

Разворачивает одеяло и видит буквы, прожжённые в нём. Он ошеломлён.

Что?!..

ДЖИННИ: Гарри, тут что–то написано!

На другой половине сцены высвечиваются АЛЬБУС и СКОРПИУС.

АЛЬБУС: «Папа…»

СКОРПИУС: Начинаем с «Папа»?

АЛЬБУС: Ну а как ещё он узнает, что это от меня?

СКОРПИУС: Его зовут Гарри. Надо начать с «Гарри».

АЛЬБУС *(твёрдо)*: Начинаем с «Папа».

ГАРРИ: «Папа»?.. Здесь что написано? «Папа», а дальше? Так неразборчиво…

СКОРПИУС: «Папа, НА ПОМОЩЬ».

ДЖИННИ: «Я овощ»? Там написано «я овощ»? А дальше что — «бобрикова», что ли?

ГАРРИ: «Папа я овощ бобрикова градина»? Да ну, это чья–то глупая шутка.

АЛЬБУС: «Папа, на помощь! Годрикова впадина».

ДЖИННИ: Дай сюда, у меня зрение лучше твоего. Ага… «Папа я овощ… градина»… нет, это не «градина», это «жадина» или «впадина», так, что ли? А дальше какие–то цифры… так, тут разборчивее… «три — один — один — ноль — восемь — один». Это что — один из маггльских телефонных номеров? Или какие–то координаты? Или…

Оглушённый внезапной мыслью, ГАРРИ глядит на неё открыв рот.

ГАРРИ: Нет. Это дата. Тридцать первое октября тысяча девятьсот восемьдесят первого года. День, когда убили моих родителей…

ДЖИННИ переводит глаза с одеяла на ГАРРИ и обратно.

ДЖИННИ: Там не «я овощ». Там «на помощь»!

ГАРРИ: «Папа, на помощь! Годрикова впадина. 31/10/81»! Это послание! Наш умница мальчик оставил мне послание!

ГАРРИ крепко целует ДЖИННИ.

ДЖИННИ: Это написал Альбус?

ГАРРИ: Это он сообщил мне, где и когда они находятся! Теперь мы знаем, где ведьма, знаем, где её можно прижать к ногтю!

Ещё раз пылко целует ДЖИННИ.

ДЖИННИ: Мы же ещё мальчиков не вернули.

ГАРРИ: Я сейчас пошлю сову Гермионе, ты — Драко. Пускай ждут в Годриковой впадине с Маховиком времени.

ДЖИННИ: Только, если что, не «меня ждут», а «нас ждут»! Даже не думай отправиться туда без меня!

ГАРРИ: Конечно, с тобой, как же иначе! Теперь у нас есть шанс, Джинни, и клянусь Дамблдором: шанс — это всё, что нам сейчас нужно!

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ГОДРИКОВА ВПАДИНА

РОН, ГЕРМИОНА, ДРАКО, ГАРРИ и ДЖИННИ идут по современной Годриковой впадине, оживлённого торгового городка (с годами он расширил свои границы).

ГЕРМИОНА: Годрикова впадина… Лет двадцать здесь не была.

ДЖИННИ: Это только мне так кажется или здесь и вправду как–то многовато магглов?

ГЕРМИОНА: В выходные сюда много народу приезжает отдохнуть.

ДРАКО: Их можно понять — только посмотрите на эти соломенные крыши. А это фермерский рынок?

ГЕРМИОНА идёт рядом с ГАРРИ, который смотрит вокруг во все глаза.

ГЕРМИОНА: Помнишь, где мы были здесь в последний раз? Как в добрые старые времена…

РОН: Добрые старые времена… Добрые старые враги с причёсками–хвостами, добрые старые волосы спутались в противную сосульку…

ДРАКО слышит эти слова и понимает, на чей счёт острят.

ДРАКО: Я хотел бы просто напомнить…

РОН: Малфой, это ты с Гарри можешь ути–пути, и ребёнок у тебя довольно славный, но вот моей жене — и о моей жене! — ты наговорил разных гадостей…

ГЕРМИОНА: …и твоей жене совершенно не нужно, чтобы ты её защищал; она и сама не беспомощная!

ГЕРМИОНА глядит с уничтожающим видом на РОНА. РОН чувствует себя так, словно пропустил удар.

РОН: Ладно. Но если ты о ней или обо мне скажешь хоть что–то…

ДРАКО: То что ты сделаешь, Уизли?

ГЕРМИОНА: Он тебя обнимет. Мы же в одной команде, правда, Рон?

РОН *(меняясь в лице под её пристальным взглядом)*: Хорошо. Я… эм-м… у тебя правда была классная причёска, Драко.

ГЕРМИОНА: Спасибо, муженёк. Ага, вот вроде неплохое место. Давай.

ДРАКО вытаскивает Маховик времени — и тот начинает бешено вращаться; в это время остальные становятся вокруг него.

Ослепительная вспышка света озаряет всё вокруг. За ней следует оглушительный грохот.

Время останавливается. Потом разворачивается в обратную сторону, некоторое время размышляет — и начинает перематываться назад. Вначале медленно…

…а затем ускоряется.

Друзья оглядываются.

РОН: Ну как? Сработало?

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ВОСЬМАЯ

ГОДРИКОВА ВПАДИНА, САРАЙ, 1981 ГОД

АЛЬБУС в изумлении таращится на входящую ДЖИННИ, затем — на ГАРРИ, и лишь после этого замечает остальных радостных спасателей — РОНА, ДРАКО и ГЕРМИОНУ.

АЛЬБУС: МАМА!

ГАРРИ: Альбус Северус Поттер! Ты даже не представляешь, как мы рады тебя видеть!

АЛЬБУС влетает с разбегу в объятия ДЖИННИ. Счастливая ДЖИННИ крепко прижимает его к себе.

АЛЬБУС: Вы получили наше послание?

ДЖИННИ: Получили мы ваше послание, получили!

СКОРПИУС торопливо подходит к отцу.

ДРАКО: Если хочешь — мы тоже можем обняться…

СКОРПИУС неуверенно глядит на отца, затем они неловко, словно первый раз в жизни, обнимаются. ДРАКО улыбается.

РОН: А теперь рассказывайте, где эта Делфи!

СКОРПИУС: Вы знаете о Делфи?

АЛЬБУС: Здесь она. Мы считаем, что она пытается тебя убить. Она собирается с тобой покончить до того, как Волан–де–Морт поразит себя своим проклятием, и тем самым не дать пророчеству

сбыться…

ГЕРМИОНА: Да, мы это тоже предполагали. Вам известно, где именно она сейчас находится?

СКОРПИУС: Исчезла. Но как вы… как же вы без Маховика времени…

ГАРРИ *(перебивая его)*: Это долгая и запутанная история, Скорпиус, сейчас некогда рассказывать.

ДРАКО благодарно улыбается ГАРРИ.

ГЕРМИОНА: Гарри прав: время дорого. Нам ещё надо всех распределить по местам. Годрикова впадина пока невелика, но Делфи может появиться с любой стороны. Так что нам нужно какое–то место, откуда открывается хороший вид на город, чтобы вести наблюдение сразу с нескольких точек и без помех. Ну и самое важное — чтобы мы могли там спрятаться: нельзя рисковать и кому–то показываться.

Все старательно размышляют, морща лбы.

Я бы сказала, что церковь святого Иеронима подходит по всем пунктам, как вы думаете?

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

ГОДРИКОВА ВПАДИНА, ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИЕРОНИМА, АЛТАРНАЯ ЧАСТЬ, 1981 ГОД

АЛЬБУС спит на скамье, ДЖИННИ внимательно за ним следит. Напротив стоит ГАРРИ и выглядывает из окна.

ГАРРИ: Не-а. Никого. Почему её до сих пор нет?

ДЖИННИ: Гарри, мы можем поворачивать время вспять, но не ускорять его, да в этом и смысла нет — мы все вместе, твои мама и папа живы… Придёт, когда посчитает нужным. А мы будем готовиться к её приходу.

Разглядывает спящего АЛЬБУСА.

Ну, по крайней мере, некоторые из нас.

ГАРРИ: Бедный ребёнок думал, что должен спасти весь мир…

ДЖИННИ: Бедный ребёнок спас весь мир. Идея с одеялом была сногсшибательная. Правда, он ещё и чуть не уничтожил этот мир, но этот момент мы лучше пропустим.

ГАРРИ: Думаешь, с ним всё в порядке?

ДЖИННИ: Почему нет? Он добился чего хотел, потребовалось лишь немного времени. Ну и ты потребовался, конечно.

ГАРРИ улыбается. ГАРРИ и ДЖИННИ переводят взгляд на АЛЬБУСА.

Знаешь, после того как я открыла Потайную комнату… после того как Волан–де–Морт заколдовал меня этим ужасным дневником и я чуть не угробила всё что можно…

ГАРРИ: Я помню, помню.

ДЖИННИ: Когда я вышла из больницы, меня

все старались не замечать, не подпускали к себе. Все, кроме одного мальчика, у которого было всё, чего лишилась я. Однажды он подошёл ко мне в общей комнате Гриффиндора и предложил перекинуться в исчезающие карты. Люди считают, что знают о тебе всё, но на самом деле лучшее в тебе — именно такой, тихий и незаметный героизм. И так было всегда. Я собственно, к чему веду: после того, как всё закончится, просто помни, что иногда окружающим тебя людям — и особенно детям! — нужно лишь с кем–то поиграть в исчезающие карты.

ГАРРИ: Думаешь, нам именно этого не хватает — исчезающих карт?

ДЖИННИ: Не в том дело. Твоя любовь, которую я ощутила в тот день, — это, как мне кажется, не та любовь, которая достаётся Альбусу.

ГАРРИ: Я для него сделал бы что угодно!

ДЖИННИ: Гарри, ты бы сделал что угодно для любого человека! Ты прямо счастлив пожертвовать собой ради всего мира. А Альбусу нужно, чтобы ты любил именно его. Только такая любовь делает его сильнее, да и тебя тоже.

ГАРРИ: Знаешь, я в полной мере осознал, на что была готова ради меня моя мать, лишь в тот день, когда мы подумали, что Альбус бесследно исчез.

Мамино контрзаклинание было таким мощным, что смогло отразить смертельное заклятие.

ДЖИННИ: Единственное волшебство, которое Волан–де–Морт так и не смог понять, — это любовь…

ГАРРИ: Джинни, но я правда люблю именно его!

ДЖИННИ: Знаю, но ему надо это почувствовать.

ГАРРИ: Какое счастье, что у меня есть ты…

ДЖИННИ: И не говори. А мне было бы счастье, если бы мы сейчас отложили этот разговор о счастье до лучших времён и сосредоточились бы на том, как остановить Делфи.

ГАРРИ: Эх, времени уже маловато…

ДЖИННИ осеняет мысль.

ДЖИННИ: Слушай, Гарри, а кто–нибудь задумывался о том, с чего это она решила действовать именно сейчас? Сегодня?

ГАРРИ: Ну так сегодня как раз тот день, когда всё изменилось.

ДЖИННИ: Прямо сейчас тебе год с небольшим, правильно?

ГАРРИ: Год и три месяца.

ДЖИННИ: Чтобы убить тебя, у неё было достаточно времени — год и три месяца. Даже сейчас

она торчит в Годриковой впадине уже сутки. Так чего же она ждёт?

ГАРРИ: Не совсем понял, к чему ты ведёшь.

ДЖИННИ: Что если она не на тебя охотится? Что если она ждёт Волан–де–Морта? Ждёт, чтобы его остановить?

ГАРРИ: Что?!

ДЖИННИ: Делфи запланировала всё на сегодняшний вечер, потому что он уже здесь. Потому что её отец уже на подходе. Она хочет его встретить, повидаться с ним — с отцом, которого любит. Проблемы у Волан–де–Морта возникли, когда он напал на тебя. Если бы он этого не сделал…

ГАРРИ: …то стал бы ещё более могущественным. Тьма стала бы ещё темнее.

ДЖИННИ: Лучший способ не дать пророчеству исполниться — не убить Гарри Поттера, а не дать Волан–де–Морту даже пальцем шевельнуть!

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

ГОДРИКОВА ВПАДИНА, ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИЕРОНИМА, 1981 ГОД

Все в сборе и в смятении.

РОН: То есть я правильно понял — мы теперь собираемся устроить всю эту заваруху, чтобы защитить Волан–де–Морта?!

АЛЬБУС: Защитить Волан–де–Морта, когда он будет убивать дедушку и бабушку?! Защитить Волан–де–Морта, когда он будет пытаться убить моего отца?!

ГЕРМИОНА: Точно, Джинни! Делфи и не собирается убивать Гарри; её цель — остановить Волан–де–Морта, когда тот поднимет на него руку. Блестящая мысль!

ДРАКО: Так что теперь — будем просто ждать и ничего не делать, пока сюда не заявится Волан–де–Морт?

АЛЬБУС: А известно ли ей, где именно Волан–де–Морт должен появиться? Может, она сюда прискакала за сутки до времени икс, потому что не уверена, когда именно он припрётся и с какой стороны? В исторических книгах — Скорпиус, поправь меня, если я ошибаюсь, — вроде бы ничего не говорится о том, когда и каким образом он прибыл в Годрикову впадину?

СКОРПИУС и ГЕРМИОНА: Не ошибаешься.

РОН: Да ну ёлки–моталки! Теперь у нас таких заучек двое…

ДРАКО: И как же мы собираемся воспользоваться этим своим преимуществом?

АЛЬБУС: А знаете, что у меня особенно хорошо получается?

ГАРРИ: Насколько я знаю, много чего.

АЛЬБУС: Оборотное зелье. И мне кажется, что в подвале у Батильды Бэгшот можно отыскать все ингредиенты для Оборотного зелья. С его помощью кто–нибудь может перевоплотиться в Волан–де–Морта и поймать её на живца.

РОН: Чтобы использовать Оборотное зелье для перевоплощения в кого–то, нужно хотя бы немножко этого самого кого–то. Мы не можем отщипнуть кусочек от Волан–де–Морта.

ГЕРМИОНА: Но сама идея мне нравится — изобразить мышку для такой кошки…

ГАРРИ: Хорошо, а с помощью трансфигурации можно чего–нибудь добиться?

ГЕРМИОНА: А что, вполне: мы знаем, как он выглядит, и среди нас тут есть очень даже неплохие волшебники и волшебницы!

ДЖИННИ: Хочешь трансфигурировать кого–нибудь в Волан–де–Морта?

АЛЬБУС: Это единственный выход.

ГЕРМИОНА: Думаешь?

РОН храбро делает шаг вперёд.

РОН: Тогда я бы хотел… я считаю, что подхожу лучше всего. Ну то есть не то чтобы мне было особо приятно быть Волан–де–Мортом, но скажу не хвастаясь: я среди вас, пожалуй, самый… короче,

я единственный не напрягаюсь по пустякам, так что… по–моему, если меня трансфигурировать в Тёмного лорда, то для меня это будет меньшим риском, чем для кого–нибудь из вас, психованных…

Погружённый в свои мысли ГАРРИ отходит в сторону.

ГЕРМИОНА: Ты кого назвал психованным?!

ДРАКО: Считайте меня тоже среди добровольцев. Согласитесь, что Волан–де–Морта надо изображать максимально точно — без обид, Рон. Необходимо знание Тёмной магии и…

ГЕРМИОНА: И про меня не забудьте. Как Министр магии я считаю, что это моё право, потому что я несу за это ответственность.

СКОРПИУС: Может, жребий бросим?

ДРАКО: Скорпиус, даже не думай.

АЛЬБУС: Ну, на самом деле…

ДЖИННИ: Нет–нет, ни за что на свете! Вы все просто сумасшедшие! Я этот голос внутри головы очень хорошо помню, и чтоб я ещё раз по доброй воле согласилась такое испытать…

ГАРРИ: И всё–таки, как бы там ни было — это должен быть я.

Все поворачиваются к ГАРРИ.

ДРАКО: С какой стати?

ГАРРИ: Чтобы этот план сработал, она должна будет сразу и безоговорочно поверить, что перед ней — Волан–де–Морт. Она заговорит на Змеином языке, и теперь я *точно* знаю, для чего мне нужно было это умение. Более того, я… мне хорошо известно, каково это — чувствовать так, как он. Я знаю, каково это — *быть* им. Это должен быть я.

РОН: Вздор. Обоснование красивое, не спорю, но — вздор. Кому–кому, а тебе точно нельзя.

ГЕРМИОНА: Боюсь, Гарри, ты прав…

РОН: Гермиона, ну что за глупости! Волан–де–Морт — это тебе не фунт изюму, Гарри ни в коем случае…

ДЖИННИ: Терпеть не могу соглашаться с братом, но…

РОН: Он ведь может навсегда застрять в шкуре Волан–де–Морта!

ГЕРМИОНА: Как и любой из нас. Ты, конечно, опасаешься не зря, но…

ГАРРИ: Погоди, Гермиона. Джин…

ДЖИННИ и ГАРРИ не отводят глаз друг от друга.

Мне бы не хотелось принимать это решение без тебя. Но иного выхода я для себя не вижу. Ты как считаешь?

ДЖИННИ какое–то мгновение размышляет и

затем ласково кивает. Лицо ГАРРИ застывает.

ДЖИННИ: Ты прав.

ГАРРИ: Тогда давайте не будем терять время.

ДРАКО: А разве нам не нужно обсудить маршрут, которым ты прибудешь?

ГАРРИ: Она ждёт отца. И она придёт ко мне. Сама.

ДРАКО: А потом что? Тебе напомнить, что она очень могущественная ведьма? Ну, вот она, допустим, пришла. Дальше что?

РОН: Да легко. Он заманивает её сюда, и мы её мочим.

ДРАКО: «Мочим»?..

ГЕРМИОНА обводит взглядом помещение.

ГЕРМИОНА: Мы спрячемся за этими дверями. Гарри, если тебе удастся заманить её вот досюда *(показывает на пятнышко света от луча, падающего на пол из окна–розетки)*, то мы выскочим и отрежем ей все пути для бегства.

РОН *(косясь в сторону ДРАКО)*: А потом мы её *замочим*.

ГЕРМИОНА: Гарри, в последний раз спрашиваю: ты уверен, что справишься?

ГАРРИ: Да. Я справлюсь.

ДРАКО: Да ладно тебе, тут слишком много факторов нужно предусмотреть, чтобы быть

уверенным наверняка. Слишком многое может пойти не так, как мы думаем. Да и степень трансфигурации может оказаться недостаточной — не хватало ещё, чтобы она увидела настоящего тебя через трансфигурационный образ… Значит, так: если она сейчас от нас улизнёт — не будем сейчас говорить о том, какими разрушениями это может сопровождаться, — нам нужно будет время, чтобы разработать другой, более продуманный план…

АЛЬБУС: Драко, доверьтесь моему отцу. Он не подведёт.

ГАРРИ растроганно глядит на АЛЬБУСА.

ГЕРМИОНА: Палочки!

Все вытаскивают свои волшебные палочки. ГАРРИ сжимает в руке свою палочку.

Вспыхивает свет, из его лучей начинает ткаться образ — и это потрясает…

Трансфигурация идёт медленно и выглядит устрашающе.

Контуры тела ГАРРИ искривляются и сплетаются в силуэт ВОЛАН–ДЕ–МОРТА.

И это пугает до жути.

Он поворачивается.

Он обводит взглядом друзей и родных.

Он видит, что в их глазах плещется страх.

РОН: Т-твою душу…

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Ну что, сработало?

ДЖИННИ *(мрачно)*: О, да. Ещё как сработало…

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

ГОДРИКОВА ВПАДИНА, ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИЕРОНИМА, 1981 ГОД

РОН, ГЕРМИОНА, ДРАКО, СКОРПИУС и АЛЬБУС стоят у окна, прикипев к нему взглядами. ДЖИННИ не хватает на это нервов; она сидит, откинувшись на спинку скамьи.

АЛЬБУС замечает, что его мать сидит поодаль, и подходит к ней.

АЛЬБУС: Мам, всё будет в порядке, даже не сомневайся!

ДЖИННИ: Да знаю… По крайней мере, надеюсь. Мне просто… просто не хочется смотреть на него, когда он… такой. Тот, кого люблю, под личиной того, кого ненавижу всей душой…

АЛЬБУС садится рядом с матерью.

АЛЬБУС: Представляешь, мам, она мне нравилась. Она мне правда нравилась — Делфи… И она — дочь Волан–де–Морта?..

ДЖИННИ: Да, Альбус, это у них особенно хорошо получается — оплетать невинные души своей паутиной.

АЛЬБУС: Это всё моя вина.

ДЖИННИ обнимает АЛЬБУСА.

ДЖИННИ: Как забавно… А твой отец, ка мне кажется, думает, что это его вина. Чудна́я вы парочка…

СКОРПИУС: Это она! Она его заметила!

ГЕРМИОНА: Все по местам! Быстро! И помните: никто не выходит, пока он её не выманит на свет. У нас будет только один шанс, права на ошибку у нас нет.

Все, кроме двоих, разбегаются по местам.

ДРАКО: Гермиона Грейнджер… Кто бы мог подумать: мной командует Гермиона Грейнджер! *(ГЕРМИОНА поворачивается к нему; он улыбается.)* А что, мне, пожалуй, даже нравится.

СКОРПИУС: Ну папа!..

Малфои разбегаются в разные стороны и прячутся за створками центральных дверей.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ опять входит в церковь, проходит несколько шагов и поворачивается.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Ведьма или волшебник — кем бы ты ни был, идущий по моим стопам, поверь: ты пожалеешь об этом!

Позади него возникает ДЕЛФИ, буквально заворожённая встречей: перед ней — её отец, и этого момента она ждала всю жизнь.

ДЕЛФИ: Лорд Волан–де–Морт, это я! Это я шла за вами!

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Я не знаю тебя. Уходи.

Она набирает полную грудь воздуха и медленно выдыхает.

ДЕЛФИ: Я — ваша дочь.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Если бы ты была моей дочерью, я бы знал о тебе.

ДЕЛФИ умоляюще глядит на него.

ДЕЛФИ: Я из будущего — ваш ребёнок от Беллатрисы Лестрейндж. Я родилась в поместье Малфоев ещё до битвы за Хогвартс. Битвы, которую вы проиграете. Я пришла вас спасти.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ поворачивается, и ДЕЛФИ встречается с ним глазами.

Родольфус Лестрейндж, преданный муж Беллатрисы, по возвращении из Азкабана рассказал мне, кто я есть на самом деле, и раскрыл суть пророчества, которое, как он полагал, мне суждено исполнить. Я — ваша дочь, сэр…

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Я знаю Беллатрису в лицо; ты действительно кое–чем её напоминаешь… хотя непохоже, что ты взяла лучшее от неё. Но без доказательств…

ДЕЛФИ переходит на Змеиный язык, тщательно выговаривая слова.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ издевательски хохочет.

И это всё?

ДЕЛФИ взмывает в воздух без каких–либо усилий. Изумлённый ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ отступает назад на шаг.

ДЕЛФИ: Я — Авгур своего Тёмного лорда! И я готова служить вам всеми силами и умениями.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ *(стараясь не выказать своего изумления)*: Ты… научилась летать у меня?

ДЕЛФИ: Я пыталась следовать путём, проложенным вами.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Никогда раньше не встречал волшебников или волшебниц, которые пытались бы стать мне ровней…

ДЕЛФИ: Прошу вас так не думать — я бы никогда не осмелилась замахнуться на подобное, мой Лорд! Но я посвятила всю свою жизнь тому, чтобы дать вам основания гордиться своим ребёнком…

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ *(перебивая её)*: Я и сам вижу, что́ ты из себя представляешь. И вижу, кем ты можешь стать… дочь.

Глубоко растроганная, она глядит на него во все глаза.

ДЕЛФИ: Отец?

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Когда мы будем вместе, против нас никто не устоит!

ДЕЛФИ: Отец…

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Выйди сюда, на свет: я хочу увидеть в тебе признаки своей крови.

ДЕЛФИ: Я пришла сюда предостеречь вас от ошибки: не трогайте сейчас Гарри Поттера, иначе он вас уничтожит!

Внезапно рука ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТА принимает прежний вид. ГАРРИ бросает на неё удивлённый и испуганный взгляд и быстро прячет её в рукав.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Он всего лишь младенец.

ДЕЛФИ: Он защищён любовью матери! Ваше заклинание отскочит, ударит по вам рикошетом и лишит тела. Он получит могущество, а вы ослабеете настолько, что восстанавливаться придётся целых семнадцать лет. Всё это время вы проведёте в противоборстве с ним — и в конце концов проиграете.

Неожиданно для ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТА на его голове начинают расти волосы. Он ощущает это и поспешно натягивает капюшон.

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ: Возможно, ты и права. Пока повременим с нападением.

ДЕЛФИ: Отец?..

ГАРРИ/ВОЛАН–ДЕ–МОРТ начинает уменьшаться в размерах — в нём уже больше от ГАРРИ, чем от ВОЛАН–ДЕ–МОРТА. Чувствуя это, он поворачивается к ДЕЛФИ спиной.

Что с вами, отец?

ГАРРИ *(прикладывая отчаянные усилия, чтобы его голос звучал как у Волан–де–Морта)*: Разумное предложение. Ладно, отложим задуманное. Ты хорошо мне послужила, а сейчас выйди на свет, чтобы я мог хорошо тебя рассмотреть.

ДЕЛФИ видит, как дверь приоткрывается, а потом закрывается — и явно не сама собой. Девушка хмурится, быстро обдумывая все странности, её подозрения усиливаются.

ДЕЛФИ: Отец…

Она пытается заглянуть ему в лицо, он отворачивается — их движения напоминают танец.

Ты не Лорд Волан–де–Морт!

С руки ДЕЛФИ слетает струя огня. ГАРРИ отвечает тем же.

Пламенио!

ГАРРИ: Пламенио!

Обе струи на полпути сшибаются одна с другой, потрясающей красоты вспышка озаряет всё вокруг. Следующие струи, выпущенные ДЕЛФИ,

врезаются в створки дверей и намертво запечатывают их. Попытки открыть двери ни к чему не приводят.

ДЕЛФИ: Ты — Поттер! Коллопортус!

ГАРРИ обескураженно глядит на двери.

Что смотришь? Думал, твои друзья сейчас как выскочат, как выпрыгнут, да?

ГЕРМИОНА *(за дверью)*: Гарри! Гарри!

ДЖИННИ *(за дверью)*: Она запечатала двери с той стороны.

ГАРРИ: Ничего страшного, я с тобой в одиночку справлюсь!

Пытается поразить её заклинанием, но она намного сильнее: палочка ГАРРИ вдруг вырывается из его руки и летит к ней. Теперь он разоружён и беспомощен.

Но как?.. Что ты?..

ДЕЛФИ: Я долго следила за тобой, Гарри Поттер! Я знаю тебя лучше, чем мой отец.

ГАРРИ: Думаешь, изучила все мои слабости?

ДЕЛФИ: Я изучила всё, чтобы стать достойной его! Даже несмотря на то, что он величайший волшебник всех времён, он будет гордиться мной! Экспульсо!

Едва ГАРРИ успевает откатиться в сторону, как кусок пола за его спиной разлетается вдре-

безги. Торопливо перебирая руками и ногами, он заползает под церковную скамью; все его мысли направлены лишь на то, как справиться с ДЕЛФИ.

Пытаешься от меня уползти? Гарри Поттер, герой мира волшебников, ползёт от меня, как крыса… Вингардиум левиоса!

Скамья всплывает в воздух.

Вопрос лишь в том, есть ли смысл тратить время, чтобы тебя прикончить: после того, как я перехвачу отца, твоя гибель станет свершившимся фактом. Что же мне с тобой сделать? Ах, это так утомительно — выбирать… Лучше я тебя просто так прихлопну.

Она со всего размаху обрушивает на него скамью, та разлетается на куски, но ГАРРИ последним отчаянным усилием успевает откатиться в сторону.

АЛЬБУС, никем не замеченный, протискивается сквозь решётку в полу и вылезает наружу.

Авада…

АЛЬБУС: Папа!

ГАРРИ: Альбус! Назад!

ДЕЛФИ: Вас уже двое? Раз, два, три, четыре, пять, начинаю выбирать… И я выбираю… мальчишку! Авада Кедавра!

Выстреливает Непростительным заклятием в АЛЬБУСА, но ГАРРИ отталкивает сына, и струя света врезается в пол. Ответное заклинание Гарри похоже на яркую вспышку.

Думаешь, ты сильнее меня?

ГАРРИ: Я? Нет…

ГАРРИ и ДЕЛФИ безжалостно палят друг в друга, а в это время АЛЬБУС быстро откатывается назад и запускает заклинанием сначала в одну створку двери, затем в другую.

…а мы — да.

Палочка АЛЬБУСА отпирает обе створки.

АЛЬБУС: Алохомора! Алохомора!

ГАРРИ: Видишь ли, я никогда не сражался один. И впредь тоже не собираюсь.

Из дверей выбегают ГЕРМИОНА, РОН, ДЖИННИ и ДРАКО и начинают стрелять заклинаниями в ДЕЛФИ. Та пронзительно воет от бессилия, однако, несмотря на её титанические усилия, сразу всех одолеть у неё не получается.

Ещё несколько выстрелов — и поверженная ДЕЛФИ валится на пол.

ДЕЛФИ: Нет… Нет…

ГЕРМИОНА: Рукофиксо!

Светящиеся верёвки опутывают руки ДЕЛФИ.

ГАРРИ приближается к ДЕЛФИ, избегая её

взгляда. Все остальные стоят чуть поодаль.

ГАРРИ: Альбус, с тобой всё в порядке?

АЛЬБУС: Да, пап, всё нормально.

ГАРРИ по–прежнему не решается встретиться глазами с ДЕЛФИ — она до сих пор его пугает.

ГАРРИ: Джинни, он не ранен? Я должен знать, что он в безопасности!

ДЖИННИ: Он очень настаивал. Говорил, что он единственный, у кого получится протиснуться через решётку. Я пыталась его остановить, честное слово…

ГАРРИ: Просто скажи, что с ним всё хорошо!

АЛЬБУС: Да всё со мной хорошо, па, честно!

ГАРРИ продолжает двигаться в сторону ДЕЛФИ.

ГАРРИ: Со мной многие пытались расправиться — но тронуть моего сына!.. Ты осмелилась поднять руку на моего сына!

ДЕЛФИ: Я лишь хотела увидеться с отцом…

Эти слова застигают ГАРРИ врасплох.

ГАРРИ: Ты не сможешь перекроить жизнь заново. Ты всегда будешь сиротой. От этого не избавиться.

ДЕЛФИ: Позволь мне увидеть его!

ГАРРИ: Не могу и не хочу.

ДЕЛФИ *(с неподдельной горечью)*: Тогда убей

меня.

ГАРРИ какое–то мгновение размышляет.

ГАРРИ: И это тоже не могу.

АЛЬБУС: Что?! Но как же, папа… Она ведь опасна!

ГАРРИ: Нет, Альбус.

АЛЬБУС: Она убийца! Я сам видел, как она совершила убийство!

ГАРРИ поворачивается и глядит на сына, затем переводит взгляд на ДЖИННИ.

ГАРРИ: Да, Альбус, она — убийца. А мы — нет.

ГЕРМИОНА: Мы должны быть лучше их.

РОН: Увы, так и есть. Досадно, конечно, но этот урок мы выучили назубок.

ДЕЛФИ: Лишите меня разума! Заберите память! Заставьте меня забыть, кто я есть!..

РОН: Нет. Мы заберём тебя в наше время.

ГЕРМИОНА: И тебя посадят в Азкабан. Как и твою мать когда–то.

ДРАКО: И ты там сгниёшь.

До слуха ГАРРИ доносится звук, похожий на шипение.

Звук, не похожий ни на что иное. Именно так звучала бы смерть, если бы стала звуком.

Га–а–арри Пот–т–т-т-тер…

СКОРПИУС: Что это было?

ГАРРИ: О боже… Только не сейчас.

АЛЬБУС: Что такое?

РОН: Волан–де–Морт.

ДЕЛФИ: Отец?

ГЕРМИОНА: Сейчас? Здесь?

ДЕЛФИ: Отец!

ДРАКО: Силенцио! *(ДЕЛФИ беззвучно разевает рот, но её голоса больше не слышно)* Вингардиум левиоса! *(Она взмывает над сценой и исчезает за кулисами)*

ГАРРИ: Он приближается. Прямо в эти мгновения…

ВОЛАН–ДЕ–МОРТ выходит из глубины сцены, пересекает её и спускается в зрительный зал. Он несёт с собой смерть — и каждый это знает.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГОДРИКОВА ВПАДИНА, 1981 ГОД

ГАРРИ беспомощно глядит вслед ВОЛАН–ДЕ–МОРТУ.

ГАРРИ: Волан–де–Морт собирается убить мою мать и моего отца — и я ничего не могу сделать, чтобы остановить его…

ДРАКО: Сам знаешь, что можешь.

СКОРПИУС: Папа, сейчас не время…

АЛЬБУС: Ты можешь, да. Но тебе нельзя этого делать.

ДРАКО: Оч–чень по–геройски.

ДЖИННИ берёт ГАРРИ за руку.

ДЖИННИ: Не сто́ит тебе это видеть, Гарри. Мы можем возвращаться.

ГАРРИ: Я позволю этому случиться… Но я не могу этого не увидеть.

ГЕРМИОНА: Тогда мы все останемся.

РОН: И все будем смотреть.

Слышны незнакомые голоса.

ДЖЕЙМС *(где–то неподалёку)*: Лили, хватай Гарри и беги! Это он! Беги же! Я задержу его!..

На заднем плане видна вспышка, затем слышится смех.

Прочь отсюда, тебе ясно? Пошёл вон!

ВОЛАН–ДЕ–МОРТ *(где–то неподалёку)*: Авада Кедавра!

Струя зелёного огня озаряет зрительный зал; ГАРРИ вздрагивает.

АЛЬБУС берёт его за руку. ГАРРИ судорожно сжимает руку сына — сейчас ему это очень нужно.

АЛЬБУС: Он сделал всё, что мог.

Рядом с ГАРРИ появляется ДЖИННИ и берёт его за другую руку. ГАРРИ в изнеможении склоняет голову, но жена и сын помогают ему держаться на ногах.

ГАРРИ: Вон там, в окне, моя мама… Я вижу её… Она такая красивая…

До них доносится звук вышибаемой двери.

ЛИЛИ *(где–то неподалёку)*: Только не Гарри, только не Гарри, прошу, только не Гарри!..

ВОЛАН–ДЕ–МОРТ *(где–то неподалёку)*: Отойди, глупая девчонка! Сейчас же отойди!

ЛИЛИ *(где–то неподалёку)*: Только не Гарри, ну пожалуйста, пускай это буду я, меня убей вместо него…

ВОЛАН–ДЕ–МОРТ *(где–то неподалёку)*: Это моё последнее предупреждение!

ЛИЛИ *(где–то неподалёку)*: Только не Гарри! Пожалуйста… пощади… пощади… только не мой сын… прошу тебя — я всё сделаю…

ВОЛАН–ДЕ–МОРТ *(где–то неподалёку)*: Авада Кедавра!

Словно молния пронизывает тело ГАРРИ. Он падает на пол, съёжившись от боли и горя.

Всё пространство вокруг нас заполоняет сдавленный крик.

И мы тоже можем только смотреть.

И постепенно всё уходит в небытие.

Конструкции сцены складываются и раскладываются уже по–другому. Сама сцена при этом начинает вращаться, увозя за кулисы ГАРРИ, его

родных и друзей.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

ГОДРИКОВА ВПАДИНА, ВНУТРИ ДОМА ДЖЕЙМСА И ЛИЛИ ПОТТЕРОВ, 1981 ГОД

Перед нами разрушенный дом — дом, не пережившего жестокого нападения.

По руинам шагает ХАГРИД.

ХАГРИД: Джеймс?

Оглядывается.

Лили?

Вне себя от горя, он идёт медленно, боясь увидеть слишком многое слишком рано.

И тут он замечает хозяев дома и останавливается, как громом поражённый.

Боже… Боже ж ты мой… Этого не может… да как же… Я не… Мне про всё рассказали, но я… я так надеялся, что ошиблись…

Он глядит на друзей и склоняет голову. Затем он что–то бормочет, достаёт из глубоких карманов помятые цветы и кладёт их на пол.

Простите меня… мне сказали, он сам сказал — Дамблдор то есть, сказал, что мне нельзя тут с вами… Сейчас сюда магглов понаедет, с этими их синими мигалками, нельзя будет, чтобы такого здоровилу здесь застали, ну правда же?

Всхлипывает.

Как же ж тяжело с вами расставаться… Хочу, чтоб вы знали: вас никогда не забудут — ни я, ни кто другой…

И тут он слышит звук — где–то хнычет младенец. ХАГРИД поворачивается в ту сторону и начинает шагать чуть быстрее. В какой–то момент он останавливается и склоняется над детской кроваткой, от которой словно исходит свет.

Ну, здравствуй. Ты, должно быть, Гарри? Привет, Гарри Поттер. Я — Рубеус Хагрид. Я буду тебе другом — понравится тебе это или нет. Потому что тебе нелегко пришлось, пускай ты этого пока и не знаешь. И тебе нужны будут друзья. А теперь идём–ка со мной; не возражаешь?

Комната освещается мигающими синими огоньками, придающими ей какой–то неземной вид. Хагрид бережно поднимает на руки МЛАДЕНЦА ГАРРИ и затем, не оглядываясь, направляется к выходу.

И нас окутывает ласковое затемнение.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ХОГВАРТС, КЛАССНАЯ КОМНАТА

Взбудораженные СКОРПИУС и АЛЬБУС вбегают и захлопывают за собой дверь.

СКОРПИУС: Не могу поверить, что я это сде-

лал…

АЛЬБУС: А уж я как не могу в это поверить…

СКОРПИУС: Роза Грейнджер — Уизли! Я пригласил Розу Грейнджер — Уизли!

АЛЬБУС: И она тебе отказала.

СКОРПИУС: Но я её пригласил! Я, считай, посадил боб, из которого в конце концов вырастет бобовое дерево, и оно приведёт нас прямо к великолепному дворцу — дворцу бракосочетаний!

АЛЬБУС: Тебе бы, дружище, сказки писать — цены б тебе не было.

СКОРПИУС: Я бы даже согласился с тобой — вот только Полли Чепмэн и вправду пригласила меня на школьный бал.

АЛЬБУС: В параллельной реальности, когда ты был значительно — значительно! — более популярным, тебя пригласила другая девушка. И это означает… это что означает?

СКОРПИУС: Ну да, если рассуждать логично, то мне лучше ухаживать за Полли. Ну или позволить ей ухаживать за мной. В конце концов, она признанная красавица… Но всё же Роза — это Роза.

АЛЬБУС: Знаешь, если рассуждать логично, то ты болван. Роза тебя терпеть не может.

СКОРПИУС: Не совсем так: она просто привыкла

к тому, что терпеть меня не может, но ты, надеюсь, заметил, как она на меня смотрела, когда я её приглашал? В её взгляде уже не было отвращения — только жалость.

АЛЬБУС: А жалость что — лучше, что ли?

СКОРПИУС: Жалость — это всего лишь начало, мой друг, это фундамент, на котором будет строиться дворец — дворец любви!

АЛЬБУС: Вообще я искренне думал, что из нас двоих первым заведу себе девчонку.

СКОРПИУС: А, ну конечно, само собой, первым, как же иначе… Наверное, собираешься охмурить эту новую профессоршу Зелий, у которой глаза с поволокой — она тебе по возрасту как раз подходит. Ну что, угадал?

АЛЬБУС: У меня нет пунктика насчёт женщин старше меня!

СКОРПИУС: И у тебя как раз будет время, целая куча времени, чтобы её соблазнить. Потому что Розу убалтывать придётся долгие годы…

АЛЬБУС: Я заценил твою уверенность.

По лестнице идёт РОЗА. Проходя мимо них, она останавливается и разглядывает обоих.

РОЗА: Привет.

Ни один из ребят не решается ответить. Она останавливает взгляд на СКОРПИУСЕ.

Я тут подумала — для того, чтобы что–то могло сбыться, надо хотя бы дать ему шанс…

СКОРПИУС: Всё принял и всё понял!

РОЗА: Вот и прекрасно. «Король скорпионов»…

Уходит с улыбкой на лице. СКОРПИУС и АЛЬБУС переглядываются. АЛЬБУС ухмыляется и хлопает СКОРПИУСА по руке.

АЛЬБУС: А может, ты и прав — почему бы всему не начаться с жалости?

СКОРПИУС: На квиддич идёшь? Слизерин играет с Пуффендуем — матч века!

АЛЬБУС: Так мы же вроде терпеть не могли квиддич?

СКОРПИУС: Ну, со временем люди меняются. Кроме того, я уже немножко тренировался. Думаю, со временем получится и в команду попасть. Так что, идём?

АЛЬБУС: Не могу. Мы с отцом договорились куда–то сходить.

СКОРПИУС: То есть он иногда даже проводит время вне Министерства?

АЛЬБУС: Он хочет прогуляться со мной и что–то показать. Чем–то со мной поделиться.

СКОРПИУС: Прогуляться?

АЛЬБУС: Наверняка что–нибудь жутко памятное или такое же тошнотворное. Тем не менее,

пойти, думаю, придётся.

СКОРПИУС внезапно обнимает АЛЬБУСА.

И что это было? Мы же вроде решили не обниматься.

СКОРПИУС: Ну, я не был уверен. Мне вдруг подумалось, что иногда в этом, может, и есть смысл. По крайней мере, для нас, апгрейднутых…

АЛЬБУС: Лучше спроси Розу, что она думает про обнимашки.

СКОРПИУС: Ха! Точно. Обязательно поинтересуюсь.

Ребята отстраняются друг от друга и широко улыбаются.

АЛЬБУС: За обедом увидимся.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ, СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ
КРАСИВЫЙ ХОЛМ

Чудесный летний день. ГАРРИ и АЛЬБУС поднимаются по склону холма. Они взбираются молча, подставляя лица под тёплые солнечные лучи и наслаждаясь этим.

ГАРРИ: Ну что, ты готов?

АЛЬБУС: К чему?

ГАРРИ: Так ведь экзамены, четвёртый курс. А потом перейдёшь на пятый курс, и это будет очень важный год. Я на пятом курсе…

Глядит на АЛЬБУСА, ухмыляется и поспешно

меняет тон:

…много чего делал. Много хорошего. Много плохого. Насчёт многого до сих пор не уверен…

АЛЬБУС: Приятно слышать.

ГАРРИ улыбается.

Знаешь, я тогда следил за ними — за твоими мамой и папой… Совсем немножко следил. Им… вам было весело вместе. Твой отец развлекал тебя дымными кольцами, а ты всё время смеялся просто взахлёб.

ГАРРИ: Правда?

АЛЬБУС: Думаю, они бы тебе понравились. А ещё я думаю, что Лили, Джеймсу и мне они бы тоже понравились.

ГАРРИ кивает. Настаёт тишина. Оба чувствуют себя немного неловко из–за того, что они пытаются достучаться друг до друга, но ни у одного не получается.

ГАРРИ: Знаешь, я думал, что разорвал с ним связь — с Волан–де–Мортом то есть; а потом мой шрам снова начал болеть, я опять начал видеть сны о нём и даже смог заговорить на Змеином языке. Я начал ощущать себя так, словно ничего во мне не поменялось, и уже подумывал, что он никогда меня не отпустит…

АЛЬБУС: Отпустил?

ГАРРИ: Та часть меня, которая принадлежала Волан–де–Морту, уже много лет не подавала признаки жизни, но этого оказалось недостаточно, чтобы полностью избавиться от него: мне нужно было разорвать ещё и психическую связь. И для сорокалетнего мужчины это было большим откровением.

Смотрит на АЛЬБУСА.

То, что я тебе тогда сказал, — непростительно, я не имею право просить тебя о прощении… Но я могу надеяться, что со временем это забудется. Альбус, я постараюсь сделать всё, чтобы из меня вышел лучший отец, чем прежде. Я постараюсь быть честным с тобой — и обязательно буду!

АЛЬБУС: Па, тебе не нужно…

ГАРРИ: Ты сказал, что даже представить не можешь, чтобы я чего–нибудь боялся, но на самом деле я страшусь всего подряд. Я ведь темноты боюсь, представляешь?

АЛЬБУС: Гарри Поттер боится темноты?!

ГАРРИ: Не люблю тесных помещений, а ещё — я этого никому никогда не говорил, но я терпеть не могу… *(колеблется, прежде чем выговорить)* голубей.

АЛЬБУС: Ты не любишь голубей?!

ГАРРИ *(кривится)*: Мерзкие паршивые грязну-

ли. У меня от них мурашки по телу.

АЛЬБУС: Но ведь голуби — совершенно безобидные создания!

ГАРРИ: Да знаю, знаю. Но страшнее всего для меня, Альбус Северус Поттер, быть твоим отцом. Это всё равно что пытаться разобраться в электропроводке без схемы. Большинство людей может за образец взять своего отца, а потом уже решать, быть или не быть на него похожим. У меня такой возможности не было — ну или почти не было. Так что я пока учусь быть твоим отцом, понимаешь? И я всеми силами стараюсь быть для тебя хорошим отцом.

АЛЬБУС: А я стараюсь быть — и обязательно буду! — хорошим сыном. Лучшим, чем сейчас. Пап, я знаю, что я — не Джеймс, я никогда не буду таким, как вы оба…

ГАРРИ: Джеймс совсем не такой, как я.

АЛЬБУС: Разве?

ГАРРИ: Джеймсу всё даётся легко. А мне в детстве приходилось стены лбом прошибать.

АЛЬБУС: Как и мне. То есть, ты хочешь сказать, что я… такой, как ты?

ГАРРИ улыбается АЛЬБУСУ.

ГАРРИ: На самом деле ты больше похож на маму — смелую, неудержимую, весёлую; именно

это я в ней люблю и именно это делает тебя потрясающим сыном.

АЛЬБУС: Я чуть было не уничтожил весь мир.

ГАРРИ: Альбус, Делфи всё равно никуда бы не делась — ты уже вывел её на чистую воду. И ты придумал, как нам её победить. Ты можешь этого и не осознавать, но именно ты нас спас.

АЛЬБУС: Но ведь я мог действовать и поумнее!

ГАРРИ: Ты даже представить себе не можешь, сколько раз я говорил себе то же самое…

АЛЬБУС *(с замиранием сердца: он прекрасно понимает, что его отец так не поступил бы)*: Но ведь потом, когда её схватили, я хотел её убить!

ГАРРИ: Ты видел, как она расправилась с Крэйгом, Альбус, тебя переполняла злость, так что это нормально. И вообще, ты бы этого никогда не сделал.

АЛЬБУС: Откуда ты знаешь? Может, именно этого хотел мой внутренний слизеринец? Может, именно это во мне рассмотрела Сортировочная Шляпа?

ГАРРИ: Альбус, я не знаю, что творится в твоей голове… вообще–то я и не должен этого знать, у нас возраст слишком разный, но зато я понимаю, что творится в твоём сердце. Долгое время не понимал, но благодаря этой… кгхм… авантюре

я наконец узнал тебя как человека. Слизерин, Гриффиндор — это всё навешанные ярлыки; главное то, что я знаю — *знаю!* — что сердце у тебя доброе. Нравится это тебе или нет — ты сейчас учишься быть волшебником.

АЛЬБУС: Ой, да я вообще не собираюсь быть волшебником. Лучше займусь гонками голубей. Меня с них просто прёт.

ГАРРИ улыбается.

ГАРРИ: Имена, которые ты носишь, не должны тебя напрягать. У Альбуса Дамблдора, знаешь ли, тоже были свои скелеты в шкафу, как и у Северуса Снегга — ну, о нём ты всё знаешь…

АЛЬБУС: Они были хорошими людьми.

ГАРРИ: Они были великими людьми, и недостатки у них были такого же размера, но знаешь что — эти недостатки, пожалуй, делали их ещё более великими.

АЛЬБУС оглядывается вокруг.

АЛЬБУС: Па, а зачем мы сюда пришли?

ГАРРИ: Это место, куда я часто прихожу.

АЛЬБУС: Но это же кладбище…

ГАРРИ: А вот могила Седрика.

АЛЬБУС: Папа…

ГАРРИ: Этот мальчик, которого убили… Крэйг Боукер — насколько хорошо ты его знал?

АЛЬБУС: Не слишком хорошо.

ГАРРИ: Я тоже знал Седрика недостаточно хорошо. Он мог играть в квиддич за Англию. Или стать прекрасным аурором. Он мог стать кем угодно. Амос прав — по сути сына у него отобрали. Именно поэтому я здесь. Просто чтобы сказать «прости», когда выдаётся случай.

АЛЬБУС: Это… достойно.

АЛЬБУС становится рядом с отцом перед могилой СЕДРИКА. ГАРРИ глядит на сына, улыбается и переводит взгляд на небо.

ГАРРИ: А денёк–то сегодня вроде неплохой.

Кладёт руку сыну на плечо. И оба чувствуют, как на душе становится чуть теплее.

АЛЬБУС *(улыбается)*: Похоже на то.

Конец